

С. УСПЕНСКИЙ

К ВОСТОКУ
ОТ БЕРИНГОВА
ПРОЛИВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

АЛЯСКА –
«БОЛЬШАЯ
СТРАНА»

ПУТЕШЕСТВИЕ
В РУССКУЮ
АМЕРИКУ

ИНДЕЙЦЫ,
АЛЕУТЫ,
ЭСКИМОСЫ

ЗА ОВЦЕБЫКАМИ
В АЛЯСКИНСКУЮ
ГЛУБИНКУ

СОРОК
ДЕВЯТЫЙ
ШТАТ

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

С.УСПЕНСКИЙ

К ВОСТОКУ
ОТ БЕРИНГОВА
ПРОЛИВА
(ПО АЛЯСКЕ)

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1980

91(И7)
У77

Редакции географической литературы

Художник М. Г. Федоров

Рецензенты—
доктор географических наук
Г. А. Агранат,
В. А. Ломовцев

20901-069
У $\frac{20901-069}{004(01)-80}$ 181-80. 1905020000

© Издательство «Мысль». 1980

ОТ АВТОРА

Речь в этой книге пойдет о самом северном из американских штатов, отделенном от основной части страны территорией Канады. Штат Аляска располагается и почти целиком умещается на одноименном полуострове. А на юго-востоке штата находится еще один полуостров Аляска, узкий и длинный. Между этим полуостровом и материком лежит залив Тихого океана, который тоже называется Аляска.

Аляска—наш сосед. Чукотку и Аляску разделяет неширокий Берингов пролив. Посередине пролива расположены острова Диомида, Большой и Малый. Первый из них—советский, второй—американский. Расстояние между Чукоткой и Аляской, между СССР и США, здесь самое короткое, всего около трех морских миль.

Соседство порождает взаимный интерес. Аляскинцы интересуются жизнью сибиряков, опытом хозяйствования в Сибири и на Чукотке. У нас вполне понятный интерес к Аляске, к тому, как осваиваются там природные ресурсы, какие меры принимаются к охране природы (а природа Севера очень уязвима), каковы результаты этих мер.

Дело, конечно, не только в соседстве. Очень сходны природные условия Северо-Востока СССР и Аляски. И тут и там развиваются одни и те же отрасли промышленности—нефтедобывающая и горнорудная, лесная и рыбная. С каждым годом в эти края устремляется все больше туристов: и в Сибири, и на Аляске их привлекают величественная, первозданная природа, возможность поохотиться и порыбачить.

Коренные жители востока Чукотки и северо-запада Аляски—эскимосы. Они говорят на одном языке, у них единая по происхождению материальная культура. Поэтому так много общих интересов у этнографов и антропологов СССР и США. Конечно, не праздны и вопросы, которые то и дело слышишь, общаясь с аляскинскими эскимосами: «А как охотятся ваши эскимосы? В каких домах они живут? Чем отапливаются? Как развлекаются?»

Аляска—в прошлом часть российских владений в Северной Америке. Многие славные страницы в историю ее открытия и освоения были вписаны нашими земляками—«Колумбом русским», одним из основате-

лей Российско-Американской компании*, Григорием Шелиховым, неутомимым и любознательным путешественником Лаврентием Загоскиным, мудрым государственным мужем, первым правителем Русской Америки (так неофициально называли в XVIII—XIX веках российских владения в Новом Свете) Александром Барановым. Да разве перечислишь здесь все имена!

Мне пришлось быть на Аляске дважды — в 1974 и 1975 годах. В первый раз — в сентябре, в то время года, которое зовется у нас бабьим летом, а в Америке — индейским летом. Второй раз — в апреле, накануне прихода весны. Оба раза моим спутником был Вадим Сергеевич Тархов, магаданец, научный сотрудник Института биологических проблем Севера. И хотя цель наших поездок была конкретной, даже узкой: познакомиться с американским опытом разведения овцебыков и доставить партию этих животных в СССР, нам все же довелось побывать во многих местах штата.

Были эти поездки хотя и кратковременны, но богаты впечатлениями, и результатом их кроме специальных статей об овцебыках явилась и эта книга. В основе ее лежат путевые заметки — неизбежно отрывочные, неизбежно короткие. Может быть, даже в них перепутаны иногда имена, километры, килограммы (чего не случается в спешке!), но вряд ли это так существенно. Более важным мне казалось найти в обилии впечатлений, а потом и донести до читателя главное, типичное, характерное, что свойственно Аляске.

Об Аляске могут быть написаны десятки книг — это большой, интересный, сложный и противоречивый край. Мне же хотелось рассказать главным образом о ее природе, о людях, с которыми там приходилось встречаться, о сохранившихся на Аляске следах прошлого, и особенно о следах Русской Америки.

* Торговая компания, учрежденная в России (1799—1868) с целью закрепления и освоения русских земель в Северной Америке, Курильских и некоторых других островов в Тихом океане. Компании предоставлялось право на монопольное пользование всеми промыслами и ископаемыми на этих территориях, право посылать экспедиции, занимать вновь открытые земли, торговать с соседними странами.

АЛЯСКА — «БОЛЬШАЯ СТРАНА»

(из путевых
тетрадей)

Наз-
вание

этой части

Северной Аме-

рики происходит от

алеутского слова «Аль-

ешка», что значит «Боль-

шая страна». В ясные дни с

мыса Дежнева, восточной оконеч-

ности Чукотки, можно увидеть эту

землю, даже рассмотреть за гладью Бе-

рингова пролива ее горы и низины...

Аляска — самый большой в западном полуша-
рии полуостров. Протяженность ее берегов — больше
пятидесяти тысяч километров, а площадь — полтора
миллиона квадратных километров (это почти пятая
часть территории США). Здесь находятся крайние
северный и западный пределы Соединенных Штатов,
умещаются четыре часовых пояса и пять климатиче-
ских зон. На Аляске расположена высочайшая горная
вершина Северной Америки Мак-Кинли (6193 м) и про-

текает третья по величине река Юкон: ее длина более трех с половиной тысяч километров, а бассейн занимает свыше восьмисот пятидесяти тысяч квадратных километров. На этой суше больше трех миллионов озер, сотни ледников, потухших и действующих вулканов, у западного ее побережья разбросаны десятки тысяч больших и малых островов... Но достаточно цифр.

Считают, что очертания штата напоминают массивный четырехугольник, к которому примыкают два узких и длинных отростка. На юго-востоке—это полоса материкового побережья, которую американцы называют Пэнхендл («Ручка от сковородки»). На юго-западе—полуостров Аляска; с его острия как бы сбегает в океан цепь Алеутских островов.

Мне же Аляска напоминает гигантскую ладонь с пятью растопыренными пальцами. Самый короткий из них—полуостров Кенай. Это «большой палец». «Указательный палец» (он же самый южный)—полуостров Аляска. Бристольский залив отделяет его от расположенного севернее «среднего пальца»—обширного полуострова, который дал приют низовьям Юкона и другой большой реки—Кускоквима, но так и не получил собственного названия. «Безымянный палец» пятерни—полуостров Сьюард. Он непосредственно примыкает к Берингову проливу, и, следовательно, это ближайший сосед Чукотки. Дальше к северу, за заливом Коцебу, находится короткий, коренастый «мизинец»—полуостров, тоже не имеющий названия. Западная его точка—мыс Надежды (Хоп), северная—мыс Барроу, часть Соединенных Штатов, наименее удаленная от Северного полюса.

Трудно сказать, что преобладает на Аляске—горы или равнины. Ее пересекают горные хребты с величественными пиками, круглый год покрытыми снегами. На севере вдоль побережья Ледовитого океана, на значительном, однако, от него расстоянии, лежит хребет Брукса. На юге и юго-западе изогнутой дугой протянулся самый мощный—Аляскинский хребет (гора Мак-Кинли одна из его вершин). На юго-востоке высятся Береговые горы. Это основные системы. Перечисление гор «второй величины» заняло бы слишком много места. Можно лишь сказать, что почти всю центральную часть штата тоже занимает горное плато. Однако немало места приходится здесь и на долины равнин. Это широкая полоса низменного побережья

Северного Ледовитого океана, долины рек Юкона и Кускоквима и множества их притоков.

Аляска многолика. Здесь есть и безлесные тундры, и лесные чащи. У северных ее берегов, случается, льды стоят круглый год, а воды близ юго-западного побережья никогда не замерзают. Вылетев на самолете с аэродрома большого шумного города, например Фэрбенкса, меньше чем через час можно попасть в места, где еще не ступала нога человека (во всяком случае, так пишется в туристских проспектах).

СТРАНА
ВЕТРОВ
И ТУМАНОВ

Запад Аляски — это полуостров Сьюард, побережья залива Нортон и Бристольского залива, дельта Юкона и Кускоквима, острова в северной части Берингова моря: Св. Лаврентия, Св. Матвея, Нунивак. Это просоленный морскими брызгами край туманов и ураганных ветров. Здесь прохладное лето и относительно теплые зимы. Здесь практически нет лесов.

Правда, если быть точным, «леса», даже «национальные леса» (а в США это одна из форм охраняемых территорий) здесь есть. Например, в эскимосском поселке Коцебу, севернее полярного круга, растет ель высотой около трех метров. Она огорожена аккуратным белым штакетником, и около нее висит табличка: «Национальный лес». Деревце — предмет особой гордости жителей поселка и его достопримечательность как «самый маленький лес» в мире. Гораздо южнее, в Бетеле, что стоит у устья Кускоквима, можно увидеть

у дороги, ведущей от аэропорта в поселок, несколько елочек. Они не огорожены, при них нет объявления, но и их подчас называют «национальным лесом».

Отступая от морского побережья, тем более по долинам рек, растут и высокие кустарники—ивняки, ольшатники—и отдельные деревья. Но все-таки этот район безлесен.

Край переболел «золотой лихорадкой» в самой тяжелой ее форме, и следы ее—отвалы промытого грунта, ржавые остовы драг, безымянные могильные холмы—нередко видишь и на морском побережье и вдали от него. Население здесь немногочисленно. Это главным образом эскимосы-охотники на пушного и морского зверя, рыбаки, знаменитые резчики по морской кости.

В середине апреля, когда мы уже ждали наш самолет, который должен был доставить нас вместе с овцебыками домой, в обоих бетелских магазинах—у Свенсона и в «Калисто» (он принадлежит местной корпорации эскимосов)—заметно прибавилось покупателей. Были это в основном взрослые мужчины, и толпились они у прилавков с охотничьими припасами. Считанные дни оставались до начала весеннего пролета дичи. Как обычно в это время, здесь вспыхнула «охотничья лихорадка», и мы стали свидетелями одного из ее проявлений.

Было из-за чего разгореться страстям!

Обширную заболоченную равнину, образованную дельтами Юкона и Кукоквима, где больше воды, чем суши, где сплетаются в густую сеть речные рукава и протоки, где разбросано великое множество больших, средних и малых озер, аляскинцы издавна называют раем для водоплавающих. Считается, что всего на Аляске обитает не меньше 12 миллионов различных видов уток, около миллиона гусей, 150 тысяч журавлей, 70 тысяч лебедей. Прибежище большинства этих перна-

тых—дельты Юкона и Кускоквима, или, как здесь говорят, просто Дельта.

Еще почти по зиме сюда прилетают лебеди. Едва зачернеют первые проталины, как в Дельте появляются гуси. Сначала белолобые, потом канадские и черные казарки, гуси-белошей. Это их родина. Им предстоит провести здесь все лето, вывести и вырастить птенцов, перелинять. А весной и осенью летят через Дельту, останавливаются здесь на отдых белые гуси. Их родина, место гнездования и линьки—СССР, остров Врангеля. С появлением воды—разводьев в море, водяных заберегов на озерах, с вскрытием рек—Дельту заполняют утки—гаги, турпаны и морянки, кряквы, шилохвосты. В одно время с гусями прилетают канадские журавли, вместе с утками появляются гагары. Последними прилетают многочисленные кулики. Говору пробудившихся ручьев начинает вторить нестройный хор птичьих голосов. Здесь и гусиный гогот, и заунывные голоса морянок, и завывания гагар, и несуразный «хохот» токующих самцов куропаток, и трели куличков и лапландских подорожников. Слышен свист крыльев, в воздухе мелькают стаи, пары и одиночные птицы.

И всюду громяют ружейные выстрелы. Для местных жителей (а население разбросанных по Дельте поселков—около десяти тысяч человек, и это почти исключительно эскимосы) охота на водоплавающих всегда имела важное значение. Рыба сейчас не ловится, запасы продуктов в домах подошли к концу, и вся надежда в это время года на удачную охоту на птиц.

Подсчитано, что только местные охотники добывают ежегодно, главным образом весной, не меньше 80 тысяч гусей и около 40 тысяч уток. А ведь здесь охотятся и горожане из Бетела, Анкориджа и Фэрбенкса, из других частей Аляски и из других штатов.

Количество охотников в Дельте растет с каждым годом. Все больше становится их и на Аляске, и в других штатах. Сокращаются площади зимовок гусей и уток.

— Дичи с каждым годом становится у нас все меньше. И куда она девается?—сетуют старожилы Бетела.

По улице Кветлука, эскимосского поселка, что раскинулся по высокому берегу Кускоквима, идут двое ребят. Они несут красное пластиковое, четырехугольной формы ведро. Оба в резиновых сапогах и с ног до головы заляпаны илом. У обоих посиневшие носы и руки.

Не рыбаки ли? Я заглянул в ведро. Оно было наполовину заполнено рыбой. Рыбки небольшие, в ладонь длиной или меньше, головастые, угольно-бурые, с тусклым блеском и с беспорядочно разбросанными по телу золотистыми блестками.

— Как она называется?—спрашиваю у ребят.

— Джон Березкин,—несмело отвечает старший.

Похоже, что мои собеседники, как и я, не очень тверды в английском языке...

— А рыба?

— Блекфиш (черная рыба),—поняв наконец вопрос, отвечает Джон Березкин. Потом добавляет:—По-инуитски это кангвиик.

Так я вновь встретился со старой знакомой. Латинское название ее—даллия пекторалис, русское—просто даллия. Рыбка очень интересна. Водится она лишь вблизи Берингова пролива—на востоке Чукотки и на западе Аляски. Она не часто попадает в руки ученых, и еще недавно многие специалисты-ихтиологи мечтали хотя бы взглянуть на нее (да и сейчас даллия—редкость в коллекциях зоологических музеев). Но дело не только в этом. Даллия необычайно живуча. Она может замерзнуть и даже долго оставаться замерзшей, а затем, оттаяв, снова возвращаться к жизни. И обитает она на своей родине в насквозь промерзающих болотах, озерах и ручьях.

Почему даллия не распространилась широко по Северу и нельзя ли расселить ее в других участках тундры, «зарыбить», как говорят ихтиологи, пустующие мелкие озера и ручьи? Над этим советские ученые задумываются давно. Пытались и осуществить

это, и мне довелось впервые привезти для этой цели в Москву живых рыбок.

Было это в 1964 году на Чукотке. Наша экспедиция заканчивала работу уже осенью. С каждым днем все ярче загорались золотом листики ползучих ив. Гуси и журавли собирались в предотлетные стаи. Рыжие крикуны суслики (они стрекочут, как сороки) спешили накопить на зиму жир и кормились, пренебрегая опасностью, вдали от нор, близко подпускали к себе человека.

Незадолго до отъезда с Чукотки я получил телеграмму от своего друга профессора В. Д. Лебедева с просьбой привезти в Москву живых даллий. И теперь с сачком на длинной палке и большим пластиковым мешком в рюкзаке с утра до вечера я ходил по тундре, цедил воду в ручьях и озерах, с надеждой копался на мелководьях в иле. Но хотя здесь, в окрестностях залива Лаврентия, они и водятся (об этом написано в научных сводках), напасть на них мне не удавалось.

Может быть, помогут местные жители? Я стал расспрашивать охотников, рыбаков, оленеводов, что наезжают в поселок из тундры. Объяснял, как выглядит рыбка, рисовал ее на папиросных пачках и коробках сахара, добросовестно выполнял обязанности гостя, выпивая вместе с хозяевами несчетное количество чашек чая. Но нет, даллии никто не знал.

Оставалось несколько дней до отъезда. И тут случай свел меня со стариком чукчей. Он давно ослеп и не только не бывал в тундре, но почти уже не выходил и из дома, где жил вместе с дочерью и зятем.

— Это ты ищешь черных рыбок?—спросил он через переводчицу, свою дочь.—Тоже хочешь удивиться?

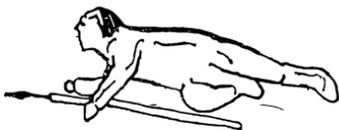
И поведал, как много лет назад, когда он обновлял санный путь, его упряжные собаки вдруг остановились и начали выкапывать из-под мха и снега рыбу. Пустив в ход остол, выкопал несколько рыбок и изумленный охотник. Потом он попал в пургу, не один день отлеживался в сугробе, и нечаянная добыча очень ему пригодилась.

Рассказчик увлекся, стал вспоминать, как дальше протекала поездка (а был он женихом и ехал к своей будущей жене). Услышал я и много других интересных историй. Дело тоже не обошлось без чая. Но все же со слов старика я смог начертить примерную карту, нанес на нее его путь и место необычной рыбной ловли.

На следующий день я опять был в тундре, легко нашел ту самую долину и сразу же стал обладателем желанной добычи. Трудно сказать, что поразило меня больше—сами рыбы, ничтожные размеры водоема, в котором они жили, или необыкновенная память старого охотника. К исходу дня у меня за спиной, в пузыре из прозрачной пленки плескалось около полусотни даллий. Через несколько дней, пересаживаясь с самолета на самолет, я благополучно привез их в Москву. Часть рыбок поселилась в аквариумах Московского университета, а часть—в зоопарке. Это был единственный случай появления в столице живых даллий. Посмотреть на них шли и специалисты-ихтиологи, и любители-аквариумисты (а рыбки были очень красивы). Они хорошо перезимовали. Ученым удалось выяснить некоторые особенности биологии даллий, появилась даже надежда получить от них приплод. Но весной почти в один день все они погибли от грибкового заболевания. ...— Что будете делать с уловом?—спросил я у рыбаков.

— К обеду,—коротко ответил Джон.

На следующий год, в Бетеле мне опять встретились добытчики черной рыбы. На этот раз выяснилось, что ловят ее чаще зимой и во многих эскимосских семьях это важный продукт питания. Видел я в Бетеле большие верши, которыми их ловят. Видел, как едят эту рыбу сваренной и политой тюленьим жиром либо мороженой. Но сам я в таких пиршествах не участвовал. В моем представлении даллия так и осталась диковиной, как это было на Чукотке много лет назад.

Здесь и сейчас говорят об оленеводстве, о домашних северных оленях. В Номе и Коцебу, на острове Нунивак, словом, на западе Аляски встречаются зримые приметы этой отрасли хозяйства в виде загородок-коралей, боен, наконец пастухов, но далеко не так часто, как у нас на Чукотке да и вообще на Севере. Это и понятно: роль оленей в экономике штата невелика.

На Аляске теперь примерно 35 тысяч домашних оленей (пятнадцать стад). На Чукотке же их около полумиллиона, а всего в СССР—около двух с половиной миллионов. Однако еще не так давно о домашних северных оленях говорили на Аляске намного чаще. И тому были причины. Но начну сначала.

Осенью 1892 года на отмельный берег полуострова Сьюард, недалеко от поселка Теллер, были выгружены с баржи первые олени. Их доставили сюда с Чукотки за счет правительства Соединенных Штатов. Завозили оленей на Аляску и позже, в течение целых десяти лет, хотя общее количество переселенцев лишь ненамного превышало тысячу голов.

С какой целью их привезли? Девяностые годы прошлого столетия вошли в историю аляскинских эскимосов как едва ли не самые тяжелые: китов и моржей в море, диких оленей на суше осталось так мало, что добывать их стало трудно, а то и невозможно. Над многими семьями нависла угроза голодной смерти.

«Спасение людей—в разведении домашних оленей!» Принято считать, что эта идея принадлежала аляскинскому миссионеру Шелдону Джексону. Считается, что Джексон же и убедил правительство США в необходимости покупки и завоза животных.

С полуострова Сьюард домашнее оленеводство постепенно распространялось к северу и к югу, достигло мыса Барроу, острова Св. Лаврентия, острова Кадьяк, Алеутских островов. Поначалу стада были собственностью эскимосов, а занимались местные жители этим новым для них делом под присмотром миссионеров и инструкторов-лапландцев, специально привезенных из Норвегии. В первые годы идея Джексона, казалось, себя оправдывала. Но затем начались трудности. Быть круглый год привязанным к стаду претило самой сущности души эскимоса—охотника и рыбака. Чтобы не ходить за стадом, новые владельцы стремились держать оленей на одном месте. Но при этом подчистую уничтожались ягельники. Стада терпели большой урон от волков, олени в стадах постоянно перемешивались, и между их владельцами не утихали споры, шла вражда.

С 1914 года начался новый этап в аляскинском оленеводстве. На горизонте появился Карл Ломен, будущий «олений король». Он начинал скромно, всего с нескольких сот голов. Через десять лет Ломен стал

владельцем 40 тысяч оленей, через двадцать лет—четверти миллиона, а через двадцать пять лет, в конце тридцатых годов,—возможно, даже целого миллиона голов. Лучшие пастбища на Аляске теперь принадлежали ему. Оленьими тушами он загружал трюмы пароходов, и оленину стали регулярно подавать в ресторанах Нью-Йорка, Чикаго, Сан-Франциско. А эскимосы? Их стада постепенно приходили в упадок. Единственным выходом для многих было работать у Ломена, пасти его оленей, свежевать их, грузить туши на пароходы.

Однако и перед Ломеном возникли трудности. «Королей говядины» с юга США не на шутку встревожил новый конкурент. Они добились запрещения ввозить оленину во многие штаты, на пути оленьих бифштексов вставали все новые и новые преграды. Прибыли сокращались, владельцы крупных стад, да и сам Ломен, теряли интерес к оленям, и оленеводство на Аляске покатилося под гору. К 1940 году количество оленей уменьшилось здесь до четверти миллиона, а к 1950 году—до 25 тысяч. К тому же сильно сократились площади пастбищ, особенно зимних. Бывшие ягельники уже не могли прокормить оленей, ни домашних, ни диких,—они заросли травами либо превратились в бесплодные пятнистые тундры.

Оленеводством сейчас разрешено заниматься на Аляске только коренным жителям. Многие эскимосы возлагают надежды на возрождение этой отрасли хозяйства. Их интересует советский опыт разведения оленей, они приглашают к себе советских специалистов, сами едут за океан, чтобы присмотреться к работе советских оленеводов.

Моржи—самые крупные (не считая, конечно, китов), самые необыкновенные, самые необходимые в жизни прибрежных эскимосов промысловые животные.

Самые крупные. Длина их тела может достигать пяти метров, вес—полутонна.

Самые необыкновенные. Вальковатое туловище их обтянуто толстой морщинистой кожей. Голова спереди приплюснута и украшена щетиной жестких усов. Ласты мясистые, подвижные, причем могут подгибаться вперед. Глаза маленькие, скрытые в кожных складках. Громадные клыки, развитые на верхней челюсти, свисают по бокам рта. У взрослых моржей длина их может достигать семидесяти—восемидесяти сантиметров, а вес каждого бивня—четыре килограммов. Не случайно по силе разыгрывавшейся вокруг них фантазии моржи, возможно, превосходили любых представителей животного мира планеты.

Самые необходимые. В течение тысячелетий они давали людям мясо для еды и кормления ездовых собак, шкуры для постройки жилищ и лодок-умиаков. Желудки и кишки использовались для шитья непромокаемой одежды, изготовления домашней утвари, а сухожилия заменяли нитки. Местные гурманы ценили и содержимое этих желудков—мякоть моллюсков, которыми питаются моржи. Из твердых, упругих бивней делали наконечники гарпунов, стрел, скребки и рубила, украшения и игрушки. Не пропадали даже кости моржей. Их применяли для постройки лодок и саней, они употреблялись как кухонная утварь. Лопатка моржа, например, с успехом заменяла блюдо. Наконец, кости заменяли дрова: их поливали моржовым жиром и сжигали в очагах. Словом, морж кормил, одевал и даже согревал человека.

Не случайно у прибрежных эскимосов существуют различные названия для старых и молодых моржей, для самцов и самок: каждая из этих групп животных имела свое, вполне определенное назначение в хозяйстве. Старого самца чукотские эскимосы называют «антохпак», аляскинские эскимосы—«антохнак», или «антохкапийок» («старик с плавучей льдины»). Шкуры таких животных очень толстые, морщинистые, с многочисленными рубцами и шрамами и вообще не поддаются обработке. Не особенно ценится и их мясо, очень грубое и жесткое. Старая самка («ангасалик», или «ангрук», по-эскимосски) дает хотя и толстую, но большую шкуру, пригодную для постройки умиака. Мясо ее тоже жесткое, однако немного нежнее, чем у старого самца. Шкура молодого, но уже подросткового самца, которого эскимосы называют «ункавак» или «ункоблук», идет на изготовление ремней. Мясо его, так же как и у молодой подростковой самки (по-

эскимосски «айвук»), неплохое на вкус и довольно нежное. Из шкуры совсем маленького детеныша, который по-эскимосски называется «кассекак» («крикун»), или «иззаквук» («большой ласт»), делают подошвы для обуви. Мясо его наиболее нежно.

Разные названия даются моржам даже в зависимости от того, где они находятся: моржа, плывущего в воде, эскимосы называют «айвок», лежащего на льдине — «уनावок», лежащего на берегу — «укхток».

Моржи — стадные животные и придерживаются морских мелководий (они питаются донными моллюсками). Большинство их совершает регулярные кочевки — весной на север (на Аляске — вплоть до мыса Барроу), осенью — на юг, до Бристольского залива Берингова моря. У них есть излюбленные места на суше, где звери летом образуют залежки, спят и линяют.

Умиаки делают на Аляске и сейчас. Их нередко можно увидеть лежащими вверх дном на специальных подставках в прибрежных поселках — Шишмареве, Теллере, Гамбелле. На них выходят в море, и для постройки умиаков, как и в старину, используются моржовые шкуры. В тех же прибрежных деревнях можно увидеть, как эскимоски «раскалывают» эти шкуры, терпеливо расслаивают их ножами, чтобы сделать тоньше и легче. Мясо моржей по-прежнему в чести, а бивни подчас единственный товар, который можно продать в ближайшей лавке, и там же купить на вырученные деньги табак, кофе, муки, сахара.

Зверобой подкарауливают исполинов у разводий и лунок, через которые животные дышат. Добывают их на береговых лежбищах, а чаще на воде или на плавучих льдах. Охотники подходят к стаду на умиаках либо на вельботах, стреляют в плывущего моржа, стараясь лишь ранить его, и тут же вонзают в тушу гарпун. Поплавки из нерпичьих шкур, а то и из железных бочек, прикрепленные к гарпуну, держат добычу на плаву. Впоследствии морж погибает от потери крови или от новых пуль, поплавки же не дают добыче утонуть и пропасть.

Звери, обитающие на Аляске и на Чукотке, относятся к одному и тому же подвиду — тихоокеанским моржам и составляют практически единое стадо. Двести — триста лет назад в нем насчитывались сотни тысяч голов, в середине текущего столетия число их сократилось тысяч до пятидесяти — шестидесяти. Сейчас стадо, хотя и медленно, но возрастает.

На Аляске и на Чукотке добывается ежегодно примерно тысяча животных. На Чукотке такой цифрой оценивается действительная потребность в моржах местных коренных жителей, и только им разрешается эта охота. На Аляске тоже добывают моржей преимущественно эскимосы, однако в «поединках» с исполинами здесь участвуют и охотники-«спортсмены». С одним из них мы оказались соседями в самолете, летевшем из Анкориджа в Нью-Йорк. Это был бизнесмен из Чикаго, сухощавый подвижный человек лет сорока—пятидесяти. Он увлеченно рассказывал о своих охотничьих поездках в Африку, в Скалистые горы и вот сюда, на остров Св. Лаврентия, о том, какими великолепными трофеями—моржовыми бивнями—он украсит гостиную своего дома. Не без гордости говорил о том, во сколько обошлась ему эта поездка.

Я представил себе, как он выпустил пулю (может быть, в упор) в неподвижную, лежащую на берегу тушу, а потом ходил вокруг нее, ступал по луже крови, фотографировал, ждал, пока гиды-эскимосы вырубят для него бивни. И я не смог понять этого человека, найти спортивное начало в его «поединке»...

Самые крупные города на западе Аляски—Ном и Бетел. В обоих живет примерно по три тысячи человек, в Бетеле даже немного больше. Зато у Номы действительно городской облик. Постройки его сосредоточены на равнинном берегу Берингова моря. В нем прямые, широкие улицы. Бетел же состоит из многих поселков или деревень, разбросанных без какого бы то ни было плана по берегам протоков дельты Кускоквима. Чтобы пройти из конца в конец города, в Номе нужно затратить час, а в Бетеле, наоборот, целый день. В обоих городах есть магазины, гостиницы, церкви, рестораны, издаются газеты, действуют аэропорты, песят вывесками различные конторы. И в Номе и в Бетеле основу населения составляют эскимосы.

Один из магазинов главной улицы Нома — Фронт-стрит специализируется на продаже изделий, которые местные умельцы вырезают из моржовых бивней. При магазине есть небольшой частный музей искусства и быта эскимосов. В магазине и в музее толпится народ, конечно, приезжие, туристы. Похоже даже, что некоторые только ради этого и приезжают в Ном, причем из соображений деловых, коммерческих. Говорят, что эскимосская резьба по кости стоит здесь дешевле, чем где бы то ни было в Соединенных Штатах. Но большинство людей в магазине и у его витрины на улице все-таки не коммерсанты — среди них немало и ценителей искусства. Да и в самом деле, трудно пройти мимо, не остановившись перед этими маленькими чудесами. Удивительно правдиво и точно передают некоторые мастера не только форму и движение, но, кажется, даже настроение своего героя.

Вот, например, белый медведь. Нужно быть не только художником, но и хорошим натуралистом, зорким наблюдателем, чтобы подметить и воплотить в не очень-то податливом материале самое характерное, что есть в этом звере: его уплощенное мускулистое туловище, длинную подвижную шею, широкие ступни — снегоступы и весла. Можно догадаться, что медведь приготовился к прыжку, что это конец его охоты, длившейся, быть может, много часов подряд, что до лежащего на льду тюленя ему остаются теперь уже считанные метры. Поэтому так сужены и без того небольшие глаза зверя, но зато широко распахнуты ноздри, до предела напряжены мышцы собранных вместе ног.

Рядом — морж, тоже излюбленный сюжет эскимосской скульптуры. В нем удивительным образом сочетаются неуклюжесть и какая-то неуловимая грация, ощущается гигантская мощь. Или фигурка охотника с поднятым над головой гарпуном. Она свободно умещается на ладони, а очертания человека к тому же смягчает пышная меховая парка, в которую он одет, и тем не менее догадываешься, как напряжены мышцы его рук и спины, как сосредоточен взгляд, чувствуешь, что пальцы охотника до боли стиснуты на древке гарпуна...

Не сразу и заметишь, что рядом с настоящими произведениями искусства лежат костяные запонки, броши, зажимы для галстуков, ножи для бумаги. В них уже не чувствуется души художника. Это его пасынки,

подражание каким-то случайным образцам, изделиям из каких-то других материалов. Но странное дело, этот аляповатый товар тоже покупают.

В магазин вошел пожилой эскимос со свертком под мышкой. Хозяин, оставив покупателей, тут же, мне показалось, даже поспешно, вышел из-за прилавка и повел гостя в свою конторку. Через несколько минут они снова были в торговом зале: эскимос без свертка, хозяин с лотком, уставленным новыми товарами.

— С острова Кинг,— сказал он стоявшим у прилавка. Более пространным пояснения, наверное, и не требовалось. Остров этот, расположенный в Беринговом море, недалеко от Номы, известен своими резчиками по кости, а изделия островных мастеров славятся далеко за пределами Аляски.

Эскимоса с острова Кинг, скорее всего автора проданных фигурок, мне довелось встретить еще раз через несколько часов, когда над Номом уже сгустились сумерки. Островитянин брел по улице, сильно пошатываясь, ссутулившийся, грустный.

Так ли он поначалу рассчитывал провести этот день?!

Ном — детище «золотой лихорадки» и вырос в начале века необыкновенно стремительно. Говорят, что до сих пор ветер вздымает на его улицах золотую пыль, что здешний воздух даже пропах благородным металлом. Его называют «самым безумным городом» в штате, и считается, что работу здесь найти труднее, чем где бы то ни было на Аляске. Стоимость жизни в Номе на пятьдесят процентов выше, чем в Анкоридже (где в свою очередь она почти на столько же выше, чем в Сиэтле).

На центральных улицах Номы дома ухоженные, наверное, не так давно покрашенные. Ближе к окраинам их сменяют обшарпанные домишки, появляются развалины, может быть, свидетели «золотой лихорад-

ки», зияют захламленные пустыри. В куче мусора на пустыре копаются старая эскимоска. Увидев нас, она прерывает раскопки и, что-то бормоча, скрывается за углом. Двое маленьких эскимосов ведут на цепи большую лохматую собаку. Пес очень тощий и, наверное, не без корысти тянется к Вадиму Сергеевичу. Тот протягивает руку, но поводыри с лицами не по-детски хмурыми оттаскивают собаку и переходят с ней на другую сторону улицы. Прислонившись к стене дома, склонив голову на грудь и перегородив ногами тротуар, сидит длинноволосый парень, похоже, пьяный.

Возвращаемся в центр города, на улицы, освещенные фонарями, где прогуливаются пестро одетые туристы, ярко светятся витрины магазинов и салунов. В один из салунов нас заносит людской водоворот. Зал почти полон. Гремит музыка, пляшут пестро одетые пожилые туристки. Душно, от дыма першит в горле.

За нашим столиком, наверное, единственное свободное место. Занять его просит разрешения солидный господин со стаканом виски в руке. Он представляется: «Крог, служащий местной авиакомпания».

— Единственное развлечение у нас в Номе, податься вечером больше некуда,— неспешно замечает он.

— А какая главная достопримечательность города?— спрашиваю я. Мистер Крог думает, вслух выдавливая из себя звук, похожий и на «а-а-а», и на «э-э-э-э», и наконец отвечает:

— У нас самый высокий в Америке уровень самоубийств, особенно среди эскимосов.

Как-то не сразу доходит до меня смысл этих слов, а затем будто померкли и без того неяркие лампочки под потолок салуна, резче зазвучали в оркестре фальшивые ноты, показалось неестественным, наигранным окружающее нас веселье.

На полке моего книжного шкафа сидит эскимос-рыбак. Эту фигурку (высота ее сантиметров пятнадцать) не назовешь ни куклой, ни игрушкой. Рыбак

сидит у лунки на льду. В руке у него удочка, рядом плетеная сумка для улова и пешня. На нем зеленая камлейка, капюшон которой оторочен росомашным мехом. На ногах ровдужные камики, на руках—такие же рукавицы. Черты лица, сделанного из кожи, ярко индивидуальны. Рыбак—память об Аляске, об аляскинском городе Бэтеле, о местном городском голове Энди Эдже и его жене Мэри Эдж.

Эджу за пятьдесят. Волосы его тронуты сединой, а сам он выглядит сильно уставшим. Официально пост Эджа называется сити-менеджер, а сфера действия городского головы—дороги и мосты, больницы и школы, электричество и уборка мусора, распределение между бедняками талонов на продукты. Принимал он нас в своем рабочем кабинете. Часто звонил телефон, по делам заходили люди.

Эдж рассказывал о городском хозяйстве и его бедах, о сложных взаимоотношениях города с банками-кредиторами, о том, что Бетелу грозит банкротство, что сам он, чувствуя свою беспомощность, подумывает об отставке. Наш собеседник рассказал и о своей непростой судьбе. Родился Эдж невдалеке отсюда, отец его белый, мать—индианка. Учился в семинарии в Ситке. Мог стать священником, но решил, что, работая в городской управе, будет полезнее землякам (тем более что он знает эскимосский язык). Хозяин расспрашивал нас о том, как организована работа школ и больниц в СССР, особенно на Севере.

— Как бы мне хотелось побывать в вашей стране, увидеть ее своими глазами!—сказал он, когда мы прощались.

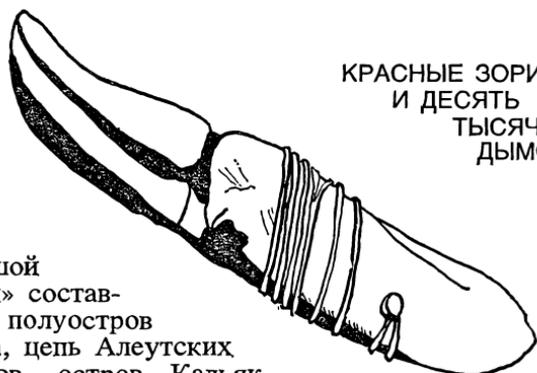
Мы улетали неделю спустя. На проводы нашего самолета в аэропорту собралась большая толпа, и в ней было видно немало знакомых. Люди подходили к нам, жали руки. Подошел и Энди Эдж вместе с немолодой, маленького роста эскимоской.

— Моя жена Мэри,—представил он ее. Мэри, улыбаясь, протянула нам с Вадимом Сергеевичем по пакету.

— Возьмите на память о нас, об Аляске. Я так спешила сделать их до вашего отъезда!

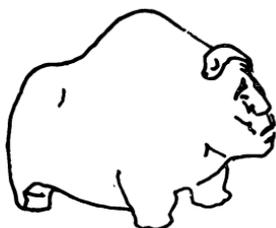
— Пускай они полетят в Россию. Может быть, вслед за ними полетим и мы. У нас теперь появилось время, ведь я подал в отставку,—добавил Эдж.

В пакетах оказались фигурки эскимосов-рыбаков.

КРАСНЫЕ ЗОРИ
И ДЕСЯТЬ
ТЫСЯЧ
ДЫМОВ

Юго-запад «Большой страны» составляют полуостров Аляска, цепь Алеутских островов, остров Кадьяк. Это край вулканов. Более двух десятков из них действующие, другие на время затихли. Но их сон обманчив: в любой момент они могут проснуться, начать извергать дым, пепел, лаву.

В начале мая 1796 года обитатели Алеутских островов стали очевидцами редчайшего явления. К северу от острова Умнак родилась новая вулканическая суша — остров Богослов. Сохранились рассказы очевидцев этого события, записанные известным русским мореплавателем О. Е. Коцебу.

Охотники-алеуты, остановившиеся на острове Умнак, вдруг «увидели воздымающийся из моря в нескольких милях от берега на север столб дыма; к вечеру усмотрели они под дымом нечто черное, весьма мало токмо возвышающееся над поверхностью моря; ночью показался в том месте огонь, иногда столь сильный и яркий, что они, находясь в 10 милях оттуда, на своем острове все ясно различать могли. На сем последнем произошло землетрясение, и ужаснейший гул раздался от гор, на юг лежащих. Бедные охотники приведены были в смертный страх; с рождающегося острова

летали на них камни, и они ожидали гибели. С восхождением солнца прекратилось землетрясение, огонь видимо уменьшался, и они ясно видели остров, имевший вид остроконечной черной шапки... Спустя месяц... новый остров, извергавший во все то время огонь, значительно возвысился. С того времени извергал он менее огня, но вместо того дым был сильнее; пространство и высота острова увеличились, и вид одного часто переменался. По прошествии четырех лет не видно было более дыма, а через восемь лет, в 1804 г., охотники решились уже оный посетить, ибо заметили, что там находится множество сивучей. Вода около острова была теплая, а земля на самом острове в некоторых местах столь горячая, что не можно было на оную ступить».

Остров Богослов прожил пока еще недолгую, но бурную (может быть, правильнее сказать — сумбурную) жизнь. Из его недр вырываются газы, потоки лавы, летят раскаленные камни. Новоявленную сушу размывают морские волны, разрушают новые извержения, но из-под воды опять поднимается твердь и остров подрастает. Мало того, у него появились даже островки-спутники.

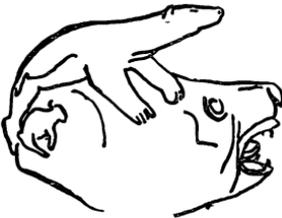
Вошло в историю как одно из самых мощных вулканических проявлений, известных человечеству, и извержение вулкана Катмай на полуострове Аляска. Шестого июня 1912 года раздался чудовищной силы взрыв, и гора—это был спящий вулкан—взлетела в воздух. Горячий пепел выпал на площади поперечником больше ста километров, уничтожив здесь все живое. Много пепла рассеялось тогда в атмосфере, и почти два месяца полыхали над северным полушарием «красные зори», вызванные отражением солнечных лучей от вулканической пыли. Память о катастрофе сохраняет до наших дней и гигантская чаша, образовавшаяся на

месте взрыва, и возникшая в ней Долина десяти тысяч дымов (таково ее официальное название). Дымы—эти горячие сернистые газы, которые еще струятся из растрескавшейся земли.

Юго-запад Аляски можно назвать также страной туманов, бурь и дождей. Летом здесь прохладно, а зимы стоят мягкие. Именно эта часть Нового Света была открыта, а затем первой из американских земель осваивалась русскими мореплавателями и землепроходцами. Именно отсюда начиналась Русская Америка, и до сих пор на острове Кадьяк и на Алеутских островах можно видеть ее следы.

Население юго-запада Аляски немногочисленно. В прошлом его составляли алеуты. Сейчас их осталось мало, но и приезжих оседает в этих местах немного. Живут здесь преимущественно рыбаки и охотники на морского зверя, краболовы (поскольку именно в этой части Аляски обитают у побережья крупные крабы).

Суша здесь бедна жизнью, а вот о море этого не скажешь. Под берегами то и дело показываются тюленьи головы, спины китов, но первыми бросаются в глаза птицы, причем тоже морские. Да и птичьи базары—гнездовые колонии пернатых на прибрежных скалах—явление здесь тоже типичное, характерное. По-английски их называют «птичьи горы», «птичьи

скалы», но мне кажется более удачным и метким старинное поморское их обозначение. В самом деле, суета в воздухе, на воде под берегами, на самих скалах, шум птичьих голосов, слышный больше чем за километр, и заглушающий рокот прибоя,— разве все это не похоже на воскресный базар, на какое-то грандиозное торжище?

Самые обычные жильцы этих птичьих общежитий — кайры. Их здесь два вида. Они величиной с утку и словно одеты во фраки: голова и спина у них черные, а остальная часть тела белая. Кайры селятся на открытых карнизах скал. Гнезд в полном смысле этого слова они не строят, а насиживают свое единственное яйцо по-спартански, на голом камне. Можно добавить, что кайры — птицы шумливые, крики их немного похожи на вороньи и в общем хоре им принадлежат «басовые» партии.

«Тенора», даже «дисканты» в этом хоре — крикливые и подвижные чайки-моевки, которых можно встретить почти на каждом птичьем базаре Алеутских островов или полуострова Аляска. Сразу бросаются в глаза их гнезда, прилепленные подчас к совершенно гладким и отвесным скалам. Кстати, многим новичкам попытки добраться до гнездовых моевок, чтобы собрать их яйца, стоили жизни. Дело в том, что гнезда чаек производят обманчивое впечатление — они кажутся прочными сооружениями, надежными ступеньками. Одна-две такие ступени, бывает, выдерживают тяжесть человека, как бы завлекают его дальше, на более опасный участок, но следующие «ступеньки» внезапно отваливаются, и незадачливый сборщик яиц летит со скалы.

Трудно даже перечислить всех обитателей здешних птичьих базаров. У нор и расщелин, где скрыты их гнезда, можно заметить тихонь-топорков. Главный их отличительный признак — красный плоский, очень высокий клюв, действительно «топорок». А седые косицы, которые спускаются по бокам головы, да и выражение «лица» (оно белое, а все остальное оперение черное) придают им сходство с какими-то угрюмыми старцами. Зато у ипатов, или, как их еще называют, морских попугаев (у них тоже яркий, уплощенный и высокий клюв, и они селятся в укрытиях), «лица» словно бы приветливые, улыбчивые.

Часто гнездятся здесь глупыши, похожие на чаек, но состоящие в близком родстве с альбатросами и

буревестниками. Гордецы бакланы (их несколько видов) держатся особняком. Кажется, места потише, поспокойнее ищут и черные краснотопые чистики (американцы зовут их «морскими голубками»), а суетливые малыши-конюги—у них на лбу задорно взъерошенные хохолки,—наоборот, не могут обойтись без общества, без шума. Только в ночные часы можно увидеть у скал порхающих качурок—тоже родичей альбатросов, слышать их негромкое чириканье или щебетание. Весь день они проводят в укрытиях, там, где находятся их гнезда. И на каждом птичьем базаре, как и в каждом пруду, чтобы «карась не дремал», есть своя «щука». Это большие серокрылые чайки.

Хотя жилища птичьих «общежитий» и выводят птенцов на суше, все-таки они самые настоящие «моряки». Кормятся они только в море, причем их охотничьи участки строго поделены. Чистики, например, охотятся под самыми берегами и добывают здесь донных животных—рыбу, рачков. Кайры тоже хорошие ныряльщики и тоже промышляют рыбу и рачков, но ловят их преимущественно в открытом море, иногда на глубине двадцати—тридцати метров. Хорошие ныряльщики и удачливые рыбаки—бакланы. Конюги тоже могут нырять, но кормятся только мелкими рачками. А вот моевки нырять не могут и облавливают лишь поверхностные слои воды. Зато они лучшие в этом обществе летуны и обладатели самых обширных по площади охотничьих участков.

Естественно, что колонии морских птиц играли большую роль в жизни алеутов. Люди не только кормились мясом и яйцами кайр, топорков, ипаток, но и шили из их шкурок одежду. По свидетельству очевидцев, птичьи парки были в равной мере красивы и удобны, теплы и легки. К. Т. Хлебников, один из директоров Российско-Американской компании и ее историк, писал: «Ничего не может быть удобнее оной в отношении климата и образа их жизни. Сии парки довольно теплы, и как носят их вверх перьями, то дождь обыкновенно стекает и не промачивает мездру, которая к тому же и выделана с жиром и не скоро позволяет впитываться воздушной влажности и мокроте. Ветра также не продувают насквозь шкуры; но соединив парку с кишечной камлеей (рубахой из тюленьих кишок, надеваемой поверх парки), алеут долго в состоянии перенести ветер, холод и мокроту». Словом, птичья парка была для алеута предметом первой необ-

ходимости и заменяла ему не только весь гардероб, но даже постель и одеяло.

В наши дни на алеутах уже не увидишь птичьих парок. Не так уж важны в жизни современных островитян мясо и яйца морских птиц. Да и сами птичьи базары во многих местах уменьшились, а то и вовсе прекратили свое существование. Но и сегодня хор птичьих голосов, доносящихся с прибрежных скал Алеутских островов, производит сильное впечатление.

Калана называют также морским бобром (что неправильно, поскольку это не грызун) или морской выдрой (что близко к истине). Владелец самого ценного в мире меха, он долгое время был тем главным магнитом, что тянул на Аляску русских промышленных людей. А главной вехой в истории самого калана был 1742 год—год возвращения на Камчатку спутников командора Беринга, участников его экспедиции. Сотни каланьих шкур, которые привезли с собой моряки, их рассказы о фантастическом изобилии «бобров» на вновь открытых землях взбудоражили умы и удалцов и толстосумов из Охотска, Иркутска, даже из самой Москвы. И хотя нелегкими были эти плавания, расчет часто оправдывался, суда возвращались с богатым промыслом. Уже первый поход промышленников (его возглавил сержант охотской казачьей команды Емельян Басов) доставил 1200 «бобровых» шкур. А всего таких походов во второй половине XVIII века состоялось около ста. Вслед за русскими в этих водах появились английские, испанские, американские суда. Этим мореходов тоже манили богатые барыши.

Нетрудно догадаться, каким был итог. Каланы на Аляске исчезали. Особенно быстро стало сокращаться их количество после продажи Аляски Соединенным Штатам. До этого Российско-Американская компания ограничивала, а то и вовсе запрещала добычу животных там, где их становилось мало, теперь же исчезли

все ограничения. Еще в последнем десятилетии XIX века на Аляске было добыто почти 48 тысяч шкур каланов, но уже в 1900 году—всего 127 шкур (хотя цена на них стремительно возрастала), а в 1910 году—только одна! Эта единственная шкура была продана за 1703 доллара и 33 цента...

В 1911 году Россия, США, Великобритания (частью которой была тогда Канада) и Япония заключили соглашение о полном запрете охоты на каланов и котиков.

«Это все равно что попытка запереть двери конюшни, из которой давно уже увели лошадь».—так отзывались о подписанном документе пессимисты. Но оказалось, что немногие звери все-таки уцелели, и за десятилетия охраны каланы стали вновь появляться там, где были когда-то обычны. Всего в Соединенных Штатах, по подсчетам последних лет, обитает их более 40 тысяч, и большая часть—у побережий юго-запада Аляски.

Но прочно ли это благополучие? Море в наши дни все сильнее загрязняется нефтью, а нефтяная пленка губительна для каланов. К тому же с 1967 года в США возобновлен промысел этих животных.

Каланы привлекли к себе внимание не только промышленников, но и натуралистов. В самом деле, поведение этих животных необычайно интересно. Они даже пользуются «орудиями труда»! Для чистки своего меха животные употребляют пучки морской травы. А чтобы разбить твердый панцирь моллюска или морского ежа и добраться до его содержимого, калан, лежа на воде, кладет себе на грудь увесистый камень, а затем, используя его как наковальню, разбивает о камень свою добычу. Правда, употребление «наковальни» было замечено только у калифорнийских каланов, но не исключено, что их алеутские сородичи не менее сообразительны.

У морского котика и калана, при многих различиях (так, первый из них относится к ластоногим млекопитающим и совершает далекие миграции, второй—представитель хищных, точнее, кунных, и большой домосед), есть одно важное общее качество—ценный мех. Поэтому и судьбы этих животных оказываются такими схожими.

В июне 1786 года к северу от Алеутских островов были открыты два острова. Обнаружил их штурман Гаврила Прибылов и назвал их островами Св. Павла и Св. Георгия. Потом они стали называться островами Прибылова. Здесь тоже жили каланы и песцы, но главным богатством суши оказались громадные лежбища котиков, или, как их еще называют, морских котов. Островные пляжи были заполнены, местами даже забиты ими. Рыжими пятнами выделялись в этой массе громоздкие фигуры секачей—взрослых самцов, чернели новорожденные малыши, виднелись компании «холостяков»—самцов-подростков. Масса находилась в постоянном движении. Мелькали в воздухе ласты—животные обмахивались ими как веерами, там шла схватка секачей, там пробирались в море или возвращались с кормежки самки. На лежбищах не затихал гул. Он превосходил по силе рокот прибоя, был слышен издали, и издали ухо различало в нем рев секачей, гортанные крики самок, звонкое детское бляение «черненьких».

Уже через два года после открытия островов промышленники вывезли отсюда почти сорок тысяч котиковых шкур, а через полвека, в 1834 году,—больше двух миллионов. Известно также, что еще 1867 году, при продаже Аляски, на этих лежбищах собиралось около трех миллионов «котов».

Дальше можно повторить уже рассказанную историю каланов. В 1910 году на островах удалось насчитать лишь 130 тысяч животных. Стало очевидным, что лежбища угасали.

Изменения к лучшему начались в 1911 году, после того как было подписано международное соглашение об охране котиков. В последние годы численность их достигла здесь полутора миллионов, и это, следовательно, крупнейшее лежбище в мире. На островах Прибылова теперь заготавливается в год около ста тысяч котиковых шкур—такова главная местная индустрия.

Известно уже немало случаев спасения видов (или подвидов, отдельных рас) животных, находившихся на грани исчезновения, возвращение их почти что с того света. Одним из примеров такого рода может послужить история алеутской казарки.

Этот гусь—один из самых мелких подвидов канадских казарок—когда-то был широко распространен на Алеутах. Но затем песцы, которых здесь расселяли, и серые крысы, попавшие сюда «безбилетниками», истребили казарок на всех островах, кроме одного. Счастливым исключением оказался Булдырь, небольшой островок длиной в девять и шириной в пять километров. «Весь он состоит из гор и окружен каменным утесом»,—писал о нем русский мореплаватель Г. А. Сарычев. В 1962 году на Булдыре насчитали около трехсот казарок. Бедственное положение подвида заключалось в его крошечной гнездовой области и малой общей численности.

В следующем году орнитологи поймали здесь шестнадцать гусят и перевезли их на одну из научных станций в штате Колорадо. Часть выращенных птиц затем передали другой станции—Патуксентской, расположенной близ Вашингтона. Казарки в неволе успешно размножались. Одновременно на Амчитке, Агату и на других островах, когда-то заселенных казарками, отлавливались песцы и крысы: шла подготовка к возвращению пернатых на их прежнюю территорию.

В 1971 году семьдесят пять птиц, привезенных из Патуксента, впервые были выпущены на Амчитке. Последний этап работы начался весной 1976 года. Шестьдесят казарок, выращенных в неволе, опять доставили самолетом на Амчитку; из них десять пар выпустили здесь в мае в надежде, что они загнездятся, остальных—в августе, в преддверии отлета. «Поводырями» же зоологи подпустили к ним несколько диких казарок, специально для этого пойманных на Булдыре.

Судя по первым наблюдениям, опыт идет успешно. Растет и «страховой фонд» — стая казарок, содержащихся в неволе.

Остров Кадык — самый крупный в заливе Аляска, да и вообще на юго-западе Аляски; его длина около 170 километров, ширина — около девяноста. На севере острова есть еловые леса, на юге заросли ивняков и ольшатники перемежаются с тундрой и лугами. В море у берегов показываются киты, нередки тюлени и каланы. На острове были акклиматизированы вапити (олень, похожий на нашего марала) и другой олень — ситкинский. Здесь организован заказник.

Остров — колыбель Русской Америки. С ним связаны имена Шелихова и Баранова; первый начинал обживать эту сушу, второй основал здесь Павловскую крепость — теперешний городок Кадык. В городе многое напоминает о тех днях: названия улиц (Баранов-стрит, Кашеваров-стрит), старинное бревенчатое здание — теперь в нем музей Баранова, — звон колоколов православной Воскресенской церкви и даже русская речь у бензиновой колонки.

Туристские проспекты называют город Кадык «мировой столицей королевских крабов». В море вокруг острова действительно обитают крабы, те самые, которые у нас зовутся камчатскими. К пирсам порта все лето швартуются суда-краболовы, а в городе есть фабрики по переработке крабов, в том числе выпускающие крабовые консервы.

Остров знаменит и тем, что на нем водится кадыкский медведь — самый крупный бурый медведь в мире (точнее, один из самых крупных, поскольку с ним может соперничать по величине его камчатский родственник; кстати, кадыкский медведь так же миролюбив, как и камчатский). Вес этого гиганта изредка достигает шестисот и даже семисот килограммов. Здесь насчитывают около двух с половиной тысяч медведей, а около двухсот ежегодно становятся добычей охотников, конечно, главным образом приезжих.

В общем-то есть чем привлечь туристов, и их обслуживание — далеко не маловажная отрасль островной индустрии. Особое место среди гостей, конечно, занимают охотники на медведей. При «медвежатниках» кормятся многие островитяне, но в первую очередь непосредственные организаторы этого развлечения — гиды, рекламирующие себя в охотничьих журналах многих стран мира. Леон Франциско, например, предлагает охоту на медведя из «Спиридонова лагеря» (Spigidon bear Camp) и представляется как «зарегистрированный гид и поставщик снаряжения». Его конкурент Парк Мунзей завлекает любителей медвежьей охоты тем, что он «опытный гид, располагает самолетом (авиатакси); ведет это дело с 1956 года и имеет один из лучших на Аляске охотничьих лагерей».

Подсчитано, что охотники на медведей, приехавшие из других штатов или из-за границы, оставляют на Аляске (главным образом на Кадьяке) по 750 тысяч долларов в год. И тем не менее медвежатники, хотя и туга их мошна, — «штучный товар». Массовый же турист приезжает на Кадьяк, чтобы подняться на гору Пилар, побывать в музее Баранова, просто чтобы полюбоваться красотами острова. Особенно большой наплыв гостей бывает в мае и в августе. В течение первой недели мая на Кадьяке происходят «крабовые фестивали». Это начало крабового сезона, а сезон захватывает только те месяцы, в названиях которых отсутствует буква «Р»; остальное время года крабы линяют, и их не ловят. Повара местных ресторанов изощряются в течение фестивальной недели в приготовлении блюд из крабов. Для развлечения туристов устраиваются конкурсы на быстроту обработки крабов, на быстроту разделки тюленей. В «тюленьем» состязании несколько лет подряд занимал первое место островитянин Джон Павлик. Ему удавалось срезать шкуру с тюленя менее чем за пять минут.

В августе гостей здесь ждет красочное представление под открытым небом — «Крик дикого барана», воссоздающее жизнь на Аляске главного правителя Русской Америки Александра Андреевича Баранова. Я не видел этого спектакля и сказать, насколько показанное в нем достоверно, не могу. Но судя по описаниям, в нем бывает занято больше ста самостоятельных артистов, а действие щедро насыщено пушечной стрельбой, брацианием холодного оружия, дымом пожаров.

ВОТЧИНА
«ПОЛЯРНОГО
МИКРОБА»

Север и северо-запад Аляски занимают склоны хребта Брукса и примыкающая к нему приморская низменность. Это уже Арктика и Субарктика, и к ним относится около трети территории штата. Лесов в полном смысле слова здесь нет, но кое-где еще можно встретить не только заросли ивняков и ольшатника в рост человека, но и островки приземистых елок.

Летом в этой части Аляски—полярный день с не заходящим за горизонт солнцем, хлюпающие под ногами тундровые болота, тучи комаров. Зимой—долгая полярная ночь, прихотливые узоры полярных сияний в небе, морозы и пурга, прочные, как бетон, снежные заструги. Край этот суров, но не лишен своеобразной красоты и обаяния. Недаром говорят о «полярном микробе»: он якобы поражает многих из побывавших под полуночным солнцем и влечет потом сюда человека вновь и вновь.

Впрочем, несмотря даже на происки микроба, еще недавно это была наименее заселенная человеком часть Аляски. Население тундровой глубинки составляли немногие семьи, да и на побережье ютилось лишь несколько эскимосских поселков. Кормила здешних эскимосов главным образом охота на песцов, северных оленей, морского зверя. Однако теперь здесь становитсялюдно и шумно. На севере Аляски началась добыча нефти, поднялись буровые вышки, выросли новые поселки. Отсюда протянулся к югу Трансальяскинский нефтепровод, вдоль него пролегло шоссе. Сюда летают большие самолеты. Появились и толпы туристов, и среди диковин, обещанных им красочными проспектами

и путеводителями, значатся представления, которые по заказу разыгрывают перед ними эскимосы, зачастую уже больше актеры, чем охотники.

Приближалась середина сентября, и сюда, к мысу Барроу, уже подкралась осень. Осыпались побуревшие листики полярных ив. Поблекшие стебельки трав за ночь посеребрились инеем, и утреннее солнце, низкое и холодное, так и не сумело его растопить.

Ломая звонкие корочки льда на лужах, я шел по тундре. В одном месте из-под моих ног выскочил лемминг, золотисто-рыжий и юркий, как солнечный зайчик (в Америке его называют коричневым, у нас — сибирским). Пробежав немного, он скрылся в ближайшей норке. Затем встретился выводок пуночек. Молодые уже хорошо летали, и птицы с негромким писком перепархивали с луговины на луговину. Незаметно для себя я очутился на морском побережье. Море, все в матовых мазках шуги, едва дышало. Лениво лизали гальку волны, серые и тяжелые, будто расплавленный свинец. Жизнь здесь была гораздо богаче, чем на суше. Стайками пролетали гаги-гребенушки и сибирские гаги. Проплывали в воздухе чайки. Под самым берегом, на мели, как в вальсе, кружились кулички — плосконосые плавунчики, а подальше на воде виднелась круглая, похожая на мяч, блестящая нерпичья голова.

Все это казалось таким знакомым, столько раз виденным и на Новосибирских островах, и на побережье Евразийского материка — в Якутии, на Чукотке. Чтобы развеять наваждение, я даже оглянулся. Нет, это была Аляска! Сзади виднелся поселок Лаборатории арктических исследований на мысе Барроу, блестели покрытые алюминием его дома и склады...

Белый медведь, самый характерный представитель животного мира Арктики, конечно, встречается и на Аляске, и именно здесь, на ее севере и северо-западе. Зоологи не перестают ему удивляться. Действительно, замечателен уже сам факт, что этот крупнейший из современных хищников Земли (а вес его может достигать тонны, и он; следовательно, в полтора-два раза крупнее даже самого рослого кадыякского медведя) постоянно обитает в ледяной пустыне. Поразительно, что он сумел приспособиться к жизни в этих, казалось бы, невероятно трудных условиях, где так суров климат и так трудно найти пищу. Интересны способы, которыми белый медведь добывает тюленей, свой основной корм, и удивительно его умение голодать целыми неделями. Всю жизнь он кочует во льдах; кочевки эти целенаправленны, а по протяженности сходны с перелетами птиц. Но что служит ему ориентиром в путешествиях, особенно полярной ночью, в ненастную погоду (между тем как пернатые прокладывают себе путь по солнцу или по другим небесным светилам), остается неясным. К сказанному можно добавить, что еще недавно судьба белого медведя вызывала тревогу и было необходимо искать пути его охраны.

Словом, интерес к этому животному естествен. Закономерно и то, что есть зоологи, изучающие этого зверя наиболее пристально, даже «однолюбы». И среди них на одно из первых мест должен быть поставлен ученый с Аляски Джек Лентфер.

Ему, наверное, около сорока, но выглядит он значительно моложе. Лентфер высок, сухощав, если не сказать худ, немногословен. У него большие рабочие руки и короткая прическа бобриком, энергичные, с «черствинкой» черты лица, за которыми легко угадываются доброты и отзывчивость. Такого типа людей немало среди коренных аляскинцев. Добавлю, что его жену зовут Мэри и что в семье Лентферов она занимает явно лидирующее положение. Поскольку я и сам неравнодушен к белому медведю, с Джеком и Мэри мы уже старые знакомые. Они вместе приезжали в Москву, на один из конгрессов. Теперь же мне представилась возможность побывать у них дома.

Хотя это был просто ужин и за столом находилось довольно пестрое общество, разговор шел почти исключительно о белых медведях, причем Мэри проявила себя в этой области неплохим знатоком. И я понял, что

у Джека, в его занятиях любимым делом, есть хороший помощник, что в жизни Джеку повезло. В самом деле, редкая жена согласится поехать с мужем на мыс Барроу, когда в семье двое малышей. А Мэри согласилась, и Лентферы прожили здесь без малого десяток лет. Зато Джек освоил мечение медведей во льдах и пометил их в общей сложности около тысячи.

Несколько слов о том, как и для чего это делается. Конечно, голыми руками такого зверя не возьмешь, и, чтобы пометить, его нужно предварительно обезопасить. Зоологи в последние годы получили такую возможность. Появились препараты, сходные по своему действию с ядом кураре, который южноамериканские индейцы добывают из тропических растений. Эти препараты на время лишают животное способности двигаться. Вводят их при помощи «летающих шприцев», выстреливая ими из специального ружья.

Пользуясь временной неподвижностью зверя, зоологи могут измерить его, взвесить, прикрепить к ушам металлические или пластмассовые бирки, написать несмываемой краской номер на шкуре. Метят зверей и иначе — надевают на них ошейники с радиопередатчиками. По сигналам миниатюрной радиостанции можно судить не только о том, где находится белый медведь, но и о том, что он делает: лежит, идет или занят охотой.

Словом, мечение белых медведей (да и не только их) открывает большие возможности в изучении кочевков, быстроты размножения и многих других сторон жизни зверей, позволяет, наконец, разумнее и действительнее осуществлять их охрану.

На бумаге процесс обездвиживания и мечения зверей выглядит довольно просто. Однако на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Хотя бы потому что место действия — Арктика и карты здесь постоянно путает погода. Лентфер выслеживал медведей и стрелял по ним «летающими шприцами» с маленького самолета или вертолета. Особенно трудно было вначале. В 1966 году из первых пяти обездвиженных медведей четыре погибли на глазах исследователей — не были точно определены дозировки препаратов.

В 1967 году дело пошло удачнее (в том же году начали опыты по обездвиживанию белых медведей и мы в СССР), потом еще удачнее, хотя каждый год приносит какие-то неприятные сюрпризы.

В 1974 году, когда мне пришлось гостить у Лентферов, они жили уже не на Барроу, а в пригороде Анкориджа. Расставаясь с Джеком, я спросил его о планах на ближайшее будущее.

— Готовлю шприцы, получаю новые образцы мекток,— ответил он.

Мэри молча развела руками, по-видимому, в знак своего согласия на поездку мужа.

Джек, как человек экзотической профессии (много ли в мире людей, которые «на ты» с белыми медведями?), и раньше был известен в Америке. А в 1975 году, когда случилась история со Снежком и ее опубликовали многие газеты, популярность Лентфера еще больше возросла. История со Снежком такова. Ранней весной эскимосы привезли на Барроу, в Арктическую лабораторию, совсем маленького медвежонка. Малыш, конечно, попал к Лентферу. Ученый решил, что подкидьша (его единодушно называли Снежком) нужно накормить, а затем попытаться вернуть на волю. Накормить Снежка оказалось нетрудно: ему пришлось по вкусу сгущенка, и он без церемонии расправился с целой банкой. Вернуть малыша на волю было труднее, поскольку решающая роль здесь принадлежала его будущей приемной матери. Чтобы не калечить зверя долгой человеческой опекой и не превращать его в домашнее животное, Джек в ближайший свой вылет во льды стал присматривать подходящую медведицу.

Прошло немало времени, пока нашлось то, что требовалось,— медведица с одним медвежонком (иначе у нее могло бы не хватить молока на подкидьша) того же возраста, что и Снежок, и всего в десятке километров от берега, не так далеко от Барроу. Самолет снизился, Джек выстрелил «летающим шприцем», бездвигил и пометил зверя и сразу же полетел в лабораторию за малышом. Медведица не успела встать на ноги, как Снежок был доставлен на место и выпущен рядом со своим «молочным братом». Джек и пилот улетели не сразу, и велика была их радость, когда медведица стала вылизывать и кормить обоих медвежат.

На следующий день удалось разыскать это семейство во льдах, и ученый окончательно убедился, что приемщик усыновлен.

Случаи успешного возвращения диких зверей в природу не так уж часты. Белого медведя вернуть на волю, во льды, удалось впервые.

Чтобы попасть из поселка Коцебу на мыс Барроу (конечно, самолетом, поскольку других путей сообщения здесь нет), нужно пересечь хребет Брукса. И вот теперь он под нами. Точнее, пока горы Бэрда, юго-западные отроги хребта.

Сначала по склонам гор еще встречаются островки елей, еловое редколесье, а в долинах — заросли высоких ивняков, ольшатники. Но чем дальше к северу, тем реже и ниже лес, ниже кустарники. За рекой Ноатак деревья вовсе не растут. Отсюда начинается горная тундра, та самая, по которой когда-то путешествовали Лоис Крайслер, ее муж Крис и их «домашние» волки.

Лоис Крайслер известна любителям природы многих стран мира, в том числе и у нас, как автор прекрасной книги (в 1966 году она была издана в СССР и в русском переводе называлась «Тропами карибу»). Это было по существу новым открытием Арктики, ее животного мира. Герои Крайслер — птицы и звери арктической Аляски, точнее, западных частей хребта Брукса, проплывающих сейчас под нашим самолетом. Она и посвящает свою книгу «волкам полярной тундры и тем, кто хочет действовать, чтобы спасти им родину и жизнь». Волка с самолета не очень-то и рассмотришь, а вот оленьи тропы (может быть, именно об этих тропах и рассказывает писательница?) кое-где виднеются.

Постепенно приближаются горы Делонга — западные отроги хребта Брукса. Голые каменные россыпи, островерхия скалистые пики... Но и среди россыпей есть луговины, а на них местами белыми точками выделяются дикие бараны. Картина кажется знакомой. Ведь и на востоке Сибири горы не диковина, и там есть россыпи, скалы, бараны (чубук, или толсторог, — так называют сибирского горного барана). Но чего-то все-таки здесь недостает. Чего же? Я всматриваюсь в плывущую под нами панораму. Ну конечно, здесь нет кедрового стланика, того самого, что составляет неотъемлемую часть пейзажа гор Восточной Сибири и чьи сизо-голубые, почти непроходимые дебри привлекают к себе осенью медведя и соболя,

кедровку и полевок, короче, всех желающих пощелкать кедровыми орешками.

За горами Делонга как-то сразу, неожиданно, начинаются равнинные тундры, сначала сухие, с серебристыми пятнами лишайников и лентами кустарника по речным долинам, потом заболоченные, с осокой и пушицей. Чем дальше к северу, тем заметнее дыхание осени, тем гуще на зеленом фоне желтые и бурые мазки. Затем вдали показывается море (направо — море Бофорта, налево — Чукотское), а в тундре появляется все больше озер, рек, речных проток. Потом воды уже становится больше, чем суши. И вокруг почти каждого озера олени тропы. Нетрудно понять, что под нами пастбища большого стада карибу, как называют в Америке дикого северного оленя.

Когда-то оленей было на Аляске гораздо больше. Еще живы люди, которые могут рассказать, как олени стада шли во время своих миграций нескончаемым потоком, по несколько дней подряд и рога их издали напоминали лес. Старожилы помнят, как, переправляясь через большие реки, например через Юкон, стада оленей заставляли сутками простаивать пароходы, а ниже переправ на пологих речных берегах вырастали метровой толщины валы оленьей шерсти.

Сейчас этого уже не увидишь. Количество оленьих стад и животных в каждом стаде и площади их пастбищ, по-видимому, никогда не были постоянными. Если эти показатели выразить в виде графика, то кривая на нем будет скакать вверх и вниз, напоминая горизонтально лежащую пилу. Так было еще сто лет назад. Позже, когда у эскимосов и индейцев появились огнестрельное оружие и возможность сбывать мясо и шкуры, когда возникла потребность в покупке патронов, табака, кофе, «пила» как бы наклонилась, кривая, хотя и продолжала скакать, но постепенно поползла вниз. Еще в тридцатые годы нашего века на Аляске обитало около миллиона карибу. К началу пятидесятых годов их численность составляла только 160 тысяч. Через десять лет она возросла до 500—600 тысяч, но, по мнению специалистов, дальше следует ожидать только сокращения запасов животных, поскольку надежды на сохранение их пастбищ мало.

Считается, что на Аляске обитает тринадцать самостоятельных стад карибу (некоторые заселяют и часть канадской территории). Самое крупное из них (в нем больше двухсот тысяч животных) — арктическое. Эти

Олени летом кочуют в равнинных тундрах, доходят до моря, а зимой поднимаются на склоны хребта Брукса. Значит, это они, их близкие и дальние предки, выбили те тропы, что виднеются теперь внизу под нашим самолетом.

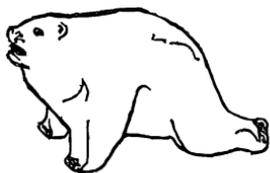
Инару — последняя перед посадкой нашего самолета река. За ней опять заболоченная тундра с большими и малыми озерами, но слева, уже совсем близко, море, до горизонта свободное ото льда, а впереди — кучки домов, отблески каких-то металлических построек, полоска аэродрома, почти упирающаяся в морское побережье.

Это мыс Барроу, крайний север Аляски, ее «вершина».

На Аляске, да и вообще в Америке, исторический возраст измеряют другими мерками, чем в Европе или Азии. Хороший пример тому — город Барроу. Его называют старым, хотя официально он существует с 1939 года. Прежде это был поселок, но и его основание относится лишь к 1925 году. Еще раньше здесь, на побережье, было несколько эскимосских поселений, самым большим из которых считался Уткиаквик («высокое место»), состоявший из сорока хижин. Именно таким его застал в 1826 году первый попавший сюда европеец капитан Ф. Бичи. Он же дал название северной оконечности Америки — в честь Джона Барроу, известного английского путешественника и географа.

Теперь на крайнем севере Аляски находятся три населенных пункта: город Барроу, где живет почти три тысячи человек (главным образом эскимосы), севернее, примерно в километре от него, — нечто вроде пригорода или предместья, еще севернее, километрах в шести, на самом мысу, — Лаборатория арктических исследований. В Барроу регулярно летают самолеты аляскинской компании «Виен» (летом — дважды в день). В августе и сентябре, когда море освобождается ото льда, сюда приходят пароходы.

«Прыжки в поднебесье», или «налукатак», когда-то, в далеком прошлом, были придуманы эскимосами как охотничий или военный прием. Вокруг не найдешь дерева, не всегда рядом оказывается скала, и, чтобы человек мог осмотреть окрестности, односельчане (или «однопольчане») подбрасывали его вверх на моржовой шкуре. Получалось почти то же самое, что теперь в цивилизованном мире называют прыжками на батуте. Постепенно налукатак превратился в развлечение, в спорт, в составную часть каждого эскимосского праздника. Спортивным снарядом служат здесь две сшитые моржовые шкуры с множеством прорезов по краям, за которые можно ухватиться, как за ручки. Участники забавы (а ими могут быть все желающие) раскачивают шкуры вверх и вниз вместе со стоящим на них человеком. Рывки постепенно становятся сильнее, человек подпрыгивает им в такт и прыгает все выше и выше, иногда на высоту двух-трехэтажного дома. Искусство прыгунов заключается в том, чтобы сохранять вертикальное положение и «приземляться» на шкуры ногами, легко и красиво. Не каждому удается «отпрыгать» свою программу с честью. На шкуры падают боком и спиной, даже головой, что вызывает особенно громкий смех зрителей. Не всегда прыжки кончаются благополучно, сломать руку или ногу, а то и шею здесь ничего не стоит.

Теперь налукатак вошел в программу фестивалей и карнавалов, проводимых в разных городах Аляски. Увидеть эту забаву, участвовать в ней в любом качестве — «толкача», прыгуна или просто зрителя можно и в Анкоридже, и в Фэрбенксе. Но, как пишут туристские проспекты, настоящие «прыжки в поднебесье» совершаются в Барроу. И только здесь пользуются при этом моржовыми шкурами (в других местах человека подбрасывают на толстом брезентовом полотнище).

Прежде праздника у арктических эскимосов происходили лишь в середине лета. Ими отмечали удачное завершение китобойного сезона. Люди собирались,

чтобы принять участие не только в прыжках, но и в песнях и плясках под аккомпанемент бубнов и, конечно, в пиршестве. Для этого обычно припасался хвост кита, который считается деликатесом. Теперь прыжками, песнями и плясками эскимосы Барроу отмечают и приезд очередной группы туристов. Это зрелище предусматривается программой пребывания приезжих наряду с ночлегом в отеле «Вершина мира» («Top of the World»), прогулкой по арктическим льдам и любованием полunoчным солнцем (лед и солнце, очевидно, так же как и эскимосы, не подводят туристские фирмы).

Гренландский кит — одно из самых крупных животных, когда-либо населявших нашу планету или обитающих на ней в наши дни. Длина его тела достигает двадцати метров, а вес — ста пятидесяти тонн. Относится он к так называемым усатым китам. Внутри его ротовой полости помещается триста-четырееста эластичных пластин длиной до трех-четырех метров, отороченных по внутреннему краю волосовидной бахромой. «Усы» свешиваются с верхней челюсти кита и служат ему своего рода ситом, они отцеживают мелких животных, составляющих корм исполина.

В глазах древних охотников, надо полагать, это была «живая гора» съедобного мяса и жира, не только желанная, но и относительно доступная. Кит настолько тихоходен, что его можно догнать на весельной лодке. В общем, не так сложно его и добыть, владея простейшим оружием — копьями и ручными гарпунами. Наконец, убитый на воде, он, в отличие от многих других китов, не тонет.

Можно предположить, что человек сперва использовал туши китов, найденные на морских берегах. Однако давнюю историю имеет и китобойный промысел, причем наиболее вероятно, что он зародился на побережьях северных морей и начался с добычи именно гренландских китов. Такое предположение возникает по двум причинам: эти животные были здесь когда-то очень многочисленны, местное же население составля-

ли морские охотники, большие мастера своего дела. Во всяком случае эскимосам, так же как чукчам и корякам, киты с незапамятных времен давали пищу, корм для собак, материал для светильников. Один кит нередко кормил и обогревал целый поселок в течение всего года.

В прошлом из китовых кишок аляскинские эскимосы шили непромокаемые плащи и рубахи, из сухожилий кита вили веревки, рассученным китовым усом сшивали лодки. Сани для лучшего скольжения подбивали китовым усом или пластинами кости, выпиленными из нижней челюсти кита. Ус шел на изготовление луков, ловушек на белых медведях и песцов, «вечных» рыболовных сетей. Ребра и челюсти служили стропилами жилищ.

Нет ничего удивительного, что кит занимал большое место в духовной жизни этого народа. Кит — один из главных героев эскимосских сказок, песен и плясок. «Праздником кита» до сих пор отмечается удачная охота на исполина. Сейчас это просто веселье, развлечения, пиршество. В прошлом же праздникам сопутствовали магические обряды, которые должны были обеспечить успех в предстоящей охоте. Она, как правило, завершалась тем, что в море бросали остатки еды — куски китового мяса. Считалось, что так будет возвращена жизнь убитым животным и они снова станут добычей охотников.

Каждую весну их стада шли через Берингов пролив к северу, в арктические воды, и каждый год в местных поселках отмечались праздники китов. Эскимосы безраздельно владели этим богатством вплоть до середины прошлого столетия, точнее, до 1848 года, когда здесь появился первый американский китобой. То был Том Ройс. Необычайно быстро он наполнил все бочки своего корабля жиром, а осенью, добравшись до Гонолулу, опубликовал в местной газете отчет о плавании. И хотя еще не были изобретены радио и телевидение, а телеграф только рождался, весть об удаче Ройса стремительно разнеслась по свету. Всего через четыре года прибрежные воды Аляски уже бороздили 278 китобойных судов. С 1854 по 1876 год только американские корабли добыли в северной части Тихого океана почти двести тысяч гренландских и похожих на них южных китов. Однако с 1911 по 1930 год у северо-западного побережья Америки китобоям удалось убить всего пять гренландских китов!

Последнее стадо этих животных (другие стада были уничтожены раньше) явно находилось накануне истребления. Поворот в его судьбе произошел в 1946 году, когда восемнадцать стран, и в их числе Советский Союз, подписали Международную конвенцию по регулированию китобойного промысла. Наряду с другими мерами соглашение предусматривало запрет добычи гренландских китов, за исключением тех случаев, когда мясо кита или иные полученные от него продукты используются местными жителями. Практически такое право сохранили лишь чукчи и эскимосы Чукотки и эскимосы Аляски.

Современные аляскинские китобойи—это жители острова Св. Лаврентия (здесь находятся два поселка—Гамбелл и Савунга), поселка мыса Хоп, но главным образом Уэйнрайта и Барроу, расположенных на побережье Чукотского моря.

В Барроу охота на китов до сих пор считается наиболее достойным мужским делом и главным образом событием года. Первые киты появляются в этом районе в апреле, и тогда китовая тема затмевает все остальные. Многие местные жители берут отпуск, чтобы присоединиться к одной из китобойных артелей,—здесь (а в Барроу ежегодно организуется их несколько десятков) либо в одном из соседних поселков—или, на худой конец, быть «на подхвате» у китобоев: помочь вытащить умиак, погрузить его, а если пригласят, то принять участие и в разделке кита.

Обычно в нескольких километрах от берега открывается в это время свободное ото льда море. Над водой кружат стаи птиц, и их крики долетают до города. Кромка льда расцветивается разноцветными пятнами палаток—в них поселяются китобойи. В городе начинают явно преобладать женщины и дети. Всю ночь (солнце в это время не заходит за горизонт) слышны голоса, собачий лай, и всюду на возвышенных берегах виднеются наблюдатели, готовые известить земляков своими криками о том, что загарпунен еще один кит. Такую картину застал на Барроу в 1924 году известный датский этнограф и путешественник Кнуд Расмусен. Все это можно видеть здесь и теперь.

«Но так ли необходим нашим эскимосам этот промысел?»—задумываются на Аляске и ученые, и администраторы. В самом деле, в двадцатых—тридцатых годах здесь добывали в среднем по десять китов в год, в шестидесятых—по пятнадцать, а в семидесятых—уже

почти по пятьдесят китов (ежегодная добыча чукотских охотников редко превышает два-три гренландских кита).

Современные аляскинские китобой вооружены гарпунными ружьями, оснащают свои гарпуны разрывными гранатами, а с применением более совершенного оружия возрастает количество бесцельно гибнущих животных. Считают, что на каждого доставшегося охотникам кита приходится по крайней мере еще один, напрасно погубленный, погибший от ран где-нибудь во льдах. Принимается во внимание и то, что как раз китобой-эскимосы северного побережья Аляски, ставшие теперь членами корпорации «Арктик-слоуп» («Арктический склон»), получают доход от продажи компаниям права добычи нефти на своих землях (не считая дохода от приема туристов). Стадо же гренландских китов (чукотско-аляскинское) вряд ли превышает две тысячи особей, и неизвестно, растет оно или сокращается. Может быть, пора дать ему возможность восстановиться?

У Барроу в связи с его особым географическим положением большая популярность. В 1930 году здесь было открыто почтовое отделение, а с 1960 года на конвертах ставится штамп: «Мыс Барроу. Лаборатория арктических исследований». Почта составляет значительную часть груза, привозимого сюда самолетами, и немалую долю почты составляют конверты с оплаченным ответом, посланные филателистами.

В Барроу шутят: «Штамп почтового отделения — основной продукт нашего экспорта».

Поселок Арктической лаборатории мыса Барроу называют также «Квансетс-сити» («Ангарный город»). Действительно, большинство построек в нем похоже на ангары или на разрезанные вдоль большие бочки. Снаружи они покрыты гофрированным железом, изнутри обшиты деревянными панелями. Чувствуется уже по форме домов, что проектировщики учитывали капризы арктической природы. Двери сделаны под самыми крышами «ангаров». Кроме того, и на крышах есть люки. Значит, в дом можно попасть и после сильной пурги, при больших снежных заносах. Провода и все трубы — отопления, водопровода, канализации — сосредоточены в общей панели, поднятой на высоких столбах и проходящей над крышами домов.

Лаборатория принадлежит военно-морскому флоту США, но в ней работают и ученые, приезжающие сюда из разных институтов и университетов: биологи, географы, геофизики, океанологи. В СССР хорошо известны проводимые здесь исследования, например по Международной биологической программе.

Одно из направлений в деятельности лаборатории — показ ее туристам. Заместитель директора этого учреждения доктор Ундервуд (у него черная шкиперская борода и походка враскачку, как у бывалого моряка) ведет нас на опытные площадки, заложенные в тундре, к вольерам, где содержатся волки, песцы и даже большой белый медведь, показывает лабораторные помещения, библиотеку. Расставаясь, мы благодарим его за потраченное на нас время.

— Ах, если бы вы были единственными экскурсантами! — говорит, грустно улыбаясь, доктор Ундервуд. — Ведь летом на меня сваливается по нескольку групп в день! — Очевидно, он имел в виду туристов, которых привозит на мыс Барроу компания «Виен».

КРАЙ,
ОМЫТЫЙ
ДОЖДАМИ

Юго-восток Аляски — узкая полоска суши; с одной стороны она граничит с территорией Канады, с другой ее омывает Тихий океан. Эту часть штата с множеством глубоких фьордов и высоких гор с бесчисленными островами и величественными ледниками (один из них, ледник Маласпина, выпящает в ширину сто километров) назвали за ее форму «Ручкой от сковородки». Юго-восток Аляски —

это труднопроходимые леса с густым ковром папоротников, мхов и лишайников под сенью деревьев, с елями-гигантами в два, а то и в три обхвата и шумные водопады на прозрачных реках и ручьях.

Температура воздуха здесь и зимой почти не опускается ниже нуля, но ясные дни во все времена года редки. Это в полном смысле слова край, омытый дождями. «У нас постоянная осень»,—говорят местные жители-пессимисты. Впрочем, у этих мест немало и патриотов, утверждающих, что здесь постоянно царит весна, что это лучшая и уж во всяком случае самая красивая часть Аляски.

Ее положили на карту и описали главным образом русские моряки, а сам этот край долгое время был как бы основой, «становым хребтом» Русской Америки. Здесь, на острове Баранова, находилась и ее столица Ново-Архангельск, заложенная еще самим Александром Андреевичем Барановым. Позже край перенес приступы «золотой лихорадки»; в то время отсюда, с побережья, тянулся знаменитый «белый путь» к легендарному Клондайку.

Здесь, на юго-востоке Аляски, разместился современный административный центр штата—город Джуно. Впрочем, все больше аляскинцев высказывается за то, чтобы перенести столицу штата в другое место, поближе к Анкориджу и Фэрбенксу; называют даже место для новой столицы—теперешний поселок Уиллоу, в ста километрах к северу от Анкориджа.

В наши дни «Ручка от сковородки» относительно густо заселена. Здесь нередко можно встретить коренных жителей—индейцев, но гораздо больше приезжих из других штатов или из других стран. В городе Питерсберге, например, многие говорят по-норвежски, отчего его часто называют «Маленькой Норвегией». За редким исключением местные жители—и коренные и приезжие—либо рыбаки, либо лесорубы, либо рабочие рыбных заводов, лесопилок, целлюлозных фабрик.

Считается, что около сорока процентов площади Аляски покрыто лесами. Но сверху, с самолета, они в большинстве случаев выглядят редколесьем, а то и криволесьем. Однако есть здесь и настоящие леса, высокоствольные, густые, часто дремучие, труднопроходимые. Они приурочены к долине Юкона—его среднему течению, а также к югу и юго-востоку штата—к полуострову Кенай и «Ручке от сковородки».

Здесь леса называют дождевыми. Под их сводом расстилается густой ковер трав и мхов, в котором мягко вязнет человеческая нога. Мох клочками свисает с еловых лап, забирается почти на самые вершины деревьев-великанов, а стволы их, как короста, покрывают лишайники. И пока моросит дождь, ползут, цепляясь за сучья, хлопья тумана, все здесь кажется однотонным, мрачным. Но стоит выглянуть солнцу, как лес преобразуется. Вспыхивают яркими самоцветами капли влаги, осевшие на деревьях, кустах, траве. Откуда-то появляются птицы, пререзаются их голоса. Но солнце вскоре прячется, и сразу тускнеют и гаснут краски, замолкают пернатые. Наползает туман. Начинается дождь...

Колибри по-английски называются «хамингбёрдс» («жужжащие птицы»). Действительно, в полете они так часто взмахивают крыльями, что слышен шум, похожий на гудение или жужжание насекомого. Эти малютки распространены главным образом в тропических лесах Южной Америки, однако некоторые встречаются и севернее, а один вид—рыжешейный колибри—достигает Аляски и регулярно гнездится здесь, вплоть до Кенайского полуострова.

Когда аляскинцы хотят подчеркнуть величину своего штата, они нередко вспоминают эту птичку: вот, дескать, каков размах! Есть у нас и белые медведи, и колибри! Однако видят ее здесь не так уж часто. Мне очень хотелось встретить колибри, но увы! Видел «жужжащую птаху» советский зоолог Александр Александрович Кишинский, приехавший сюда в командировку. Пернатая гостья села на подоконник его гости-

ничного номера, когда он жил в Джуно. Александр Александрович бросился к чемодану, чтобы достать фотоаппарат, но колибри вспорхнула и исчезла так же неожиданно, как и появилась.

— Уж лучше бы я рассмотрел ее как следует,— сетовал он потом. Аляскинцы же, узнав об этой истории, говорили ему: «Везучий же вы человек!»

На Чукотке бытуют рассказы о появлении каких-то очень маленьких птичек, неизвестных местным жителям. По просьбе одного из моих знакомых зоологов школьники даже изловили таинственное существо и торжественно, припевая, принесли его в спичечной коробке. Увы, это оказался всего лишь шмель. Но может, и сюда изредка залетают колибри? Может быть, тогда и на Аляске они встречаются гораздо севернее, чем считают специалисты?

Южные районы Аляски — остров Кадьяк, Кенайский полуостров и то, что сейчас называют «Ручкой от сковородки», — всегда славились обилием рыбы, особенно лососевых пород. Во времена Русской Америки, как писали очевидцы, «вода в реках в сезон хода лососей прибывала и выступала из берегов, а если ударяли острогой, редко промахивались и не попадали в рыбу». В последующие десятилетия запасы красной рыбы здесь заметно убавились, однако все еще велики, а ход ее в реки, как и в далеком прошлом, считается главным событием года.

На Аляске встречаются многие представители лососевых. Одни из них (форели, озерные гольцы) всю жизнь обитают в пресноводных водоемах. Они не совершают далеких кочевок, не собираются в большие косяки и привлекают внимание главным образом рыболовов-любителей. Другие, так называемые проходные, рыбы проводят большую часть времени в море, а в реки, ручьи и озера заходят лишь для того, чтобы отложить икру и дать жизнь новому поколению. Размножаются они на своем веку, как правило, всего один раз и после нереста гибнут. Эти лососи подходят к

побережью и идут в пресные воды большими косяками. Они самые массовые из местных лососевых рыб и главный объект рыболовного промысла.

Наиболее многочисленными из проходных считаются на Аляске четыре вида лососей. Самый крупный из них — чавыча (американцы называют ее королевским лососем). Рекордный по величине экземпляр этой рыбы, весивший пятьдесят два килограмма, был пойман в 1949 году невдалеке от Питерсберга. Чавычу называют на Аляске также весенним лососем, потому что она появляется уже весной и первой открывает «парад» идущих с моря косяков. Однако увидеть ее можно далеко не всюду, поскольку заходит чавыча только в большие, многоводные реки. Чуть позже, в июне, начинает свой ход в пресные воды горбуша (на Аляске ее зовут пятнистым лососем). В отличие от чавычи она поднимается в большинство рек и даже во многие ручьи. В июле идут в реки кета и кижуч, или серебряный лосось. «Русские американцы» звали кету хайко, современные аляскинцы называют ее собачим лососем (dog salmon), очевидно по той причине, что ею часто кормили ездовых собак. Завершает парад нерка, или красная рыба (так ее зовут и на Камчатке, и на Аляске). Как и чавыча, нерка разборчива по отношению к водоемам и поднимается в августе и сентябре только в реки, вытекающие из больших озер. Косяки ее хорошо видны с самолета, и кажется тогда, что реки вдруг вспыхивают языками алого пламени.

С приходом лососей начинается великий пир у четвероногих и пернатых. На морском побережье и на берегах нерестовых рек собираются медведи и лисы, чайки и вороны. В этой компании нередок и белоловый орлан, птица, ставшая эмблемой Соединенных Штатов Америки. Каждое животное добывает рыбу по-своему, на свой вкус. Медведи глушат лососей на перекате или подкарауливают их на берегах, норвоя зацепить когтистой лапой. Пока медведь голоден, он поедает рыбу целиком, сытый — ест только головы. Лисы часто пользуются медвежьей добычей и утаскивают ее в кусты из-под самого носа косолопого, но рыбы головы оставляют несъеденными. Орланы могут ловить рыбу сами, однако не брезгают и объедками, медвежьими или лисьими.

В Камышакскую губу, расположенную у самого основания «малого» полуострова Аляска, впадает небольшая река Мак-Нейл. В низовьях ее расположен

заказник, главная достопримечательность которого — стада бурых медведей, собирающихся для лова лососей. Удачливый фотограф может поймать здесь в кадр своего аппарата пятнадцать — двадцать медведей, а в поле зрения их иногда оказывается пять-шесть десятков. Не удивительно, что заказник пользуется большой популярностью среди натуралистов — фотографов и кинооператоров.

Лов лососей с давних пор играл большую роль в жизни населения Аляски, особенно прибрежных индейцев — тлинкитов, хайда и цимшиян. Обычно у каждого индейского племени были на нерестовых реках свои запруды, где люди ловили рыбу. Улов затем вялили, коптили, и его хватало до следующего года. С начала нашего века на Аляске стала развиваться и рыбная промышленность, появились рыболовные суда, строились консервные заводы. Рыбы вроде хватало на всех. Богатство казалось неисчерпаемым.

Зенитом в развитии рыбной промышленности на Аляске считают послевоенные годы. В промысле были тогда заняты сотни рыболовных судов, улов перерабатывали почти девяносто консервных заводов, а штат превратился в главного в стране экспортера рыбных консервов. Количество рыбаков и обработчиков рыбы исчислялось на Аляске десятками тысяч. Однако уже в середине пятидесятых годов наступил крах. Ни разу еще с начала века улов не сокращался так сильно. В районах рыболовного промысла разразилась безработица. В поселки прибрежных индейцев пришел голод.

В наши дни запасы лососей на Аляске если и восстановились, то далеко не полностью. Однако с начала июня и до поздней осени о лососях здесь много говорят и пишут, а ход их в реки все еще остается захватывающим зрелищем. Это чудо снимают для кино и телевидения. Чтобы увидеть его, сюда едут туристы.

Национальный памятник — Ледниковый залив (Glacier Bay) находится на южном побережье Аляски, у основания «Ручки от сковородки». Это одна из самых больших охраняемых территорий в США; площадь ее превышает миллион гектаров, и, чтобы пересечь ее из

конца в конец на маленьком самолете, нужно потратить по крайней мере полчаса.

Приехавшего сюда туриста ждут величественные картины сползающих к морю ледников. На его глазах от ледяных стен отваливаются большущие глыбы—так рождаются айсберги. Человека окружают здесь девственные леса из гигантских елей и первозданная тишина.

На порожистых реках, впадающих в Ледниковый залив, можно подсмотреть, как борются с течением лососи, как они преодолевают леса и пороги, взлетая из воды серебряными молниями. Здесь запросто можно встретить занятого рыбной ловлей медведя и досыта насмотреться на белоголовых орланов, то парящих в воздухе, то отдыхающих на вершинах елей, на скалах, на бревнах среди пляжа. Юг и юго-восток Аляски, и особенно Ледниковый залив,—последнее прибежище этих красивых и сильных птиц. В других частях Северной Америки они почти полностью уничтожены охотниками, а в последние годы их губят пестициды. На Аляске сейчас насчитывают 10—20 тысяч орланов.

Но больше всего поражает здесь натуралиста необычная, даже неестественная близость двух миров—сухопутного и морского. В прилив и сильный ветер морские волны докатываются почти до самого леса и едва не лижут комли древесных стволов. Сивучи—ближайшие родственники морских котиков—устраивают на лесных опушках лежбища и, бывает, чешут свои рыжие шкуры о шершавую кору елей. Под берегами же, в непосредственной близости от них, пасутся морские исполины—киты.

Удивительное это место на Земле! С берега даже без бинокля видно, какие длинные грудные плавники у этих китов—значит, это горбачи. А киты, если они сыты, словно спешат показать свои способности. Они то выпрыгивают целиком из воды и шлепаются на спину, вздымая тучи брызг, то резко уходят на глубину, мелькнув хвостом, похожим в этот момент на гигантскую бабочку. Теперь понятно, почему китобой прозвали горбачей «веселыми китами»!

Если не считать трех небольших деревень, Кетчикан—самый южный поселок на Аляске. Его даже можно назвать городом: в нем живет около восьми тысяч человек. Часть городка расположилась на узкой прибрежной косе, но большая часть его карабкается по Оленьей горе, густо поросшей щеткой елового леса, и состоит из узких бегущих вверх и вниз улиц, лестниц с деревянными ступенями и перилами и в большинстве своем деревянных домов. Кетчикан—город рыбаков и лесорубов, консервных заводов и лесопилок. Поэтому и воздух здесь пропах морем, рыбой, сырыми смолистыми опилками. Но главная его достопримечательность—высокие, как телеграфные столбы, тотемы, образцы замечательного и самобытного искусства индейцев-титликов, хайда и цимшиян.

Эти деревянные скульптуры напоминают какие-то гигантские шампуры. Чего только на них не нанизано! Здесь и изображения человеческих лиц, только вдвое, втрое крупнее, чем в натуральную величину, и птичьи головы, и фигуры сидящего медведя, распластанной лягушки, целой птицы с полуразвернутыми крыльями, кита-косатки, и многое другое, в чем разобраться несведущему человеку, пожалуй, невозможно. Индейцы увековечивали в тотемах историю своего народа, легенды, какие-то памятные события. Вырубались такие скульптуры, надо полагать, много недель и даже месяцев, а потом ставились вертикально на могилах вождей и шаманов, у общественных домов.

Искусство изготовления тотемов уходит своими корнями в глубокое прошлое. Однако как подлинно ритуальные предметы они уже давно не делаются. А старые столбы в большинстве своем уже разрушились, либо их для забавы сожгли «бледнолицые братья». Лишь в последние десятилетия благодаря усилиям нескольких энтузиастов началась кампания по спасению тотемов. К началу семидесятых годов в заброшенных индейских деревнях и на индейских кладбищах было найдено, не считая куч из замшелых обломков, немногим больше сорока таких древних скульптур. Некоторым из них уже больше ста лет. Почти все они перевезены теперь в Кетчикан, размещены в Центре культурного наследия (так называется музей) и являются тем главным, что привлекает в город туристов.

Рядом с музеем расположены магазины сувениров. Самый ходкий товар в них—уменьшенные копии тотем-

мов. И хотя сувениры эти сработаны «поточным методом», они так ярко раскрашены, так густо покрыты лаком, что пользуются среди части гостей едва ли не большим вниманием, чем оригиналы.

ПОЛПРЕД
«БОЛЬШОЙ
СТРАНЫ»

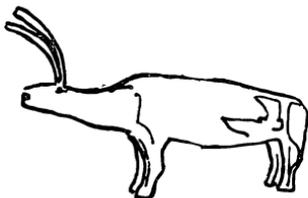
Центральная часть юга Аляски — побережья заливов Кука и Принца Вильяма и Кенайский полуостров. Эта часть штата не похожа ни на какие другие и в то же время как бы вобрала в себя все, что свойственно «Большой стране». Она — как бы полномочный представитель штата. Тут есть и высокие горы, и обширные равнины, и глубокие фьорды, и ледники, и вулканы, и большие реки — Суситна и Кошпер (Медная), и много озер, и леса с елями-исполинами, и бескрайние топкие болота.

Землетрясения? Они тоже здесь бывают. А 27 марта 1964 года вошло в местную историю как «траурная пятница». В этот день случилось самое сильное землетрясение из отмеченных на Северо-Американском континенте в нашем столетии. Волна его прокатилась по южному побережью Аляски, унесла больше сотни человеческих жизней и оставила без крова почти пять тысяч человек. Многие жители Анкориджа хорошо помнят тот день и рассказывают, как некоторые дома вмиг разваливались на части, а другие проваливались на трехметровую глубину. Впрочем, можно не только услышать о катастрофе, но и увидеть ее следы в «Парке землетрясения», расположенном в пяти мину-

тах езды от города. Поездка в «Парк землетрясения» запоминается надолго. После катастрофы прошло много лет, но трещины в земле, вздыбленные слои грунта, покривившиеся деревья здесь все еще видны...

Юг Аляски — наиболее заселенная и освоенная часть штата. В центре ее расположилось большинство аляскинских городов, в том числе самый крупный из них — Анкоридж, пролегла единственная в штате железная дорога. Здесь наиболее развита промышленность. В долине реки Матануски, недалеко от Анкориджа, довольно много ферм. Климат здесь мягкий, но не такой дождливый, как на «Ручке от сковородки».

И хотя общая площадь этой возделанной земли невелика, ее называют и главной житницей, и главным огородом штата.

Происходило это в заказнике на Кенайском полуострове. Солнце уже клонилось к закату. Все вокруг казалось таким знакомым, родным: березы с желтеющей листвой и стройные, как свечки, ели, мягкий травяной ковер под ногами и писк синички, напоминающей нашу московку. Но вдруг раздался необычный звук, похожий то ли на стон, то ли на мычание, и вмиг рассеялось сходство аляскинского леса с русской рощей.

— Что это? — спросил я у нашего спутника, служащего заказника.

— Колючка, колючий поросенок. Проснулся, лентяй!

«Колючка», «поросенок», «толстяк» — такими прозвищами наделен здесь древесный дикобраз, зверь действительно диковинный, непохожий ни на одного четвероногого обитателя Евразии. Его тело (а длиной дикобраз может быть больше метра) покрыто вперемежку редкими грубыми волосами и тонкими, не толще спички, острыми иглами. Общий цвет его бурый или

буроватый. Массивное туловище поддерживают очень короткие ноги и заканчивает толстый колючий хвост. Зверь ходит по земле очень медленно. Большую часть своей жизни он проводит на деревьях, а при наземных путешествиях успешно защищается от хищников иглами. Известно множество случаев гибели от дикобразных игл не только собак, но и волков, койотов, рысей.

Американцы не питают к нему особенно теплых чувств. И не только за его тонкие и острые иглы, которыми он может даже покалечить собаку. Зимой он кормится корой деревьев и подчас наносит заметный ущерб лесу. А летом, когда у него появляется большая потребность в соли, от «колочки» страдают туристы и охотники: лакомка прогрызает ночью палатки, грызет даже топорища, весла, седла, словом, все, чем можно посолониться. Многие охотники поэтому не упускают случая застрелить дикобраза (мясо его, кстати, вполне съедобно). Индейцы-атапаски очень ценят такую добычу, поскольку иглы (они легко окрашиваются в разные цвета) идут на украшение их традиционной одежды, посуды из бересты, из них делают нарядные бусы и браслеты.

— Не вздумайте акклиматизировать его в России,— сказал мне на прощание служащий заказника.

Хотя эта поездка на Кенайский полуостров, в заказник, была кратковременна, она оказалась очень интересной.

Уже через несколько минут полета на «Бобре»— крошечной краснохвостой летающей лодке— показался выводок лебедей-трубачей. Птицы легко скользили по глади речной протоки: впереди один из родителей, затем гуськом четверо бурых подростков и, наконец, второй белоснежный лебедь. Легчик по нашей просьбе охотно покружил над птицами, и я подумал, что даже ради одной этой встречи стоило ехать сюда, в заказник. Подумалось, что нам могли бы позавидовать и многие американские зоологи. Зрелище было действительно впечатляющим, таким же, как и история этого лебедя.

А история эта вкратце такова. Некогда трубачи— самые крупные и, наверное, самые изящные из водоплавающих земного шара—населяли большую часть США и Канады. К началу XX века неумеренная охота резко сократила число трубачей, а в 1933 году американским орнитологам удалось насчитать только семьде-

сят три птицы. Казалось, трагический конец неизбежен. Но у лебедей обнаружили защитники. Благодаря их усилиям началась охрана основного гнездовья исчезающих пернатых — озера Ред-Рок и его окрестностей в штате Монтана. Одновременно в США и в Канаде была запрещена охота на них. И эти меры сыграли свою роль. Замечательную птицу удалось вернуть почти что с того света. Важно и другое. Это была первая и убедительная победа американских натуралистов, энтузиастов охраны природы.

В 1964 году в Северной Америке (без Аляски) насчитывали уже 1700 трубачей, а еще через год неожиданно выяснилось, что не так уж мало этих лебедей живет и на Аляске. В самое последнее время их общее количество определяют примерно в три тысячи. Трубачу больше не грозит исчезновение. Однако в Америке его продолжает окружать атмосфера почитания, даже какого-то поклонения, и американцы, любители природы, нередко издалека приезжают на Аляску, чтобы полюбоваться птицами, послушать их величавые, похожие на звуки валторны крики.

На следующий год в середине апреля, когда мы ждали самолет, чтобы полететь с овцебыками домой, мне довелось еще раз увидеть трубачей. Пара лебедей, медленно взмахивая крыльями, проплыла в голубеющем небе, над самыми домами Бетела. Трубные звучные клики птиц — тогда я услышал их впервые — возвещали приход на Аляску весны.

С заболоченной равнины Кеная «Бобр» перенес нас на юг полуострова, в его гористую часть. Такой маршрут был задуман заранее, в расчете на встречу со снежными, или, как их еще называют, горными козами. Ожидания оправдались. Животных мы застали именно там, где видел их наш пилот чуть ли не месяц назад.

Издали на серовато-синем фоне скал козы выделялись ярко-белыми пятнами, оправдывая свое название. Вблизи и телосложением и ростом животные очень походили на домашних коз. Бросалось в глаза, что они прилеплялись (более удачного слова не найдешь) к самым незначительным, едва заметным выступам и карнизам. Мне приходилось видеть в природе и кавказских туров, и сибирских козерогов, тоже «горцев», но в искусстве скалолазания они не идут ни в какое сравнение со снежными козами. Острые, цепкие копыта удерживают коз на шероховатых, почти отвесных

утесах. Но чем они кормятся здесь, в этом бесплодном мире камня? Это оставалось, да и до сих пор остается, для меня загадкой. Обращала на себя внимание и еще одна их особенность: пролетающего вблизи самолета они как бы вовсе не замечали!

Снежные козы — такие же «коренные американцы», как и древесные дикобразы, и распространены только на Северо-Американском материке. На Аляске, как, впрочем, и в других местах своего обитания, они немногочисленны (в США и Канаде всего их насчитывают не больше трех-четырёх тысяч), да и встречаются практически лишь на «Ручке от сковородки», в горах Кенайского полуострова да на некоторых островах, где они были акклиматизированы.

Наш «Бобр», хотя это был совсем малыш в самолетном семействе и мотор его стрекотал как-то несолидно, исправно выписывал галсы, вычерченные на карте. С высоты открывались разнообразные пейзажи осеннего Кеная. Показывались внизу компании диких баранов с их белесой шерстью и почти черные лоси: крупные быки с широко раскинутыми в стороны рогами и комолые коровы. Мелькали вереницы байдарок на реках, пестрели палатки туристов, рыбаков, охотников...

В Кенайском заказнике разрешаются, конечно с соблюдением правил, любительская рыбная ловля, охота и даже пушной промысел. Любителей рыбалки местные водоемы привлекают разнообразными видами лососей, вплоть до самого крупного — чавычи. Водятся в реках и озерах Кеная форель, хариус, щука, словом, многие из тех рыб, что встречаются и в Сибири. Здешние охотники, так же как и сибиряки, добывают лосей, баранов, водоплавающую дичь.. (Кстати, рыбацкие и охотничьи рассказы аляскинцев часто так же фантастичны, как те, что слышишь иногда в Сибири.)

«Главное действующее лицо» в разнообразном животном мире Кеная, конечно, лось. Не случайно ведь заказник, организованный в 1941 году, был назван лосиным. Вообще-то этот зверь широко распространен на Аляске. Так же как и в Евразии, лоси продвигались здесь в последние десятилетия к северу, появились на северных склонах хребта Брукса и даже в долинах тундровых рек, вплоть до побережья Северного Ледовитого океана. На Аляске и на северо-востоке Сибири обитают самые крупные в мире лоси: их вес может

достигать семисот и даже восьмисот килограммов. Лосей в здешних лесах много: по мнению специалистов, в штате насчитывается 30—40 тысяч голов. Охота на них всегда была здесь важна. Например, в сезон 1974/75 года в штате было выдано более пяти тысяч разрешений на такую охоту, а пять лет назад—почти вдвое больше. Поэтому лось мог бы служить своего рода эмблемой для всей Аляски. Что же тогда говорить о Кенае, о Кенайском заказнике?

Считается, что на полуострове лоси появились после грандиозного лесного пожара 1883 года. На горях поднялись тогда заросли кипрея, ивняки—излюбленные лосиные корма, и звери так стремительно заселили Кенай, расплодились на нем, что уже в начале нашего века полуостров прославился как лучшее на Аляске место лосиной охоты. Сюда потянулись за добычей не только местные жители, но и приезжие из других стран.

Сейчас лоси обитают здесь с рекордно высокой плотностью. На одном квадратном километре леса встречается пять—десять, а то и больше животных. Не будь возможности взглянуть на лес сверху, с самолета, трудно было бы этому поверить. Видимо, в этом сыграли свою роль организация заказника, контроль за соблюдением правил и сроков охоты и, увы, новые пожары. В заказнике разрешена охота на лосей, а проблема взаимоотношений лося и леса (она, кстати, злободневна и у нас), допустимой плотности зверей стала традиционной темой научных исследований, проводимых здесь зоологами.

Мы уезжали из заказника вечером. Расстояние от города Кенай до Анкориджа невелико, всего около ста пятидесяти километров, но наш автобус обогнали по крайней мере полдюжины машин с лосиными рогами на крышах, машины с лодками на буксире и просто с прицепами, которые легко превращаются в каркасную палатку. А навстречу тянулись автобусы и автомобили, пассажиры которых были одеты по-походному. Заказник расставался с гостями и принимал новых.

Отношение к волку на протяжении человеческой истории много раз менялось. Наши далекие предки относились к этому хищнику скорее всего терпимо, может быть, даже дружелюбно: принимали его услуги как санитара, ценили как родоначальника домашних собак, восхищались им как удачливым охотником. Потом, когда по вине человека сократились запасы диких копытных, волки стали конкурентами людей. Расправившись со стадами диких быков и лошадей, человек стал разводить домашних животных, и бывший санитар превратился в его заклятого врага. Все это происходило в разных частях земного шара, в том числе и в Северной Америке.

Когда-то европейские колонисты терпели здесь от волка большой урон и вели с хищником непримиримую борьбу. В ход были пущены капканы и яд, винчестеры и высокие премии за добычу зверей. Все это, вместе взятое, постепенно сделало свое дело. Несколько десятилетий назад в сорока восьми штатах, расположенных к югу от границы между США и Канадой (то есть по всей стране, кроме Аляски; в пятидесятом по счету штате, на Гавайях, их никогда не было), волки оказались полностью истребленными или стали очень редки. Сохранились они главным образом в районах, непосредственно примыкающих к Канаде. В конце шестидесятих годов нашего века в штате Мичиган, например, их оставалось не больше двух с половиной десятков, в Висконсине — меньше сотни, в Миннесоте — несколько сот. Наконец, стаи волков сохранились в горном штате Монтана, также непосредственно соседствующем с Канадой. Есть штаты, где эти звери теперь насчитываются единицами или появляются лишь время от времени.

Эволюция взаимоотношений человека и зверя продолжалась, но вступила в новую фазу. Давняя и традиционная ненависть человека к волку как бы перегорела. Во многих районах США он был отнесен к числу редких и особо охраняемых видов животных. Были отменены премии за его истребление. Последним штатом, где выплачивались такие премии, была Миннесота. Здесь до сих пор волки наносят очевидный урон и стадам домашнего скота, и диким копытным, однако после долгих и бурных споров в середине шестидесятих годов пересилили защитники волка. И наверное, самым убедительным свидетельством новой фазы взаимоотношений человека и волка может служить рожде-

ние американо-канадского общества по охране этих животных, которое издает даже свой специальный журнал под названием «Вой» (“Howl”).

На Аляске животноводство развито слабо. Наверное, поэтому аляскинцы не питают к волку лютой вражды и решение здесь «волчьей проблемы» не знало крайностей. Однако и в этой части Соединенных Штатов отношение к зверю менялось. До тридцатых годов небольшое население Аляски в общем-то не обращало на волка внимания, поскольку дичи хватало на всех. Но позже, с ростом населения и увеличением числа охотников, перемирие с волками на полуострове прекратилось.

С середины тридцатых годов аляскинцы стали считать их вредными хищниками. Для добычи волков было разрешено использовать яд, а охотник, убивший этого зверя, получал премию в пятьдесят долларов. Охотничья служба стала держать в своем штате профессионалов-волчатников и предоставлять в их распоряжение самолеты. Эти меры заметно сократили здесь число волков и увеличили количество диких копытных — баранов, лосей, северных оленей.

Волна симпатии к волку, зародившаяся в южных штатах — а она была чем-то вроде панихиды по истребленным там зверям, — к 1960 году докатилась, однако, и до Аляски. Из вредных хищников он перешел в категорию охотничьих животных. Его шансы на выживание заметно возросли, поскольку теперь запрещалось использовать яды и охотиться на него с вертолетов (хотя по особым разрешениям допускалась стрельба волков с самолета), ограничивался сезон охоты и уменьшились нормы добычи. В большинстве районов штата отменялись премии, а кроме того, вводились лицензии на право убить волка; особенно дорого такие лицензии продавались приезжим охотникам.

Не прошло и десяти лет, как руководители здешней охотничьей службы схватились за головы. После полувекового отсутствия волки опять появились на Кенайском полуострове; в 1971 году здесь видели лишь две семьи, а через пять лет их насчитали примерно полторы сотни. Несмотря на существующие ограничения, по всей Аляске их добывают в год больше тысячи, а численность волков в штате упорно ползет вверх.

Боб Стефенсен, аляскинский зоолог, задался целью объективно оценить роль волка в охотничьем хозяйстве

штата. Его «полигоном» был охотничий округ номер двадцать площадью около девяти тысяч квадратных километров, расположенный невдалеке от Фэрбенкса. Как оказалось, 175 обитающих в округе волков съедают за год три-четыре сотни лосей и столько же телят (а всего сохатых здесь около 3,5 тысячи). Лосей становится в этом районе все меньше, особенно молодняка. В 1972 году на сто коров приходилось тридцать восемь лосят, в 1973 году—двадцать два, а в 1974 году—только восемнадцать. Охотники ежегодно убивают здесь около сорока волков, но численность хищников не сокращается. Если плотность обитания зверей на Аляске такая же, как и на «полигоне», рассуждает Стефенсен, то в штате живет уже не меньше восемнадцати тысяч волков. Некоторые зоологи определяют их численность даже в пятьдесят тысяч, а количество съеденных ими копытных—по крайней мере в миллион!

— Пора бороться с ними засучив рукава, всюду стрелять их с самолета, возродить премии,—говорят здравомыслящие охотники, особенно аляскинские старожилы.

— Стрелять волков с самолета—неспортивно и неблагородно, а кроме того, волк выполняет в природе важную роль и не к чему вмешиваться в естественный ход событий,—протестуют аляскинцы, недавно приехавшие сюда с юга. Такого же мнения придерживаются «натуралисты-теоретики», и им волки должны быть особенно благодарны, поскольку такие люди редко бывают на природе, но часто имеют влияние на правительственные учреждения.

Откуда и как пошло здешнее сельское хозяйство?

Распространено мнение, что первые попытки завести в этой части Америки пашни и огороды, разводить скот относятся ко времени «золотой лихорадки», к рубежу XIX и XX веков. Называется даже конкретная дата—1902 год. Именно тогда была организована на

В дельте Юкона
и Кускоквима подчас
больше воды, чем
суши

Горы в центральной
части Аляски

Аляска

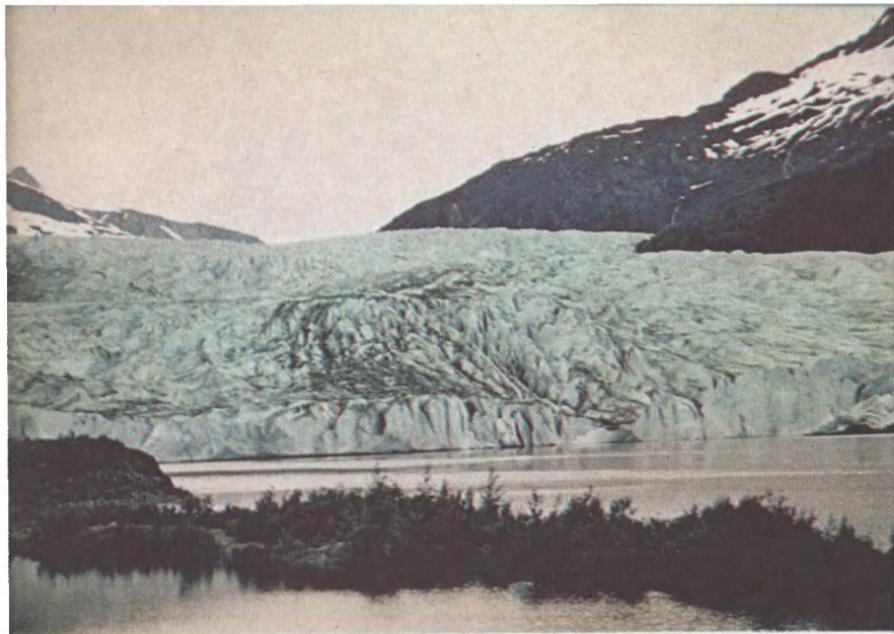

В национальном парке
Маунт Мак-Кинли

Ледники — достопримечательность Ледникового залива

Золотая осень

Если нет дождя,
в горах встает
туман. На юго-вос-
токе Аляски

Поселок Коцебу.
Набережная

Музей в Коцебу

Киты у берегов Лед-
никового залива

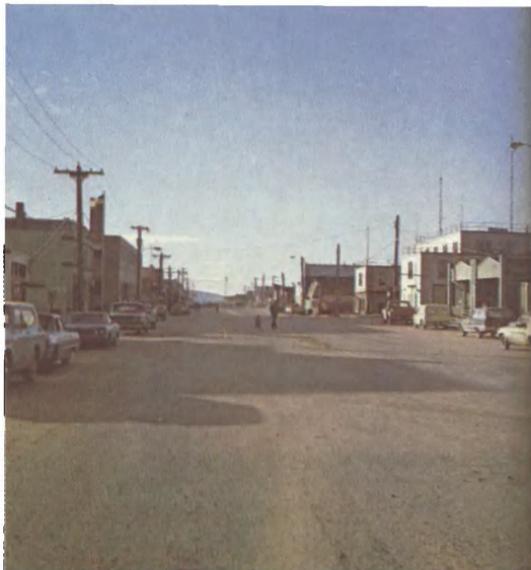

В Дельте цветет
пушица

На улице Нома

Кадьякский медведь
поселился на аляс-
кинских автомоби-
льных номерах

острове Кадьяк сельскохозяйственная опытная станция, завезены коровы и овцы. В доказательство приводится и история аляскинского оленеводства, тоже берущая свое начало на рубеже столетий.

Следующим этапом развития сельского хозяйства на Аляске официально считаются двадцатые годы, когда в окрестностях Фэрбенкса зазеленели всходы пшеницы, поднялись первые мельницы. Во время великого экономического кризиса тридцатых годов правительство США переселило сюда, в долину реки Матануски, около двухсот наиболее разоренных фермерских семей с юга.

Фермы есть теперь и в долине реки Тананы (невдалеке от Фэрбенкса), на Кенайском полуострове, на острове Кадьяк, на «Ручке от сковородки». Однако «главная житница», «главный огород» штата — долина Матануски. Здесь, в окружении невысоких горных хребтов, колосятся поля пшеницы и овса, здесь неплохо удаются картофель, капуста и другие овощи, разводят молочный скот, овец, кур. В Сибири все это можно увидеть и в более суровых по климату местах. Но на Аляске считают свою житницу чуть ли не чудом, о ней рассказывают в туристских проспектах, а местные фермеры помимо зерновых культур и овощей стали выращивать много цветов, поскольку их охотно раскупают туристы.

Когда под нашим самолетом показались эти поля и огороды, яркие пятна цветочных плантаций, стада коров и овец, я вспомнил «Колумба русского» — Григория Ивановича Шелихова. Он сам пытался завести в Новом Свете огороды, и по его же наказу еще в 1789 году поднимал на Кадьяке первые аршины целины Евстрат Деларов, шелиховский доверенный и правитель острова. Он сеял тогда здесь рожь и ячмень, впервые в истории Аляски возделывал грядки с репой и горохом, капустой и свеклой. Тогда же привез он сюда для расплода телочек и бычка, коз, свиней, кроликов, даже сибирских собак. После Деларова время для опытов по земледелию находил и первый правитель Русской Америки Александр Андреевич Баранов, а монах Герман, живший в барановские времена на Еловом острове, невядалеке от Кадьяка (теперь это Spruce Island), возделывал уже большое ржаное поле.

Не отсюда ли, не с той ли поры и пошло аляскинское сельское хозяйство?

ПОДВЛАСТНА
ЮКОНУ

Оста-
ется рас-
сказать о цен-
тральной, внут-
ренней части Аляс-
ки. На севере ее огра-
ничивает хребет Брукса, на
юге—Аляскинский хребет, а
главной местной достопримечатель-
ностью можно считать полноводный и
норовистый Юкон. Юкон как бы нанизы-
вает на себя всю эту область, он же рассе-
кает ее пополам, забирается своими притоками
далеко вверх, в окружающие горы, бурлит в скалистых
теснинах и широко, вольготно течет среди низменных
берегов. Ельники, тополевые и березовые леса обрам-
ляют реки, отчего летом в этом краю преобладают два
цвета—голубой—цвет воды и неба—и зеленый.
Осенью и вода и небо становятся сизыми, а зелень в
рощах сменяют золото и багрянец. Летние дни здесь
безоблачны и часто жарки. Зимой стоят жгучие моро-
зы, землю устилает глубокий, сыпучий снег.

В этой части Аляски есть города, пролегли дороги,
здесь протянулся Трансальяскинский нефтепровод. Но
остались пока большие пространства глухой тайги,
кормилицы индейцев-атапасков, искусных охотников и
рыбаков.

Не миновала этот край «золотая лихорадка». По Юкону, теперь пустынному, когда-то шел путь к Клондайку, и на реке было тесно пароходам и баржам, лодкам и плотам.

Вблизи Фэрбенкса самолет пересекает большую реку Танану, приток Юкона. «Танана, Танана...» — вертится в голове очень знакомое слово. Ну конечно, это же из северных рассказов Джека Лондона!

Позже мне встречались названия и других связанных с Джеком Лондоном мест. Находятся они в разных частях Аляски и в Канаде, но большинство их привязано к Юкону. При встрече с ними невольно вспоминались герои книг писателя Ситка Чарли и Мэйлмуд Кид, сильные духом и преданные в дружбе, и их верные подруги-индейки, и персонажи отрицательные, жадные и бесчестные деляги...

Юкон и Джек Лондон... Как нечто единое, цельное воспринимал их и советский летчик Маврикий Слепнев, побывавший в центральной Аляске весной 1930 года.

«Нам отвели помещение,— писал он.— Это была почтовая гостиница. Внизу собрались все жители местечка. Мы окунулись в столь известную обстановку рассказов Джека Лондона. Все разговоры вертелись вокруг того, сколько золота дают сто фунтов породы и на какой глубине вечной мерзлоты. Были люди, говорящие по-русски, потомки старых русских аляскинцев. Пришли и несколько индейцев, «настоящих» североамериканских индейцев. «Настоящие» индейцы были в костюмах и галстуках и тоже разговаривали про золото...»

Как считают сами аляскинцы, эти впечатления можно было бы отнести и к нашим дням. Разве что стали гораздо реже встречаться здесь люди, знающие русский язык.

Юкон — это поселки Клондайк и Сороковая Миля, Дэя и Доусон, это Индейская река и ручей Гендерсона. На берегу ручья Гендерсона в Канаде, примерно в двадцати пяти километрах от впадения его в великую реку, обозначен участок номер двадцать пять. Участок этот когда-то застолбил Джек Лондон. Совсем недавно, в середине шестидесятых годов, здесь нашли хижину, на стене которой сохранилась сделанная карандашом надпись: «Джек Лондон, старатель, писатель». В ее тесных стенах он провел зиму 1897/98 года, здесь заболел цингой и отсюда отправился вниз по Юкону к «соленой воде», на встречу с людьми, со славой.

У истории с хижинной есть продолжение. Поскольку претендовали на нее США и Канада, она была разобрана и бревна поделены пополам между двумя этими странами. Из них с добавкой новых бревен построены теперь две хижины—одна в Доусоне и другая в Окленде, на родине писателя.

...Был он белокур, строен, в глазах его словно голубело яркое весеннее небо. Ему шел тогда двадцать первый год, за спиной осталось уже больше половины бурно прожитой жизни. Таким он попал на Юкон. Лондон пришел сюда вместе с толпами золотоискателей в самый разгар «золотой лихорадки». Но привела его в эти края, наверное, не столько жажда богатства, сколько желание пережить те радости и невзгоды, что дает человеку Север, увидеть настоящих людей, мужественных, прямых, благородных.

Конечно, многое изменилось с тех пор. Восемьдесят с лишним лет—срок значительный в нашей быстротекущей жизни. И на Аляске, и в Канаде, там, где с трудом пробирались старатели, выросли большие города, пролегали автомобильные дороги, сюда можно быстро попасть на самолете. А Дэя и Фортмайл (Сороковая Миля), Серкл-Сити, Сент-Майкл, во времена Лондона главные очаги цивилизации на Юконе, пришли в запустение, превратились в «призраки» (так их называют современные американцы), а то и вовсе исчезли, бывшие улицы их заросли лесом. Упряжки собак—гордость прежних северян—во многих местах уступили место трескучим мотонартам. Однако многое осталось таким же, и прежде всего сама природа.

Писатели бывали в этих краях и до Джека Лондона, и после. Были среди них и большие художники. Но далеко не каждому удалось подметить на Севере главное, далеко не каждое повествование о нем оказалось таким живучим.

В аэропорту Анкориджа в пестрой толпе выделялись два пассажира. Они шли, согнувшись под бременем громадных рюкзаков. Может быть, чтобы пресечь расспросы любопытных, путешественники написали на рюкзаках большими буквами: «Чилкутский перевал—Юкон». Мне пояснили, что множество туристов ступают теперь на тропу клондайкских золотоискателей, поднимаются, подобно этим двоим, на знаменитый Чилкутский перевал, а затем, как и Джек Лондон, по бурным рекам и системе озер добираются до Юкона. Все более модными становятся в Америке и зимние

путешествия в верховья Юкона и на его притоки— в «Белое безмолвие»... И я думаю, навеяна эта мода в значительной мере Джеком Лондоном, его рассказами.

Большая часть центральной Аляски покрыта лесами. Можно называть их тайгой. Однако сразу бросается в глаза отличие ее от сибирской тайги. В долине Юкона, правда, нередки ельники, но много здесь и березняков, тополельников, осинников, которые в Сибири, особенно Восточной, встречаются не так уж часто. Зато лиственницы, основного дерева сибирской, особенно якутской, тайги, на Аляске очень мало, она встречается только по Юкону.

С самолета мы несколько раз видели лесные пожары. Как можно тщательнее мы отметили на карте рубежи распространения огня и дыма, а на следующий день, оказавшись в Фэрбенксе, передали эти сведения лесникам. Реакция их оказалась неожиданной:

— Наша работа!

Оказалось, что на Аляске либо не тушат некоторые лесные пожары, либо выжигают лес специально, особенно в ельниках на заболоченных равнинах. Какой расчет? Гари зарастут травами, кустарниками, станут хорошими лосиными пастбищами. Охота на лосей в свою очередь даст больший доход, чем рубка леса. Поскольку значительную долю в аляскинских лесах составляют лиственные породы, огонь в них распространяется не так стремительно и не так агрессивен, как, скажем, в сибирской тайге.

Но конечно, на Аляске борются с лесными пожарами, разумеется, и здесь это большое бедствие. Например, в засушливом 1957 году в штате выгорело около двух миллионов гектаров леса. Летом 1974 года здесь иногда выпадали дожди, и тем не менее огонь полыхал на площади в четверть миллиона гектаров. В целом же считается, что в нашем столетии на Аляске выгорело восемьдесят процентов всех лесов. Подсчитано также, что в шестидесяти процентах случаев виновником этого бедствия был человек, в остальных случаях— молния.

Зоолог, приехавший из Старого Света и попавший в аляскинскую тайгу, возможно, будет разочарован: стоило ли ехать в такую даль, чтобы очутиться в обществе тех же самых пернатых и четвероногих, какие остались там, дома?!

В самом деле, сколько старых знакомых вы встретите в этом лесу! Сороку и ворона, свиристеля и чечетку, белокрылого клеста. На лесном болоте, возможно, попадется выводок белых куропаток, а на обрывистом берегу реки совсем не редкость колония таких, казалось бы, настоящих россиян, как ласточки-береговушки. Если повезет, можно заметить и ястреба-тетеревятника, а то и кречета, ястребиную сову. Нырнет под валежину рыжий в своем летнем меху горноста́й, а тропу, по которой вы идете, возможно, пересекут следы бурого медведя. Это, конечно, не полный список; в него можно включить волка и выдру, росомуху и ласку, деревенскую ласточку-касатку, как ласково называют ее у нас, и некоторых других зверей и птиц. Все они относятся к тем же самым видам, что распространены и в Евразии.

А сколько видов близких, родственных, настолько схожих, что их не всегда различит и специалист! Зацокает на суку белка, почти такая же, как наша. С дерева на дерево перепорхнет летяга, прошмыгнет между стволами проворный полосатый бурундук. Где-то на вершине елки пискнет синичка—двоюродная сестра московки. А лось, бобр, лисица, рысь? Ну чем они не россияне, не сибиряки?

Наших норку и куницу, филина и кукушку на Аляске тоже заменяет их американская родня. Американский заяц на снегоступах (так буквально переводится его английский название—snowshoe hare) очень похож и внешне, и образом жизни на беляка. Если, дойдя до каменной россыпи, вы услышите среди камней свист и увидите кучки сухой травы, значит, перед вами колония шищух, или сеноставок, похожих на тех, что живут в горах Сибири. Двоюродный брат аляскинского койота—шакал, а елового рябчика—обитатель дальневосточной тайги дикуша. Уж на что, казалось бы,

истинный американец черный медведь — барибал! Но и у него в Евразии есть заместитель, тоже черный, или, как его еще называют, гималайский, медведь.

Да, сходство несомненно, хотя, конечно, есть и различия. Но вряд ли стоит разочаровываться. Попасть за тридцать земель и оказаться в кругу близких знакомых — это ведь тоже событие!

Драгоценный мех каланов и котиков, бобров и выдр издавна привлекал на Аляску русских промышленных людей. Пушной промысел долгие годы был здесь важнейшей отраслью хозяйства уже и после продажи Аляски Соединенным Штатам. Лишь в XX веке он уступил первенство другим отраслям — золотодобывающей, рыбной, лесной. Но и сейчас, несмотря на то что здесь говорят и пишут преимущественно о нефти, на Аляске, особенно в центральной ее части, добывается немало шкурок пушных зверей и промысел все еще остается источником существования охотников-профессионалов (в Америке их называют трапперами) — и индейцев-атапасков, и «бледнолицых».

Особенно большую роль в пушном промысле играет ондатра, или мускусная крыса (русские землепроходцы называли ее выхухолью). Зверек этот исконно американский, но в двадцатых — тридцатых годах ондатра была завезена в СССР и широко распространилась у нас. На Аляске мускусная крыса встречается повсюду на равнинах к югу от хребта Брукса, но, пожалуй, более многочисленна в бассейнах рек Юкона и Кускок-вима.

Трапперы, как правило, добывают зверьков капканами. Ондатры также излюбленная мишень местных подростков, вооруженных лишь луком и стрелами. Дедовские луки нередко пускают в ход при добыче мускусных крыс и взрослые индейцы. К стреле в таких случаях прикрепляется тонкий, прочный шнурок: тогда легче извлечь из воды добычу, а в случае промаха — спасти стрелу. мех ондатры не слишком дорог, но в

штате ежегодно добывают двести—триста тысяч ондатр, гораздо больше, чем любых других пушных зверей. К тому же мясо этих зверьков многие аляскинцы считают вполне съедобным.

Другой важный и традиционный объект здешнего пушного промысла—бобр. Обилием его славилась эта земля, особенно долина Юкона, во времена Русской Америки. Многочисленность бобров поражает и теперь. Плотины и хатки, сооружаемые ими на реках и ручьях из древесных стволов, сучьев, ила, хорошо видны даже с воздуха. Не такая уж редкость встретить бобра и в дневные часы (вообще-то они ведут преимущественно сумеречный образ жизни). Но еще чаще замечаешь бобров, сбитых на дорогах автомобилями... Обилие этих животных обусловлено густой сетью рек и ручьев и большим распространением быстрорастущих пород деревьев с мягкой древесиной—тополя, ивы, которые служат им основным кормом. Но очевидно, немаловажную роль играет и охрана этих животных. Во время войны промысел их на Аляске был вообще запрещен. Сейчас он разрешается, но со многими ограничениями. Правилами охоты в штате определяются и сезон охоты, и норма добычи бобров, а действия трапперов на их участках контролируются. Наконец бобрам просто повезло. В послевоенные годы цены на их шкуры так упали, что охотиться на них стало невыгодно.

Ловят их аляскинские трапперы почти исключительно капканами, и этот промысел дает несколько десятков тысяч шкур в год. Попутно он дает «бобровую струю»—пахучее вещество, вырабатываемое мускусными железами самцов. «Струя» высоко ценится в парфюмерной промышленности и до сих пор применяется в народной медицине индейцев. Съедобно и даже вкусно бобровое мясо, а хвост зверя, широкий, как лопата, и мясистый, считается деликатесом, особенно когда из него варят суп.

Американская норка немного крупнее европейской. Как и ондатра, она была акклиматизирована в СССР. Встречается она на Аляске почти повсеместно, и добывают ее здесь ежегодно десятки тысяч. Это один из важнейших пушных зверей. Самолеты вывозят отсюда в большие города и другую пушнину—шкурки лисиц, выдр, рысей, горностаев, куниц, но в сравнительно меньшем количестве. Что же касается белки, то по качеству меха она значительно уступает нашей, и поэтому специально на нее здесь не охотятся.

Считается, что на Аляске живет за счет одного только пушного промысла не больше тысячи охотников. Трапперов, имеющих кроме промысла какие-то другие источники существования, здесь в несколько раз больше. Но даже в общей сложности трапперов здесь гораздо меньше, чем охотников-спортсменов, насчитывающих шестьдесят—семьдесят тысяч человек.

Что их ждет? Мне пришлось быть свидетелем разговора на эту тему. В нем участвовали преимущественно специалисты—биологи и охотоведы. Говорилось о том, что по сравнению с взлетом цен на продукты, одежду, бензин для мотонарт стоимость пушнины падает и траппер уже не в состоянии сводить в своем бюджете концы с концами. Говорилось, что со строительством нефтепровода в аляскинскую таежную глубинку пришли беды и язвы больших городов, что нефтепровод подкосил траппера не только материально, но и духовно, морально

Заключение было единодушным: промысловой охоте на Аляске долго не протянуть.

Над Аляскинским хребтом мы очутились уже к вечеру. Под самолетом проплывали массивные пики, один выше другого, и их заснеженные вершины то неправдоподобно ярко белели и искрились, как рафинад, то были залиты густыми, синими тенями. Мимо самой высокой вершины, горы Мак-Кинли, мы пролетали в то время, когда за нее закатывалось светило. Уходило оно как-то особенно уверенно, деловито, словно по давно протоптанной и хорошо знакомой стезжке. А потом выяснилось, что эту высочайшую из гор Аляски местные индейцы с незапамятных времен называли Денали, что значит «Дом солнца».

Другое название этой горы—Тралейка («Великая»). Во времена Русской Америки наши земляки называли ее Большой горой. В конце прошлого столетия она получила теперешнее свое название в честь двадцать пятого президента США Вильяма Мак-Кинли. Однако

современные аляскинцы все чаще высказываются за возвращение ей исконного имени Денали.

У подножия горы расположен национальный парк, очень популярный на Аляске. Он носит имя Маунт Мак-Кинли. К сожалению побывать в нем, походить по этой земле, ощутить ее запахи, послушать птичьих голоса мне не пришлось. Но несколько полетов над парком на разной высоте, в разную погоду и в разное время дня, кажется, смогли возместить несбывшееся. Больше того, самолет открывал возможность оценить истинное величие здешних горных вершин и ледников, окинуть взглядом пеструю панораму каменных россыпей: будто гигантская кисть испещрила их то ярко-желтыми, то красными, то зелеными мазками. Сверху оказалось возможным заглянуть в лесные чащи и даже увидеть, что делается на дне кристально чистых озер, в том числе самого большого, действительно очень красивого, известного под названием озера Чудес.

Конечно, рассмотреть с высоты мелких обитателей парка не удалось, но некоторые крупные звери, а на воде даже средних размеров птицы были видны как на ладони. Отчетливо выделялись в своем почти белом меху компании диких баранов, отдыхающих на ярко-зеленых горных луговинах. Хорошо различимы были северные олени, хотя и одетые в эту пору в темный, маскирующий их мех; еще заметнее были олени тропы, что затейливо ветвились на болотах. Как и в других частях Аляски, нередко встречались лоси. Несколько раз под крылом самолета оказывались медведи-гризли. А однажды удалось увидеть и главную достопримечательность парка—волка. Обычной волчьей трусцой он шел куда-то по своим делам вдоль автомобильной дороги, совсем рядом с ней.

Самолет позволил оценить и популярность парка. По единственному шоссе, проходящему по его территории (оно же связывает парк Мак-Кинли с городами Фэрбенксом и Анкориджем и носит официальное название автострада Денали), тянулась цепочка автомобилей, машин с прицепами, автобусов. Машины грудились вокруг гостиницы и на специальных стоянках. Что же касается палаток, то их квадратики—зеленые, красные, желтые—виднелись даже в самых удаленных от дороги, казалось бы, вовсе недоступных местах.

Не только на Аляске и не только в Соединенных Штатах высоко ценится научный авторитет парка Мак-Кинли, а некоторые проведенные здесь исследования

даже признаны классическими. Это относится, например, к книге Адольфа Мюри «Волки горы Мак-Кинли».

В конце тридцатых годов количество волков в самом национальном парке, в его окрестностях, да и вообще на Аляске (я уже говорил об этом), стало заметно возрастать, и это вызвало тревогу за судьбу местных диких баранов, северных оленей, лосей. Чтобы разобраться во взаимоотношениях волков и их жертв, ответить на вопрос, что делать с хищниками, администрация парка пригласила Мюри, тогда еще молодого ученого. Исследователь сразу оценил открывшиеся перед ним возможности. В самом деле: волков здесь было много, а главное, они жили и охотились выше границы леса, благодаря чему с горных склонов можно было подолгу наблюдать за ними. Два года подряд (в 1940 и 1941-м) он следил за несколькими стаями зверей, живших у северо-западной границы парка, научился безошибочно узнавать каждого «в лицо», даже нарисовал в своих блокнотах их портреты и дал им имена. Там были Дедушка и Дэнди, Разбойник и Серый...

Ему удалось выяснить, что каждая семья имеет свой постоянный охотничий участок, где хозяева не терпят чужаков. Мюри открыл многие до того не известные подробности семейной жизни зверей. Например, для исследователя было большой неожиданностью, что о волчатах заботятся не только отец и мать, но иногда и третий взрослый волк, может быть, «дядя» или «тетя». Но главное, он установил, что жертвой этих хищников становятся преимущественно ягнята либо оленята, гибель которых отнюдь не самая тяжелая потеря для поголовья баранов и оленей. Конечно, волки ловили и взрослых животных, но, как правило, старых или больных, то есть уже обреченных на скорую смерть. Иными словами, выяснилось, что в национальном парке, где запрещается охота и вообще всякое вмешательство человека в природу, волк не только не вреден, но и необходим, поскольку он сдерживает излишний рост численности животных и даже способствует оздоровлению их поголовья. В наши дни подобная оценка роли хищников в природе, там, где хищник не конкурирует с человеком, воспринимается, как нечто естественное, само собой разумеющееся. Однако четверть века назад все это было откровением даже для специалистов.

Монография Адольфа Мюри опубликована в 1944 году. Однако и после выхода ее в свет изучение волков

в парке Мак-Кинли не прекратилось. Эти звери стали здесь традиционным объектом исследования, и зоологи из года в год следят за ними со склонов гор или с самолета днем и даже в лунные ночи. Поведение некоторых волков регистрируется уже несколько лет подряд, а одна стая, живущая в долине реки Сэведж, находится под наблюдением (правда, с перерывами) уже больше тридцати лет!

Не теряет связи с национальным парком и Адольф Мюри, теперь уже ученый с мировым именем. С тех пор он опубликовал немало новых книг, в том числе «Звери национального парка Мак-Кинли», «Птицы национального парка Мак-Кинли», «Натуралист на Аляске».

Люди едут и идут в парк Мак-Кинли, многие приезжают из других штатов, а кое-кто и из-за границы. Они хотят хоть немного пожить среди нетронутой природы, отвлечься от забот, на которые так щедры большие города, вдохнуть свежего воздуха.

Особая категория гостей парка—многочисленные альпинисты. Их можно сразу узнать не только по чудовищно большим рюкзакам, по предметам специального снаряжения, но и просто по внешнему виду. Это почти исключительно представители мужского пола, не моложе двадцати и не старше пятидесяти лет. Большей частью они поджары, а на их лицах, продубленных солнцем и ветром,—выражение какой-то одержимости. Разумеется, гора Мак-Кинли привлекает их своей высотой и тем, что это наиболее северный из «шеститысячников». Но, кроме того, она еще слывет и «самой скверной в мире», а значит, восхождение на нее особенно заманчиво. Действительно, из-за большого перепада высот погода на горе сурова и непостоянна. В то время как внизу царит тридцатиградусная жара, наверху могут свирепствовать тридцатиградусные морозы и почти не стихают ураганные ветры.

Необычным было и покорение капризной Денали. Подняться на нее пытались и раньше, причем хорошо подготовленные альпинисты. Однако победа далась не им, а людям случайным, не имеющим ни опыта, ни снаряжения. Том Ллойд, Вилли Тэйлор, Пит Андерсон и Чарли Макгонэгол—просто золотоискатели, из тех, что наводняли в то время Аляску. Свой удивительный рекорд они поставили в 1910 году. Им удалось достать только кошки, а крепить эти нехитрые приспособления пришлось прямо к подошвам мокасинов. Финансировал

же их «экспедицию» хозяин салуна, где четверо друзей любили посидеть.

Подсчитано, что на вершине Мак-Кинли побывало около двухсот экспедиций. Конечно, и сейчас эти восхождения непросты, а иногда они стоят спортсменам жизни. Так, с 1966 по 1976 год здесь погибло больше двадцати человек. Тем не менее популярность Мак-Кинли среди альпинистов не уменьшается. В 1975 году на пик поднималось сорок восемь групп, а в следующем году — семьдесят три (более шестисот человек). Подниматься на гору может теперь не каждый. Администрация парка требует от претендентов на восхождение медицинские справки, они проходят нечто вроде экзамена, тщательно проверяется их снаряжение, в том числе радиопередатчики. Организована спасательная служба, которая следит за подъемом каждой партии.

На пике побывали американцы, англичане, австрийцы, немцы, японцы, а в 1977 году успешное восхождение совершили советские спортсмены.

Природа парка Мак-Кинли сохраняет свой первозданный облик. В отличие от некоторых других национальных парков США тут никогда не истребляли хищников (немалую роль в этом сыграли исследования Мюри), а потому здесь не размножались катастрофически бараны, олени, лоси и, значит, не было необходимости их истреблять. Здесь не гремели и не гремят выстрелы. Мак-Кинли не извещал и другой распространенной напасти национальных парков — излишнего наплыва посетителей, чрезмерной скученности людей и автомобилей. Правда, в 1974 году здесь побывало около восьмидесяти тысяч посетителей, а в 1975 году даже сто тысяч. Но это еще не много по сравнению с миллионами людей, наводняющими каждый год знаменитые в США Йеллоустонский парк и парк Гранд-Каньон. К тому же администрация Мак-Кинли теперь стала ограничивать число посетителей, приезжающих в парк на автомобилях.

— Нашему Мак-Кинли везет. Его пока не засыпали горы консервных банок, здесь еще можно увидеть голубое небо над головой, — несколько раз слышал я на Аляске.

Верой и правдой служили человеку ездовые собаки. Не счесть тонн и километров, перевезенных и освоенных за тысячелетия дохматыми тружениками. Много поколений эскимосов, чукчей и других коренных северян выучилось ходить, держась за собачьи хвосты. И много человеческих жизней было спасено в люющую пургу, морозной полярной ночью преданными четвероногими друзьями. Не случайно собаки, упряжь, сани еще недавно были на Севере главной темой мужских разговоров. Хороший передовик в упряжке считался бесценным сокровищем. Теперь, когда в эти края пришла техника—трактор, вездеход, мотонарты,—собачья упряжка сдает позиции. Говорят даже, что авторитет ее безвозвратно утерян. Но так ли это на самом деле?

Ежегодно в конце февраля, когда здесь стоят самые сильные морозы и санный путь наиболее устойчив, в Анкоридже проходит «Пушной фестиваль». Он проводится с размахом, длится несколько дней и собирает уйму народа. На улицах в это время теснятся и горожане, и приезжие—из других частей Аляски, из других штатов, из Канады, даже из-за океана. В программе фестиваля—хоккей, выступления танцоров—эскимосов и индейцев, меховые аукционы, избрание «мисс Аляски». Но «гвоздь программы», конечно,—гонки собачьих упряжек. Это и спринтерские заезды на дистанцию в двадцать пять миль, и марафонские многодневные пробеги. О гонках много пишут местные газеты. Разгораются споры, заключаются пари, болельщики пытаются предугадать развитие событий. Шелестят банкноты, хулеют и толстеют бумажники.

— Маш! Маш! («Вперед! Пошел!»)—Свистят и щелкают длинные кожаные бичи. Скрипят сани, шуршит снег под полозьями, под множеством собачьих лап. Упряжки срываются со старта и, промчавшись по центральной улице Анкориджа, исчезают в облаках снежной пыли.

Производные от слова «маш»—«мáшер» (каюр, погонщик собак) и «мáшинг» (езда на собаках). От хорошего машера требуется многое: сила и выносливость, умение находить контакт с животными и держать упряжку в беспрекословном повиновении. У него должен быть хороший глазомер: ведь искусство каюра заключается в том, чтобы удержать сани на узком, извилистом пути среди деревьев в лесу или среди торосов на морском льду. Не на последнем месте стоят

и его умение владеть бичом, достать ремнем нужную собаку в упряжке, кого-то задеть слегка, а кого-то и строго наказать. Говорят, бывают машеры, которые с одного удара могут рассечь бичом лежащее на земле, в нескольких метрах от человека яблоко или яйцо.

А собаки? От них тоже требуются сила и выносливость, а кроме того, послушание, трудолюбие, смекалка (есть и среди них лодыри, неслухи, тупицы). Шерсть собаки должна быть густой и упругой, чтобы она защищала собаку от холода и не забивалась в пургу снегом. Ей нужны крепкие лапы, чтобы они могли долго ступать по весеннему колючему снегу, по шершавым ледяным полям. Конечно, всеми этими качествами в еще большей степени должен обладать передовик. Дело в том, что на Аляске, как и в Восточной Сибири, собак запрягают пугом — пристегивают попарно к длинному ремню или куску стального троса. Машер управляет упряжкой в десять — двенадцать собачьих сил при помощи голоса и бича, а передовик должен быть посредником между человеком и остальными собаками. Хороший вожак, где это необходимо, сам, не дожидаясь команды, пойдет быстрее или тише, повернет в нужную сторону или встанет.

Здесь различают несколько пород упряжных собак, и у каждой есть свои сторонники. Одним нравятся малемуты — крупные, сильные, но флегматичные и тихходные трудяги. Другие больше ценят хаски: так называют здесь лаек, завезенных из Сибири, поджарых, темпераментных, быстрых. Ведутся бесконечные споры о достоинствах той или иной породы. Существуют клубы собаководов — «Хаски-клуб», «Малемут-клуб», а разведение породистых собак и торговля ими, так же как и гонки упряжек, превратились на Аляске в популярное и прибыльное дело.

— Хо! Хо! («Влево!») Джи! («Вправо!» — это уже более протяжно) — звучат команды машеров на «американском» языке (сибирские каоры подают другие команды).

— Маш! Маш! — Упряжки на финишной прямой. Решающий этап гонок. Собаки тяжело дышат раскрытыми ртами. Каоры стоят на задках полозьев, капюшоны их парок обросли инеем. Шелкают бичи, заключаются последние пари. И вот он, победитель! Совершается нечто вроде круга почета. Наконец команда «Воу!» («Стоить!»). Может быть, она сейчас особенно по душе обессиленным «рысакам».

Наиболее трудная и длинная трасса таких гонок на Аляске — Анкоридж — Ном. Она проходит и лесами и горами, а протяженность ее — 1049 миль (около 1700 километров). В 1975 году чемпион преодолел этот путь за восемнадцать с лишним дней. Но рекорды совершенствуются. В 1976 году упряжка Рика Свенсона прошла по трассе за 14 дней, 18 часов, 52 минуты и 25 секунд (американцы любят точность!), а через год собаки Ричарда Меки промчались по ней на секунду быстрее!

Участвуют в гонках и женщины. В 1975 году со страниц газет долго не сходило имя и портрет победительницы гонок Рокси Брукс; своей популярностью она на время затмила даже самых известных кинозвезд. Но вообще-то говоря, женщина-машер не такая уж здесь редкость. Еще в 1916 году прославилась миссис Майхоф, завоевавшая звание чемпиона на гонках упряжек в поселке Руби, что стоит на Еловом ручье, притоке Юкона. В наши дни проводятся даже североамериканские чемпионаты женщин-машеров. Они проходят ежегодно в середине марта в Фэрбенксе.

Фестиваль в Анкоридже считается самым многолюдным, самым впечатляющим из происходящих в штате. Однако больше всего собак держат не здесь, не в средней части юга Аляски, а в Фэрбенксе и его окрестностях, в долине Юкона, словом, в центре «Большой страны». Не случайно именно в Фэрбенксе располагаются и клубы любителей ездового собаководства.

Так что же, век упряжек, заиндевелших машеров все еще продолжается? Не совсем! Использовать собаку как тягловое животное стало невыгодно. В самом деле, каждой собаке нужно выдать в сезон работы ежедневно килограмм мяса или два килограмма рыбы, а всей упряжке — десять килограммов мяса или двадцать рыбы. А в месяц, в год? А какова отдача? Максимальная нагрузка на собаку тридцать — сорок, на упряжку триста — четыреста килограммов. При этом максимальная скорость собачьей упряжки — около двадцати километров в час, а средняя скорость — по крайней мере вдвое меньше. Конечно, перевозка грузов и людей на вездеходе или мотонартах обходится дешевле. Поэтому ездовых собак уже не встретишь в большинстве эскимосских или индейских деревень.

И все-таки век упряжек вовсе не кончился. В местном управлении охоты и рыболовства мне рассказали, что собачьими упряжками охотно пользуются

альяскинские егери и этот вид транспорта они считают самым пригодным для выслеживания браконьеров. По старинке ездят на собаках и некоторые из трапперов. Но это не главное. Почти исчезнув в глубинке, упряжки стали процветать в крупных поселках, а езда на них из обыденной монотонной работы превратилась преимущественно в спорт, в отрасль туристской индустрии, в бизнес. И хотя поездка на собаках — удовольствие не дешевое, а сама езда не так уж быстра, жителя большого города она привлекает как нечто экзотическое, как память о «дикой Аляске» прежних времен.

Когда-то в этих местах, по Юкону, пролегал путь знаменитого путешественника Л. А. Загоскина, и он впервые описал здешних индейцев-атапасков как «краснокожее племя ттынайцев».

«Пляски и песни ттынайцев,— писал Загоскин,— как бы входят в сущность их религиозных верований: без плясок они не начинают никакого дела... Подъезжая к какому-либо селению, ттынайцы, выстроившись в ряд, поют свою песню, потом, дружно выдернув свои лодочки на берег, становятся в один или два ряда, смотря по числу людей. Нам случилось заметить в Нулато, что несколько молодых людей, желая поскорее продать свои промыслы, пренебрегли этим обыкновением, и один старик долго им выговаривал и принудил выполнить этот обряд».

Свою любовь к пляскам и песням индейцы сохранили и до наших времен, но и пляски и песни их приобрели заметный «американский акцент».

Равнина при слиянии Юкона и самого большого его притока Тананы с незапамятных времен служила местом встреч вождей атапасских племен. Встречи эти происходили ежегодно в середине лета, в пору наиболее долгих дней и коротких ночей. Кроме вождей (у них были свои дела) собирались здесь и их соплеменники: молодежь — чтобы присмотреть невесту или жениха из другого рода, как того требовал обычай, остальные —

чтобы повеселиться, обменяться новостями. Однако с появлением «бледнолицых братьев», а тем более когда невдалеке отсюда как на дрожжах стал расти город Фэрбенкс (было это в начале нынешнего столетия), традиционные встречи индейцев прекратились.

Место слияния Тананы и Юкона на языке атапасков носит название Нукалавойя (по-английски — Nuchalawoyya; в обоих случаях это, конечно, весьма условное начертание индейского слова). С начала шестидесятых годов ежегодные встречи атапасков здесь возобновились и тоже называются «нукалавойя».

Поскольку эти празднества приурочены к середине лета, я смог увидеть только место, где они происходят, — небольшой поселок Танана, что вытянулся ниточкой вдоль правого берега Юкона. Однако встречи индейцев подробно описывались в аляскинских газетах и журналах. Из них я и сделал выписки, позволившие воссоздать такую картину.

Воскресенье. Десять часов утра. Поселковая улица почти пуста. На крыльчке сидят и судачат три седые индейки, каждой за шестьдесят. Они в пестрых платочках, повязанных по-русски, в очках, джинсах, и у каждой в руке откупоренная жестянка «кока-колы». Два, по-нашему, деда стоят у еще закрытого киоска, в котором продаются «горячие собаки» (hot dog) — распространенные в Америке булочки с горячими сосисками.

Двенадцать часов дня. Школьники по команде Альфреда Гранта, распорядителя торжеств, поднимают флаг встречи (на голубом фоне карта штата и надпись по-английски: «Нукалавойя») и флаг Аляски (восемь золотых звезд тоже на голубом фоне). На холме у флагштока собираются пожилые женщины и запевают что-то вроде гимна праздника. Мотив его печален, слова однообразны: «Нук-ка-ла-вой-я, хэй-ей-ей». Этот гимн будет звучать потом все дни и вечера до конца встречи.

У флагштока появляется симпатичная девушка. На ее иссиня-черных волосах позолоченная корона. Это прошлогодняя «мисс Нукалавойя». Новую еще предстоит выбрать. На холм поднимаются мужчины, женщины, подростки, совсем юные участники встречи. Индейского в них не так уж много. На мужчинах — узкие пестрые повязки на лбу, остальное — обычное, «американское». Женщины только в «американской» одежде.

Час дня. Народ стоит на холме, на самом берегу,

кое-кто сидит на стульях и на бидонах из-под бензина. Соревнуются гребцы на каноэ. Нужно пересечь Юкон, коснуться противоположного берега и вернуться назад. Блестят на солнце мокрые весла, земляки встречают победителя одобрительными криками.

Грант объявляет начало соревнований по метанию копья.

— Разойдись, если жизнь дорога! — кричит он. Зрители жмутся к самым домам. Копье — заостренная жердь примерно пятиметровой длины, и, если она попадет в человека, добра действительно не жди. Состязаются копьеметатели, суетятся фотографы. С микрофоном в руке то появляется, то исчезает среди толпы один из вездесущих репортеров.

Потом начинается марафонский забег. Дистанция четырнадцать миль (около двадцати трех километров). Стартуют двенадцать бегунов, финишируют только четверо. Одного в свалке сшибли, его уносят. Соревнуются женщины: кто приготовит чай быстрее и вкуснее. Нужно добежать до реки, набрать воды, потом разжечь костер, потом... Желающих оценить качество чая хоть отбавляй. Затем соревнования мужчин: кто быстрее снимет шкурку с ондатры. Мелькают ножи, проворно и уверенно делают свое дело руки. И вот победитель. Он освеживал зверька и обезжирил шкурку меньше чем за минуту.

Шесть часов вечера. Садятся за столы (пока шли соревнования, несколько мужчин готовили традиционный суп с лосятиной). Это потlach, традиционный индейский пир, часто с раздачей подарков гостям, коронный номер встречи. Кстати, мясо на празднике у атапасков должно быть обязательно лосиным. Рассказывают, что летом 1974 года в Фэрбенксе состоялся суд над браконьером — индейцем, незаконно убившим лося. Присяжные, среди которых тоже были индейцы, оправдали обвиняемого. «Какой же потlach без лосятины?» — сказали они.

Хлеб, суп, вареное мясо достаются всем, деликатес — черника с рыбьим жиром — только старикам. Слышны застольные речи. Говорят и по-атапаски, и по-английски. В одном месте запевают по-индейски что-то грустное, в другом затягивают разухабистую песенку, когда-то бывшую здесь в ходу у золотоискателей. Голоса сливаются в общий гул. То тут, то там завязывается драка, драчунов разнимают. Столы постепенно пустеют.

Восемь часов вечера. Начинаются танцы под скрипку и гитару или под музыку транзистора. Звучат современные танцевальные ритмы. Молодежь приноравливается к ним, конечно, кто как может. Молодым танцорам неуклюже пытаются подражать пожилые участники встречи.

Время за полночь. Выходит луна. Она прочерчивает поперек притихшего Юкона блестящую дорожку. Музыка не стихает. Доносится нестройный хор человеческих голосов. Праздник продолжается...

Мы в гостях в семье Дэвида Клейна.

Наш хозяин—известный зоолог, профессор Института арктической биологии. Институт входит в состав Аляскинского университета. Университет расположен в Фэрбенксе, точнее, в его пригороде Колледже, а некоторые факультеты и институты университета находятся также в Анкоридже и Джуно. Фэрбенкс—самый большой город в центральной Аляске и второй по величине в штате.

Дом необычной архитектуры: частично—двухэтажный, частично—одноэтажный. Не сразу и поймешь, сколько в нем углов. Он срублен руками хозяина, его жены и сына из бревен несколько лет назад и стоит на лесной опушке. С тыла вплотную к дому подступает кондовая тайга, а с фронта перед ним открывается обширная поляна с тихим ручьем посередине. До шоссе около километра. Вокруг тишина...

В доме приятно пахнет смолистым деревом. Каждая вещь, будь то письменный стол или диван, идеально вписывается в уготованное ей место; видно, что хозяйка долго вынашивали план дома и его устройства, прежде чем приступили к строительству. Профессор много ездит по свету, и на стенах развешаны сувениры—из Норвегии, Финляндии, Франции, Канады. В центре—знакомые нам изделия из меха, рога, бересты. Это память о пребывании в нашей стране, о путешествиях по Сибири. Хозяин и сам похож на сибиряка—высок ростом, сухощав, немногословен. В коротко, «по-мужицки», подстриженных усах и бороде—седина. Выражение лица, морщины вокруг глаз, походка, мане-

ры—все это выдает в нем путешественника и охотника. Доказательства этому на столе. Вчера вместе с сыном они заповелевали северного оленя, и поэтому основное блюдо сегодня— жареная оленина. В сенях на стене висят лыжи и снегоступы, похожие на большие теннисные ракетки (русские землепроходцы называли их лапками). Зимой он ходит на них на работу, в институт (это в нескольких километрах отсюда). Подстать мужу хозяйка—моложавая, энергичная, по-сибирски приветливая.

Клейн рассказывает об истории Аляскинского университета. Университет организован в 1922 году, и сначала в нем числилось шесть студентов и шесть преподавателей. («Вот было идеальное соотношение»,— смеется рассказчик.) Беседа идет об общих знакомых, а их у нас, оказывается, немало, но то и дело разговор переходит на самую близкую хозяйину тему— оленеводство.

«Ну ладно, он зоолог, охотник, ему хорошо жить в лесу,—думаю я.—А каково ей, нашей хозяйке?»

Словно угадывая мои мысли, она подводит меня к окну. Надвигаются сумерки, над ручьем клубится туман. Через поляну идет рогач-лось. Он почти черный, белеют лишь ноги, размеренно движущиеся вверх и вниз.

— Где еще увидишь все это?—говорит она.—Где еще осталась такая тишина? Вот почему мне нравится Аляска, нравится наш дом...

ПУТЕШЕСТВИЕ В РУССКУЮ АМЕРИКУ

Эскимосы называют Юкон «Квихпак», индейцы-атапаски — «Юкхана» (отсюда и происходит современное название реки). И то и другое означает «Большая река».

ИКОГМЮТ —
РУССКАЯ
МИССИЯ

Открыл, описал, положил на карту бассейн Юкона лейтенант русского флота Лаврентий Алексеевич Загоскин. Испытывая неимоверные тяготы, он прошел вместе с немногими своими спутниками больше пяти тысяч верст по неизведанной до того стране, пешком, на снегоступах — «лапках», в самодельной байдаре. Происходило это в сороковых годах прошлого столетия. И вот теперь, много лет спустя, деловито звеня двумя моторами и не особенно напрягаясь, наш самолет повторяет маршрут славного путешественника.

Нам с Вадимом Сергеевичем пришлось полетать здесь и на «Бобре» — миниатюрной летающей лодке, и

на «Орле» — двухмоторном самолете современных стрелительных очертаний. Но главным образом возил на этот довольно старомодный летательный аппарат «Гусь», побывавший, видимо, во многих переделках, зато способный садиться как на сушу, так и на воду и, следовательно, почти идеальный в условиях аляскинской глубинки.

Повторяя петли и изгибы, самолет летит над рекой величиной с Оку, а местами даже с Волгу. Вода рябит на перекатах, обтекает многочисленные острова, то лысые, сложенные голым камнем, то лесистые. Как и склоны речных долин, они горят золотом и багрянцем. С воздуха угадываются теряющие листву тополевики и березняки, ивняки и ольшатники. Ельники чаще распространены в стороне от Юкона.

Река как река, но чем-то она все-таки сильно отличается от Оки или Волги. Чем же? Ответ приходит не сразу. Да она же почти безлюдна! Изредка промелькнет прилепившийся к самой воде поселок, покажется временный лагерь — убежище то ли золотоискателей, то ли туристов, и опять леса, болота, горы без следов какой бы то ни было человеческой деятельности. Пустынно и на самой реке — ни парохода, ни катера, ни даже лодки или байдарки. На конце песчаной косы, которая протянулась чуть ли не до середины реки, расположилась семья бурых медведей. Наверное, они пришли сюда на рыбалку. Подняв головы, медведи проводили взглядами самолет, ничем не обнаружив страха и не покинув облюбованного места. На другом плесе самолет выгнал из воды большого рогача-лося. Выйдя на берег, он отряхнулся и побрел в лес, тоже не проявляя признаков паники. На притоках Юкона кое-где видны построенные бобрами плотины.

«Гусь» летит от Нулато вниз по течению, в сторону Икогмюта (теперь он называется Русской Миссией). В конце августа 1843 года — золотая осень тогда тоже была в разгаре — здесь проплывал со своими спутниками Загоскин. Внешне мало что изменилось с тех пор на Юконе. Случись чудо, покажись сейчас из-за поворота та самая байдара, те самые гребцы, они не вызвали бы большого удивления. Во всяком случае в окружающий пейзаж они вписались бы вполне.

А вот и бывший Икогмют.

«В Икогмюте... строения Компании расположены на увале сажен в 15 высотой, в 150 саженях от правого берега и окружены еловым и березовым

лесом... Селение находится внизу, на песчано-глинистой низменности, впрочем, никогда не затопляемой в половодье. Селение от севера защищено подходящим прямо к реке утесом, которого горнокаменное сложение есть ноздреватый базальт и лава». Лес теперь отступил от человеческого жилья, но приметный утес остался, и сделанное Загоскиным описание позволяет сразу узнать поселок, который несколько месяцев был штаб-квартирой путешественника. Отсюда он совершал походы в стороны от Юкона, здесь вел метеорологические наблюдения, приводил в порядок свои коллекции и путевые записки.

«Обицами чертами невозможно вполне передать жизнь, которую мы вели в наших заселениях в Нулато, Икогмюте и редуте Колмакова. Несмотря на то, что мы проживали на месте, редкий день не приводилось нам замечать чего-либо особенного в туземных нравах, обычаях, в образе их жизни, в домашнем быту и прочее или, осматривая окрестные места, трудиться для снискания себе пропитания».

И будто к нашим дням относятся многие сделанные Загоскиным заметки о природе этих мест. Хотя бы эта: *«В стороне Квишпака несколько довольно значительных речек истекают из гор; все они изобильны бобрами и выдрами, промыслом которых занимаются... жители. Медведь в этих местах весьма многочислен. Нередко он нападает на туземцев, гоняся за ними вплавь. На наших людей, весновавших в Икогмюте, медведи нападали дважды, и только греблюю противу течения удалось от них избавиться».* Может быть, потомков тех самых медведей и видели мы на косе с самолета?

Юкон и Кускоквим — видишь ли их в действительности или следишь за течением рек лишь по географической карте — живо напоминают о его путешествиях. Уналаклит и Нулато, редут Св. Михаила и Икогмют, названия многих других географических пунктов, точно определенных Загоскиным и положенных им на карту, настолько тесно переплелись с его именем, что в отрыве от него, сами по себе, даже и воспринимаются с трудом. А его «Пешеходную опись части русских владений в Америке...» на английском, а то и на русском языке встречаешь теперь среди наиболее часто используемых справочных книг на рабочем столе или на книжной полке практически каждого аляскинского биолога, географа, этнографа.

Лаврентий Алексеевич Загоскин среди современных ему «русских американцев» фигура удивительная и во многих отношениях типичная. Военный моряк, состоящий на службе Российско-Американской компании, отправлялся в глубь Аляски для решения лишь некоторых практических, «ведомственных» задач, причем уже это требовало от него больших усилий и мужества. Он полностью справился с поручением. Его экспедиция не только оправдала затраченные на нее средства, но и принесла, к удивлению начальства, даже прибыль за счет заготовленной пушнины, сохраненных инструментов, оружия, товаров. Экспедиция по-настоящему обогатила науку. Загоскин вел топографическую съемку местности и метеорологические наблюдения, собирал коллекции — зоологические и ботанические, по минералогии и этнографии, составлял словари наречий аляскинских туземцев. Он впервые описал закономерности климата внутренних частей Аляски и открыл целый народ — ттынайцев из «американского семейства краснокожих». Не меньшей его заслугой было и то, что он всюду устанавливал хорошие отношения с местным населением.

Свои наблюдения он изложил в книге, полное название которой — «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах». Труд его был оценен по достоинству и признан современниками «столь же занимательным для обыкновенных читателей, сколько полезным для ученых». Таким он остается и сейчас.

...«Гусь» покружил над бывшим Икогмютом, низко прошел над крышами домов, над погостом с покосившимися крестами и полетел дальше. Времени на посадку не было. Как жаль, думал я, что не придется побывать в таком интересном месте. Но попасть в поселок все-таки удалось — весной следующего года.

Стояла середина апреля, солнце уже стало как следует пригревать, побежали первые ручьи, и у

проталин суетились прилетевшие пуночки. Мы с Вадимом Сергеевичем оказались в это время в Бетеле, и у нас выдался свободный день. Накануне один из наших аляскинских знакомых, мистер Ворд, пилот и глава местной авиакомпания (в компанию входил еще один летчик, а владения ее составляли два маленьких одномоторных самолета), пообещал, если не будет клиентов, взять нас с собой в Рашен Мишен—Русскую Миссию. У него там были дела.

Клиенты, на наше счастье, не объявились, и утром мы уже втискивались в тесную кабинку самолета.

Кроме пилота и нас в самолете оказался пожилой эскимос, «отец Захар», как он сам представился, настоятель, а по существу псаломщик православной церкви в Русской Миссии. Это был сюрприз, приготовленный нам мистером Вордом. Отец Захар постоянно живет в Бетеле (по нашим понятиям—в районном центре, тогда как Русская Миссия—просто село). Он охотно откликнулся на приглашение Ворда в неурочный час посетить свою епархию и показать советским гостям церковь и другие местные достопримечательности.

Внешне наш спутник мало чем отличался от других аляскинских эскимосов. Одет он был в потертую синюю нейлоновую куртку, на голове—не менее потертая нейлоновая шапка-ушанка, на ногах—резиновые полусапоги-полуботинки. Единственный признак сана отца Захара—выглядывающий из-под куртки белый стоячий пластмассовый воротничок. Пока мы летели, отец Захар рассказывал о себе. Он почти неграмотен (с трудом, по складам читает по-английски), тем не менее был рукоположен в сан в Ситке (бывшем Ново-Архангельске, столице Русской Америки). Всю жизнь охотился, рыбачил, плотничал. С годами топором работать стало тяжело, помогают сыновья—тоже охотники, рыбаки, немного плотники. В Русскую Миссию он наезжает и правит службу в церкви по большим праздникам. Прихожане больше старики, сами живут бедно, за требы платят кто чем может—кто рыбой, кто деньгами. На доходы от службы в церкви не проживешь.

Показалась знакомая по прошлому году Русская Миссия. Тот же приметный утес, разбросанные без особого порядка избы, на этот раз почти по крыши заметенные снегом. Подо льдом и снегом нечетко

улавливаются берега Юкона, разве что выдает их полоса кустарников или леса.

С земли на первый взгляд это и вовсе русская деревенька, будто попал куда-нибудь на Северную Двину или Мезень. Рубленные «в лапу» избы и амбары утопают в сугробах. От избы к избе и от домов к реке и к лесу промяты тропки. Посредине, на холме, небольшая деревянная церковь с желтым куполом и крестом. Немного в стороне, тоже на холме, огороженный частоколом погост.

А вот синие плакаты на стенах домов и амбаров с надписью по-английски: «Хэнзли— в конгресс!»—это уже Америка. Даже не просто Америка, а именно Аляска. Нас сразу же, словно они появились из-за ближайших сугробов, окружает стайка ребят, чернолодых, с плоскими, узкоглазыми лицами. Под скатом крыши на стене дома висят связки вяленой рыбы—юколы. На крыльце парень, длинноволосый, с непокрытой головой, «правит» шкуру бобра: тонким ремешком прищипливает ее к деревянному обручу для придания шкуре традиционной на Аляске формы круга.

Со свойственной ему пунктуальностью Загоскин отметил, что зимников (домов) в Икогмюте пять, всего жителей—92, в том числе взрослых мужчин—22, христиан—двое, а язычников—90. Что касается занятия жителей, то они состояли *«сверх запасения рыбы на собственное продовольствие и продажу на Кускоквим в приготовлении из дерева различной деревянной посуды, а главнейшее—в перекупке пушных промыслов»*.

За сто тридцать лет многое, конечно, здесь изменилось. Прибавилось домов, хотя количество жителей увеличилось незначительно: нет работы, и молодежь едет искать ее в большие города. Наверное, не осталось больше язычников. Но в то же время, судя по рассказам отца Захара, многих эскимосов, особенно молодых, не назовешь и христианами.

С пронзительным треском, оставляя за собой струи сизого дыма, проносятся две мотонарты. Каждая тянет на буксире сани с железной бочкой. Они направляются на Юкон по воду. Одной из мотонарт управляет стоя преклонных лет эскимоска. Такого транспортное средство во время Загоскина, конечно, не знали, ездили на собаках. Однако сейчас в поселке не осталось ни одной собачьей упряжки.

Относительно «приготовления деревянной посуды» я, правда, не смог толком ничего выяснить. Что же касается рыболовства и пушного промысла, то они и сейчас основной источник существования местного населения. Ни над одной из крыш не видно радиоантенны, а тем более телевизионной антенны. В общем, многое здесь выглядит так же, как и в прошлом веке.

Сначала нас ведут к погосту. Пока идем по поселку, несколько пожилых эскимосов подходят к отцу Захару за благословением. Мужчины при этом снимают шапки. Обнажает голову и пастырь. Он крестит подошедшего, целуется с ним и невнятно произносит какую-то фразу, похоже — на церковно-славянском языке. Некоторые эскимосы прикладываются затем к заскорузлой руке отца Захара.

За покосившимся частоколом из-под снежной целины выглядывают ряды крестов, чаще деревянных, изредка — металлических или каменных. Многие из них наклонились, иные почти совсем упали. Есть кресты очень старые, основательно изъеденные вьюгами. На некоторых еще можно прочесть русские надписи: «Иван Бельков», рядом — «Анна Белькова», потом опять — «Иван Бельков». Видно, несколько поколений жившего на Юконе рода.

Отец Захар впереди нас прокладывает тропку, не смущаясь тем, что снег здесь выше чем по колено. Видимо, кладбище он знает хорошо. То и дело увлекает нас с тропки в сторону, разгребает рукой снег на могильном холме, чтобы показать очень старый, уже упавший крест с едва заметными следами русских букв. И чем больше видишь здесь русских имен и фамилий, тем грустнее становится на душе. Сколько же могил первопроходцев осталось в далекой американской земле! Могил, теперь оказавшихся в чужом краю, забытых и брошенных!

Экскурсия заканчивается осмотром церкви, бревенчатой, рубленной «в лапу», как и большинство строений в поселке. Она тесна и украшена внутри очень скромно. Отец Захар приглашает зайти в алтарь, отделенный от основной части церкви простой тесовой перегородкой. Достает псалтырь, изданный, возможно, еще во времена Русской Америки. К сожалению, начало книги не сохранилось, и установить, где и когда она была напечатана, невозможно. Потом он начинает распевать для нас что-то из церковных песнопений. Поет по-

эскимоски, повторяя каждое слово по нескольку раз, и постепенно входит во вкус. Голос его, вначале дребезжащий, тихий, крепнет.

Деликатно покашливая, в дверь заглядывает мистер Ворд. Он уже закончил свои дела, и нам пора возвращаться...

ОКНО
В АМЕРИКУ

Уже побывав на Кенайском полуострове, на Юконе и в других частях Аляски, некогда составлявших Русскую Америку, я понял, что путешествие в эти края, в их историю не может быть полным без знакомства с Охотском, городом и портом на Охотском побережье нашей страны. Долгое время он был «окном» в Новый Свет, единственным портом на единственном тогда пути из России в Америку.

Знакомство с этим городом было очень кратковременным и пришлось на зиму, пожалуй, самое неудачное для этого время года. Тем не менее оно послужило для меня как бы введением, напутствием ко всему путешествию в Русскую Америку.

В последние дни ноября 1977 года самолеты из Хабаровска в Охотск не летали — «по метеоусловиям», как сообщали аэропортовские репродукторы. Пояснение к этой скупой информации я вычитал первого декабря в газете «Тихоокеанская звезда», уже сидя в самолете. Газета сообщала: «Неделю на Охотском побережье бушевала пурга. Порывы ветра достигали десяти баллов. На улицах районного центра выросли трехметровые сугробы, двухэтажные дома были под самую крышу присыпаны снегом. Закрылись школы и детские учреждения. В Охотске сформировали штаб по борьбе со стихией, создали аварийные бригады элек-

триков и механизаторов... Сейчас над Охотском снова сияет солнце. Расчищаются дороги и улицы, устраняются последствия разбушевавшейся стихии».

И вот наконец Охотск. Постройки его сгрудились в низине, зажатой между горами и морем. Когда мы подлетали к нему, мне показалось, что город затаился здесь, на самом краю света, сжался, храня какую-то свою тайну. Но вблизи, несмотря на сугробы и болтающиеся в воздухе обрывки проводов—память о недавней пурге,—он предстал обычным, хотя и небольшим городом, с автомобилями, автобусами и неожиданно большим количеством людей на улицах.

Год его рождения—1649-й. (Значит, нет старше его поселка на всем нашем Дальнем Востоке.) Именно тогда на берегу протоки Амунской, что в трех верстах от устья реки Охоты, заложил казацкий десятник Семен Шелковников «со товарищи» Косой острожек. Каких только испытаний не досталось будущему Охотску! Он горел, отбивал осады. Но особенно сильно страдал от наводнений. Через семнадцать лет после основания поселения река стала подмывать частокол, и острог перенесли на новое место, за четыре версты от прежнего. Еще через двадцать три года его начали разрушать морские волны, и острог вновь переехал, теперь—в глубь суши. Однако и на новоселье вид его оставался неприглядным. *«Охотский острог рубленой в заплот ветхой. Во оном остроге в восточной стороне проезжая башня, ветхая без верху. Подле той башни, в полуденной стороне, три избы черные, ветхие, где живут комиссары. В том же остроге в стене амбар, где кладется всякая казна».* Таким, по свидетельству очевидца, был острог перед своим очередным переездом.

Еще раз перенесли его на новое место—на галечниковую косу, к совместному устью Охоты и Кухтуя,—в 1725 году, когда по плану Витуса Беринга, начальника Камчатской экспедиции, началась постройка Охотского порта. С той поры Косой острожек ожил. Он стал называться Охотским острогом, потом—Охотским портом, а затем—просто Охотском. От него получило свое название и Охотское море (раньше оно звалось Ламским, или Пенжинским). Название же города происходит от реки Охоты, а это искаженное эвенское слово «окат», что значит «Большая река».

Но и устье Охоты и Кухтуя оказалось не лучшим местом для города: при штормах морская вода заливала

косу и затапливала большую часть городских построек. *«Вода с моря,— сетовал Г. И. Шелихов,— переливается в реку Охоту через все то пространство широты, на коей город стоит, и беднейшее охотское строение топит и повреждает, жителей приводит в отчаяние».* По этой причине в 1815 году Охотск вновь переезжает, теперь—на левый берег Кухтуя, где он находится и поныне.

«Ни один путешественник, побывавший в Охотске, не отозвался о нем добрым словом»,— писал в середине прошлого века автор «Пешеходной описи» Загоскин, хотя то была далеко не худшая пора в истории города. Не радовали глаз убогие, почерневшие избы, покосившиеся казармы, магазины (то есть склады), разбросанные либо на косе, куда в любой миг могли ворваться морские волны, либо по низменным речным берегам и утопающие летом в болотной жиже. Зимой лютовали метели, морозы, а летом досаждали бесконечный нудный бус (мелкий, вьедливый дождь), туманы. Хотя и стоял он у рек, с питьевой водой в Охотске было плохо. Мясо за столом бывало только у богатей. Да и хлеб, по причине его чрезвычайной дороговизны, считался у простого люда за лакомство; каждодневной едой у горожан была рыба, большую часть года вяленая либо соленая, да бурдук—кислое ржаное тесто. Каждую зиму нещадно косила людей цинга, и потому так быстро росли ряды бедных могил на охотских погостах. Моряки проклинали предательские подходы к Охотскому порту: по количеству кораблекрушений он, возможно, не имел себе равных в Российской империи. И все-таки жизнь здесь не считалась тусклой и однообразной.

В 1716 году отсюда отправилось в плавание первое морское судно местной постройки. И с тех пор Охотск стал «окном» в Тихий океан—на Камчатку, на Курилы, в Америку. Долгое время через этот город и порт проходил торговый путь на Аляску—к острову Кадьяк, Алеутским островам, Ново-Архангельску и в Калифорнию—к русскому поселению Форт Росс близ нынешнего Сан-Франциско. Охотск провозжал за море то промышленные, то государственные экспедиции, встречал обозы из Якутска, из России, корабли, вернувшиеся из далеких краев, и часто с богатым промыслом. Не раз сходили с этих кораблей на здешнюю землю невиданные доселе «дикие американцы»—гордые индейцы в плащах из лосиных шкур, алеуты в своих диковинных

одеждах. В охотском магистрате скреплялись многотысячные сделки. В бокалах пенилось шампанское вдовы Клико, хотя цена на него была здесь поистине астрономической. Ни днем, ни ночью не стихал шум в охотских кабаках...

Хранит этот город и тайны: не обманывало все-таки первое впечатление. Свидетелем каких только событий он не был!

Как-то невольно представилось мне происходившее здесь в 1727 году, два с половиной столетия назад, когда только еще собиралась в путь Первая Камчатская экспедиция. *«Нынешней зимою,— писал тогда в своем рапорте в Адмиралтейств-коллегию капитан Беринг (командором он станет позже),— здесь великие снега и жестокие морозы и пурги, и сказывают здешние жители, которые живут здесь больше 20 лет, что не помнят такой жестокой зимы».*

Десяток изб, без всякого порядка разбросанных внутри острога и утопающих в сугробах, уже не вмещают определенных сюда на постой солдат, матросов, мастеровых. А новые партии людей все подходят. Из тех самых распадков, что видишь с улицы современного Охотска, тянутся обозы нарт, запряженных людьми, бредут люди, изнуренные тяжелой дорогой, закутанные кто во что, с почерневшими, обмороженными лицами...

Звонкий скрип шагов на мерзлом снегу, собачий лай и визг, хриплые человеческие крики, стук топоров, слова команд, подчас с иностранным акцентом. Притихшие и попрятавшиеся обыватели («от эдаких гостей не жди барыша!»)...

Летом того же года на засыпанной щепой косе выросли первые постройки, обозначились контуры будущего порта и города. В июне здесь торжественно спустили на воду «Форуну», и капитан жаловал корабелов вином. Было это судно лишь одномачтовым шитиком, но первенцем среди кораблей, построенных в Охотске. А в августе на двух судах Первая Камчатская экспедиция покидала порт. Буднично, обычно катилась в тот день по мелям серая холодная волна, как всегда, хрипло кричали чайки...

В 1737 году Беринг снова в Охотске — снаряжает Вторую Камчатскую экспедицию. Стояли здесь тогда, как пишет Степан Крашенинников, автор «Описания земли Камчатки» и первый исследователь этого полуострова, *«часовня во имя Спаса всемилостивого, канце-*

лярия, дом управляющего, пять частных домов и строения морской команды — четыре дома, шесть изб и две казармы. Кроме того, возводилось много новых построек».

Лето, зиму и еще лето шли сборы; строились корабли, подтягивались обозы со снаряжением и провиантом. Лишь в сентябре пакетботам «Св. Петр» и «Св. Павел» удалось выйти в свое знаменитое плавание к американским берегам. «Св. Петр» возвратился в Охотск лишь через четыре года, а «Св. Павел» — на год позже (но не тот, что вышел в плавание, а новый, собранный из остатков прежнего). Многим морякам, да и самому командору, так и не суждено было вернуться...

Представился мне и другой Охотск — последней четверти XVIII века. Город расстроился. Кроме крепости, обнесенной палисадом, складов и казарм, поставленных еще при Беринге, выросло в нем несколько улиц, деревянная церковь, магистрат с городским гербом на фасаде: изображением двух якорей и морского штандарта. Над обывательскими домишками вознесся просторный дом всесильного советного судьи, коллежского асессора Коха, сумевшего подчинить себе даже самого коменданта. «В небе бог, а в Охотске Кох» — возможно, сам Готлиб Иванович и сочинил эту ходкую поговорку и уж во всяком случае не считал ее для себя обидной.

Не легче прежней была здесь жизнь. Все так же царил в городе неистребимый рыбный дух, и завываниям метели вторил все тот же вой десятков, а то и сотен упряжных собак. Но потянулся народ в Охотск, далеко разнеслась молва, будто каждый находит здесь свою долю. Заманил он и удалого купеческого сына Гришату Шелихова. Впервые попал тот сюда в 1774 году, и, хотя сам город никогда не был ему мил, связала их судьба до самой смерти. Всего лишь приказчиком сибирских купцов-богатеев пришел Шелихов в Охотск, а покидал город в последний раз человеком, известным во всей империи, «Колумбом русским», государственным мужем.

Где-то здесь жил на покое известный передовщик Никифор Трапезников. Бывал он и на Алеутских островах, и на самой «матерой» американской земле, а хозяйство его вела вдовья внучка Наталья. Хорошо знал Григорий тот дом! Ведь там разбередили его душу рассказы старика о заморских землях, там сведался он

и с красавицей Натальей. Там же благословил их дед, а вскоре сыграли свадьбу.

Здесь же, в устье Урака, строил Шелихов свои корабли и в 1782 году повел их к американским берегам. А через три года он снова в Охотске, где есть у него уже и дом, и свои амбары.

В 1789 году в городском магистрате был скреплен договор с македонским греком Евстратом Деларовым, которого назначил Шелихов правителем острова Кадьяк и «матерой» американской земли. А до этого, уединяясь дома от суеты, не один вечер обдумывал и сочинял Григорий Иванович свои наставления будущему правителю. Конечно, не забывал он в них о собственной пользе, но еще дороже были ему интересы России. И проникнуты ими все параграфы наставлений, даже такой, казалось бы, второстепенный: *«Для приплоту увезти в Америку из Иркутска две пары собак злобных и две пары кроликов, а из Охотска годовалых две пары с бычками телочек да пару свиней и пару коз, которых стараться там расплодить, с наблюдением экономии, посеяв хлеба и огородных плодов. Посланные семена... стараться непременно размножить, что послужит в честь вашего ревностного на будущия времена к отечеству усердия».*

В той же горнице охотского дома писал он потом Деларову длинные письма. Чего только там не было — вплоть до советов, как учить кадьякских школьников: *«Грамоте, петь и арихметике учить более мальчиков пожалуйте старайтесь, чтоб со временем были из них мореходы и добрыя матрозы; также мастертвам разным учить их надобно, особливо плотничеству... Книг учебных, горных, морских и протчих множество к вам пришлю. Кто учитца хорошо, тем гостинца пришлю на судне».*

Здесь, на охотском берегу зрели в его голове дерзкие планы дальних вояжей. И не был ли причиной тому здешний охотский ветер? Не он ли будоражил «Колумба русского», донося временами из-за моря таинственные пряные запахи?

Помнит тот Охотск и Александра Андреевича Баранова, его сутулую фигуру, тяжелую поступь, суровый взгляд. Хотя жил Баранов по-холостяцки, замкнуто, был он здесь человеком известным, а слово барановское считалось надежнее иного документа. И все равно, не полагаясь на молву, наверно, долго присматривался к нему Шелихов, прежде чем заключил с ним договор,

скрепленный в городском магистрате 15 августа 1790 года: *«Мы, нижеподписавшиеся, рыльский именной гражданин Григорий Иванов сын Шелихов, каргопольский купец, иркутский гость Александр Андреев сын Баранов постановили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях американских при распоряжении и управлении Северо-Восточной компании тамо расположенной...»*

Последний раз был Шелихов в Охотске в 1794 году, за год до своей смерти. Приезжал сюда Григорий Иванович, чтобы по-хозяйски снарядить корабли, отправить с ними в Америку и людей — промышленников, мастеровых, хлебопашцев, и грузы — инструменты, съестные припасы, книги...

...Хрустела эта прибрежная галька и под ногами капитана российского флота Гавриила Сарычева, и первого исследователя недр Аляски Дмитрия Тарханова, и священника Вежиаминова (которого будут называть потом апостолом Аляски), и путешественника Лаврентия Загоскина. Неважно, коротким или долгим было их знакомство с Охотском, но этот город, несомненно, оставил свой след в жизни каждого из них.

Охотск жил полнокровной, богатой событиями жизнью до самой середины прошлого столетия. А когда по высочайшему повелению главным русским портом на Тихом океане стал Петропавловск-Камчатский, а потом Николаевск-на-Амуре, когда поднялись Благовещенск, Хабаровск, Владивосток и наладилось сообщение с ними — Охотск зачах. Все меньше кораблей вставало на его рейде. Без ухода, от сырости, от штормов быстро ветшали городские постройки. Зарастал и становился все менее проходимым Охотский тракт.

Но дело не только в появлении новых городов. Судьбы Охотска и Русской Америки оказались тесно связанными. Он был началом, опорой моста, что тянулся через океан, с материка на материк. Правительство России продало Аляску Америке — и это разрушило мост, осталась его опора на сибирском берегу никому не нужной. Только в наши дни вновь пришел расцвет к этому городу, на рейде его опять теснятся корабли. Но это уже тема другого рассказа...

Мало что осталось в наши дни в городе от старого Охотска — всего лишь один дом, что стоит на углу современных улиц Кузнецова и Белолипского и построен, возможно, еще в первой четверти прошлого века.

Во всяком случае на фотографии, относящейся к середине XIX века, его без труда можно узнать: он невелик, приземист, не нов, о трех окнах по фасаду, обшит снаружи лиственничными досками, причем прибиты они явно «штучными», ручнойковки гвоздями с разнокалиберными квадратными шляпками. В доме все еще живут, над трубой вьется дымок...

Встречаются и еще кое-какие следы прошлого. В местном краеведческом музее, например, можно увидеть офицерский кортик, части ружейного замка, медный крюк в виде конской головы — часть традиционного якутского седла. Найдены они на размываемой морем косе. Среди прибрежной гальки, что топчут ногами прохожие, нет-нет да и мелькнет старинная позеленевшая монета или свинцовая пломба с буквами РАК (Российско-Американская компания). А у побережья якорьки рыбацких шлюпок нередко цепляются за могучие лапы старых «адмиралтеев» (судовых якорей), потерянных когда-то мореходами.

Сохранилась, конечно, панорама окрестностей города. Таким же остался необыкновенный здешний воздух, в котором смешались смолистый аромат лиственниц и запахи водорослей, рыбы, моря...

ЯЗЫКОМ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
КАРТЫ

...Карта Аляски. Ярко запечатлелись на ней страницы истории, красноречиво рассказывает она о вкладе русских людей в исследование и освоение этой земли.

Здесь часто встречается слово «Рашен» («Русский»). На Юконе есть поселок Рашен Мишен (Русская Миссия). В среднем течении Кускоквима, там, где во времена Российско-Американской компании стоял ее форт — редут

Колмакова, есть Русские горы. На острове Умнак, одном из Алеутских островов, находится Русская бухта, а на Кенайском полуострове протекает Русская река...

Естественно, что названия на карте появлялись по мере рождения самой карты. Поэтому сначала, пока еще на чистый лист бумаги, лег остров Св. Ильи, первая американская земля, открытая 20 июля 1741 года экспедицией Витуса Беринга (позже он стал называться островом Каяк, а южная оконечность его — мысом Св. Ильи). Через десять дней состоялось новое открытие и новое «крещение». Группа Алеутских островов, где похоронили одного из участников экспедиции Беринга, матроса Никиту Шумагина, получила название Шумагинских.

Так же быстро, как и осваивалась эта страна, шло заполнение ее карты русскими названиями. Среди них есть имена православных святых — Ильи, Митрофания, Макария, Михаила. Они обычно означают, что само открытие произошло в день того или иного святого (например, к острову Св. Ильи судно Беринга подошло в Ильин день). На карте появляются имена наших земляков — выдающихся исследователей, руководителей экспедиций, мореплавателей, совершавших открытия в Русской Америке. В честь Чирикова названы остров и мыс на острове Атту, в честь Сарычева — риф у острова Атка и мыс на острове Унимак, Стеллера — бухта на острове Атту, Вениаминова — гора на полуострове Аляска. Именем Шелихова названы пролив между островом Кадьяк и Аляской и озеро, самое большое на Аляске (другое название этого озера — Илиamna). В честь Баранова получил свое название остров, на котором стоит Ситка — бывший Ново-Архангельск, любимое детище правителя Русской Америки. Есть на карте имена Литке, Хлебникова, Хвостова, Тебенькова...

На карте Аляски есть и названия русских кораблей. Например, именем Екатерины названа одна из бухт острова Унимак, где в 1768—1769 годах на судне «Св. Екатерина» зимовала экспедиция исследователя Алеутских островов П. К. Креницына. Залив Слава России (Glory of Russia) на острове Танага хранит имя корабля, на котором плавал и совершал опись этих мест Г. А. Сарычев. Вряд ли нужно пояснять, как оказались на карте мысы Тонкий (Tonki Cape) и Подсопочный (PodsoPOCHni Cape), залив Открытый (Otkriti Bay) и

остров Большой (Bolchoi Island). Остров Горелой (Goreloi Island) назван так из-за действующего вулкана, а речка Убиенная (Oubiennaia) на острове Уналашка и бухта Убиенная на острове Атту напоминают о трагически завершившихся здесь столкновениях русских с алеутами.

Кстати, далеко не все русские названия на карте Аляски были даны нашими соотечественниками. Например, остров Чирикова, о котором уже шла речь, окрестил еще во времена Русской Америки английский мореплаватель Джордж Ванкувер. Одну из горных цепей в бассейне Юкона американский путешественник Фредерик Шватка назвал горами П. П. Семенова—в честь знаменитого географа (это было уже после продажи Аляски Соединенным Штатам). Нельзя не отметить в этой связи, что сами первооткрыватели отнюдь не злоупотребляли русскими названиями. Достаточно взглянуть хотя бы на карту Алеутских островов—подавляющее большинство их сохранило свои исконные местные названия.

На картах Аляски сохранились русские слова, не только трудно произносимые для современных аляскинцев, но и загадочные по смыслу. На острове Кадьяк есть, например, поселок Ouzenkie («Узенькие»). Выговаривают это название даже местные жители, как правило, «не с первого захода». Вряд ли догадывается большинство американцев, что таится под словами Níkhka («Никишка»—так называется поселок, расположенный на Кенайском полуострове) или Nizina («Низина»—один из поселков в глубине страны). К таким же загадочным для американцев словам можно отнести Konets («Конец»), Kovrizhka («Коврижка») или Rukavitse («Рукавицы»)—так обозначены мысы на островах Уналашка и Унимак.

Многие русские названия как бы растаяли, растворились на современных картах Аляски. Бывший Еловый остров превратился в Spruce Island, Крысы острова—в Rat' Island, Лисьи острова—в Fox Island, скала Монах—в Priest Rock. При переводе русских названий на английские случались и курьезы. Например, Бабы острова в Алеутской цепи превратились в Baby Islands («Детские»), а мыс Веселовский, или Веселова, на о. Уналашка в американских лоциях стал называться Creerfur Cape («Веселый»).

Нужно добавить, наконец, что после приобретения Аляски новые ее хозяева далеко не всегда доброжела-

тельно относились к оставшимся русским названиям, а в 1867 году была даже организована правительственная экспедиция по их переименованию.

И все-таки русских названий здесь много. На Алеутских островах и на острове Кадык, на полуострове Аляска и на Кенайском полуострове, в низовьях Юкона и на «Ручке от сковородки» — их целые россыпи. Они сосредоточены недалеке от морского побережья, и как бы очерчивают районы, которые в первую очередь и наиболее энергично осваивались нашими земляками.

Да, много интересного может поведать географическая карта Аляски! Нужно только суметь ее разговаривать!

ТЕНИ
ШЕЛИХОВА
И БАРАНОВА

В Анкориджском музее истории и искусств я видел замечательную реликвию: тяжелую металлическую доску с русским гербом и надписью «Земля Российского владения», одну из тридцати, зарытых на западном побережье Аляски по приказанию Г. И. Шелихова. Но есть на Аляске и иные следы, иная память о пребывании человека, положившего начало освоению Русской Америки, человека, которого поэт Гавриил Державин впоследствии назвал «Колумбом русским».

Один из заливов острова Уналашка называется Капитанской гаванью. На ее берегу расположена столица острова, которую местные жители называют просто Сити («город»). В середине июля 1784 года в эту гавань вошел русский галиот «Три Святителя». Здесь

Шелихов впервые ступил на землю Аляски. Скорее всего, как и всегда в эту пору года, туман сменялся мелким нудным дождем. Слышался монотонный шум прибоя. С суши доносились острые запахи трав, гниющих водорослей, хриплые и тягучие крики чаек. Рядом с судном вставали из воды усатые тюленьи головы...

На Кадыяке, в бухте Трех Святителей, названной так самим Шелиховым, он основал селение. Нелегкими были первые шаги Шелихова и его спутников. *«Августа 3-го числа,—пишет Шелихов,—пришли к острову Кыктаку (то есть Кадыяку; оба слова означают на языке местных жителей «остров») и с полуденной стороны ввели галиоты в гавань, поставя там на якоря. 4-го числа отправлены были работные люди на байдарах, соединенных по две, чтоб осведомиться, есть ли на сем острове жители...»*

7-го августа вторично посланы от меня были в четырех байдарах работные люди сколько для осмотра звериных мест, а не меньше и для примечания самого острова, коим приказано как возможно далее оного проехать. 9-го августа расстоянием от гавани в верстах 40 усмотрели они множество диких (то есть островитян), собравшихся на отдаленном и с моря неприступном утесистом преобширном камне... Я, уведомя будучи о сем, тотчас... отправился туда и начал было уговаривать оных... обнадеживая их, что мы с нашей стороны не для каковых-либо ссор и обид к ним пришли, но чтобы дружеским с ними обхождением приобрести их благосклонность, и в доказательство того обещал я по возможности своей одарить их из вещей весьма ими любимых. Их тут было великое множество, и по крайней мере до 4000 человек. Они, несмотря на таковые убеждения, начали стрелять из своих луков, почему и принужден я был от них удалиться, крайне беспокоясь о неизвестности, чем кончится таковое затруднение. Однако, приметя из упорного их наступления на нас и видя притом желание оных, чтобы я удалился от берегов их, или все будем перебиты, я старался все принять предосторожности от нечаянного на нас нападения...»

И такое нападение произошло. *«12-го августа в самую полночь, во время производимой работными людьми на карауле перемены, сии дикие, в превеликой толпе сошед с камня, на нас напали с такой жесток-*

костью, что можно было помыслить, что совершенно достигнут они своего намерения, что и действительно бы им учинить то было нетрудно, ежели бы мы меньше были осторожны и больше боязливый».

Поселенцы терпели многие лишения, отбивали нападения индейцев, болели цингой, но строили зимовья и крепости, совершали объезды Кадыяка и соседних островов, ближайших участков материкового побережья. Они добывали дорогие меха, разведывали руды и корабельные леса, заводили огороды. Но главное все-таки, что *«многое число коняг (местных жителей) ласкою и торгом в дружбу склонили... и совершенное их к Российской державе подданство утвердили».*

Шелихов провел на Кадыяке почти два года. Здесь, в бухте Трех Святителей, долгими зимними вечерами мечтал он о будущей Славороссии — столице Русской Америки. Чтобы утром при подъеме флага в ней били барабаны, играла музыка, а гарнизон был в мундирах и носил на португезах штыки. Думал о том, как укреплять среди «диких американцев» российское влияние и приобщать их к грамоте, о новых экспедициях, о том, как лучше здесь сеять хлеб и добывать морских бобров.

22 мая 1786 года он покидал остров, а незадолго до этого послал очередной отряд на побережье Аляски, к мысу Св. Ильи, для постройки здесь крепости, а также для описи той земли, наказывая, в подтверждение прав России на нее, *«по берегам ставить кресты и закапывать в землю обломки горшечные, кору березовую и угля».* Позже для этой цели им были изготовлены и присланы металлические доски, одну из которых я и видел в музее.

Александр Андреевич Баранов — «Пизарро Российский», как он иногда называл себя, — отдал Русской Америке двадцать пять лет, а вернее, всю свою жизнь. Это он осуществлял планы «Колумба русского». *«Шелихов, можно сказать, делал только предположения, но Баранов докончил оные и все привел в исполнение... кроме того, он сам сделал дальнейшие и важнейшие заселения, о коих Шелихов и не помышлял»*, — писал его биограф К. Т. Хлебников. И если можно сказать, что тень Шелихова словно бы витает над Уналашкой, Кадыяком и ближайшей к ним частью материка, которая осваивалась по его планам и приказаниям, то

память о Баранове хранит в сущности вся Аляска. О нем знает, пожалуй, каждый житель штата. И не только потому, что в здешних ресторанах можно заказать мороженое или коктейль «по Баранову» (ведь дело происходит в Америке!), а Баранов-стрит или Баранов-авеню есть во многих аляскинских городах и поселках. Годы, когда он управлял Русской Америкой (здесь их часто называют «барановским» периодом, или просто «барановскими»), были, несомненно, самыми яркими в ее истории.

Негостеприимно встретил его Новый Свет. Галиот «Три Святителя», на котором осенью 1790 года Баранов добирался до Америки, потерпел крушение у острова Уналашка. Здесь, в губе Кошигинской, в сырых землянках, мореплаватели провели зиму, а весной следующего года, построив байдары, отправились дальше, к острову Кадьяк.

1792 год. Баранов на Кадьяке. Отражает нападения индейцев, обходит на байдаре вокруг острова, осматривает русские поселения и основывает новую столицу — Павловскую крепость (теперь это город Кадьяк). Павловская гавань — лучшее место для стоянки кораблей. Отсюда ближе к материковой части Аляски и легче управлять ею.

1793 год. Баранов отправляется покорять чугачей (одно из местных племен), в Чугацком заливе закладывает Воскресенскую крепость (почти на этом самом месте позже вырос город Валдиз, а совсем недавно к нему подошло устье Трансаяскинского нефтепровода). Рядом с крепостью он сооружает верфь и приступает к постройке трехмачтового корабля.

1794 год. Баранов на Кадьяке. Благоустраивает Павловскую крепость, встречает первый корабль, присланный Шелиховым из Охотска.

1795 год. Совершает поход в Кенайский залив и взамен старого, сожженного индейцами форта закладывает здесь новый форт Св. Николая.

Обследует Чилкатский и Якутатский заливы, основывает крепость Якутат. Проводит перепись населения Кадьяка.

1797 год. Совершает плавания в Кенайский и Чугацкий заливы.

1799 год. Отправляется к острову Ситка и начинает здесь строительство крепости, будущей новой столицы Русской Америки (в следующем году это поселение захватили и разграбили индейцы).

В перерывах между походами Баранов добывал смолу и скипидар, плавил из местных руд медь и железо, пробовал по-разному возделывать землю, собирал образцы окаменелостей и зоологические коллекции, мирил повздоривших промышленных людей и даже сочинил песню «Ум российский промыслы затеял», ставшую у русских поселенцев в Америке своего рода гимном. Заканчивается песня таким четверостишием:

*Нам не важны чины, ни богатство,
Только нужно согласное братство,
То, что сработали, как ни хлопотали,
Ум патриотов уважит потом.*

«Нам не важны чины, ни богатство» — эти слова относятся прежде всего к самому Баранову: о собственном благополучии он никогда не заботился.

1803 год. Баранов назначается главным правителем Российско-Американской компании в Америке, отправляет флотилию байдар к калифорнийским берегам для обследования тех мест.

1804 год. Отбивает захваченную Ситку, ранен в бою. Закладывает город Ново-Архангельск.

Что ни год — новые свершения. Баранов расширяет районы промысла пушных зверей, завязывает торговлю с королем Гавайских островов и с китайскими купцами, отстраивает столицу Русской Америки и основывает в Калифорнии форт Росс, печется о пополнении библиотеки и обучении детей поселенцев географии, математике, даже французскому языку.

Что ни год — новые испытания. Индейцы захватили и разгромили Якутат. В Ново-Архангельск приходит голод. Раскрывается заговор против Баранова, происходят пожары, кораблекрушения...

В 1818 году Баранов получил отставку «за старостью» и в том же году выехал в Россию, но по пути на родину скончался. В теплых водах Зондского пролива «Пизарро Российский» нашел свой покой...

«Нельзя не заметить... что во всех поселениях Российско-Американской компании, которые мне случилось видеть, господствует примерная исправность во всех отношениях. Ничего не проглядеть, на все быть готовым — было правилом Баранова; дух этого необыкновенного человека витает, кстати, и теперь над им основанными заведениями», — писал через десять лет после его смерти известный русский море-

плаватель, впоследствии президент Академии наук Ф. П. Литке.

Более полутора столетий отделяют нас от «барановского» периода в истории Аляски, но до сих пор словно напоен бурной историей тех лет сам воздух Кадьяка — этой колыбели Русской Америки. В 1964 году аляскинским землетрясением и нахлынувшими тогда же морскими волнами Павловская крепость (теперь поселок Кадьяк) была разрушена. Но построенные на возвышенности, и к тому же на скальном грунте, дом — современник Баранова — и Воскресенская церковь, сооруженная тоже в «барановские» времена, пострадали мало. Теперь это самые старые на Аляске русские здания, и вокруг них, особенно летом, толпятся туристы. В «барановские» времена переносит туристов «Крик дикого барана» (я уже упоминал о нем) — спектакль со сценами из жизни правителя Русской Америки; тогда на Кадьяке бухают пушки, трещат мушкетные выстрелы...

Ситка — бывший Ново-Архангельск — считалась столицей Аляски до 1906 года (потом столицей штата стал город Джуно). Но хотя город лишился административного первенства, нельзя сказать, что он уж очень зачах. Его поддерживают лесопильные заводы — производство, начатое еще самим Барановым. Воздух здесь пахнет морем и смолистыми опилками.

Правда, в последние годы город сильно изменился. Здания современной архитектуры — из стекла и бетона — потеснили деревянные дома, построенные еще во времена Российско-Американской компании. Кстати, когда эти дома сносили, под обоями на стенах обнаруживали интереснейшие документы: кроме как в канцелярии негде было добыть тогда бумаги для оклейки помещений. Взорвана «скала Баранова» — камень, на котором он, по преданию, любил сидеть: скала мешала подвозу щебенки при строительстве оборонительных сооружений во время второй мировой войны. А пока камень был цел, существовал обычай: поднявшись на него, сказать вслух. «Пусть я буду таким же сильным и мудрым, как Баранов». В погожие дни, говорят, не было отбоя от желающих обрести барановские силу и мудрость.

Сохранился стоящий перед Михайловским собором, хотя и основательно перестроенный «замок Баранова». Чтобы взглянуть на него, едет в Ситку множество туристов...

АПОСТОЛ АЛЯСКИ

Имя митрополита Иннокентия Вениаминова встречалось мне на страницах аляскинских газет в 1974 и 1975 годах. Поводом к тому была предстоящая канонизация: православная церковь должна была признать его святым. Печаталась и фотография митрополита. Пожилой человек, с пронзательным взглядом широко расставленных глаз и высоким лбом мыслителя. Но руки, большие и натруженные, скорее могли принадлежать пахарю или матросу, чем священнослужителю. До меня не сразу и дошло, что это тот самый удивительный отец Иннокентий, миссионер, механик, плотник, земледелец, охотник, талантливый филолог и естествоиспытатель, отважный путешественник, а на склоне лет — первое по значимости лицо в русской православной церкви.

Говорят, что в старинном сибирском селе Ангинском, что стоит на Лене, до сих пор сохранился рубленный из кондовых лиственниц дом, в котором жил с семьей местный пономарь Евсей Попов. В августе 1787 года у Поповых родился сын Иван.

Детство будущего священника и исследователя Аляски было нелегким. Отец умер, когда мальчику исполнилось шесть лет. Попечением дяди Ваню определили в Иркутскую семинарию. Хотя здесь не баловали воспитанников харчами, семинария имела хорошую библиотеку. Ей да своему пытливому уму Иван обязан тем, что, приехав в Русскую Америку, проявил себя

знатоком не только в богословии, но и в антропологии, зоологии, метеорологии. А труды его по лингвистике сразу по их появлении специалисты признали классическими.

Помимо интереса к естественным наукам и языкам еще в юности он пристрастился к механике. Обнаружилась эта страсть, когда на соборной колокольне Иркутска устанавливались городские часы. Тогда-то Иван Попов и зачастил к часовщику. Узнав об этом, архиерей заподозрил семинариста в безделье и желании уклониться от занятий. Но когда выяснилось, что Иван один из лучших учеников, ему было разрешено помогать мастеру. И потом, достигнув уже высоких церковных постов, он с увлечением чинил судовой хронометр или барометр, мастерил музыкальную шкатулку или часы для колокольни.

Как было тогда принято, в семинарии он получил новую, более «благозвучную» фамилию Вениаминов. А позже, при посвящении в архимандриты и вступления в монашеский орден, принял имя Иннокентий.

В 1824 году, уже будучи священником одного из лучших приходов Иркутска, находясь в почете у прихожан и на хорошем счету у начальства, Вениаминов попросился служить в Америку, чем немало изумил архиерея. И вот остров Уналашка. Настороженные алеуты с их непонятным духовным миром и жизненным укладом.

Первым делом предстояло найти общий язык с островитянами, построить жилье для себя и семьи, воздвигнуть церковь. Необходимо было обучить алеутов ремеслам — плотницкому и слесарному, изготовлению кирпичей и каменной кладке. Естественно, что самые сложные работы он делал сам. Одновременно со стройкой духовный пастырь стал вести метеорологические наблюдения (приборы для этого тоже нужно было сделать), любовно сажал привезенные с материка деревца. И конечно, смотрел, слушал, записывал.

Большого роста и могучего телосложения, искусный в ремеслах, неутомимый и ловкий на охоте, честный и справедливый, всегда ровный в обращении, миссионер нашел путь к сердцам и душам островитян, завоевал их искреннее уважение. Сами они оказались способными учениками. *«Все ремесла и искусства, какие только могли русские привезти с собою в Америку, алеуты перенимают с охотой, так что теперь между алеутами можно найти мастеров от*

сапожника до часовщика»,— писал Вениаминов. В «дикарях» он обнаружил лучшие человеческие качества— мужество, трудолюбие, способность увлеченно трудиться ради творческой радости. «Они терпеливы, даже до нечувствительности, способны на самопожертвование и добры до самозабвения».

Десять лет жизни на островах... За это время он создал словарь и грамматику алеутского языка, положил начало переводу на этот язык русских книг. А *«когда они увидели книжки на своем языке... то даже старики начали учиться грамоте, для того чтобы читать по-своему (и потому теперь умеющих читать из них более чем шестая часть)».* Говоря современным языком, Вениаминов разработал и рекомендовал по рациональному использованию запасов морских котиков. По признанию адмирала Завойко, одного из руководителей Российско-Американской компании, *«выводами из своих наблюдений над жизнью земноводных животных, морских котиков, он доставил компании на несколько сот тысяч пользы; и поныне казна ежегодно получает громадный доход, а ежели будут строго держаться правил, выведенных отцом Вениаминовым, то доход казны должен увеличиться и достигнуть миллиона».*

Но особенно большую известность принесли ему изданные в 1840 году в трех томах «Записки об островах Уналашкинского отдела»— тщательное исследование материальной культуры и социального строя алеутов, их обычаев, преданий, песен. «Записки», которые стали настольной книгой почти каждого этнографа, оценили не только специалисты. Их штудировал Н. А. Некрасов, когда писал свой роман «Три страны света», ими интересовался Н. В. Гоголь, их с увлечением читала просвещенная публика в Петербурге, Москве и других городах Российской империи.

Подвиг исследователя, созидателя, миссионера принес ему популярность и в Русской Америке, и в России. Он все выше поднимается по церковной служебной лестнице: архимандрит-епископ Камчатский, Алеутский и Курильский, архиепископ Камчатский и Алеутский... Он объезжает епархию, бывает в форте Росс в Калифорнии, на острове Кадьяк, на Алеутских островах, на Камчатке, наезжает в Россию.

Все больше времени и сил отнимают дела церковные. Постепенно гаснет в нем исследовательский пыл, мир сужается. К тому же быстро слабеет зрение.

В 1862 году Вениаминов окончательно покидает Аляску и заканчивает свой жизненный путь главой православной церкви — митрополитом Московским.

Подвиг его действительно велик, а память о нем и поныне живет в сердцах современных алеутов. Она — в книгах на алеутском языке, в посаженной им «роще бишопа (епископа) Вениаминова» и, конечно, в тех добрых чувствах к «дикарям», что пробудили у многих его слова и «Записки».

Ни один самолет, ни одно судно, направляющееся с Американского материка на Алеутские острова, не минует полуострова Аляска. Здесь много гор, но, пожалуй, самая приметная из них — гора Вениаминова, с которой никогда не спадает ее снежная шапка. Гора — тоже память об этом удивительном человеке. Между ними есть даже что-то общее. Наверное — мощь, величие.

Дело происходило на Кускоквие. Мы были в гостях у Эндрьюсов, в эскимосской деревне Кветлук.

На столе добродушно урчал самовар. Хотя он был изрядно помят и в нем не хватало некоторых деталей, он еще вполне справлялся со своими обязанностями. Судя по тому, что его медные бока нестерпимо сияли, обращались с ним уважительно — «старик», значит, жил в почете. В красном углу висели образа, украшенные яркими искусственными цветами. Пахло свежееиспеченным хлебом, витали какие-то другие знакомые с детства запахи.

КАССАКПИАК —
НАСТОЯЩИЙ
КАЗАК

«Ну чем не старинная Россия?»—думалось мне, тем более что за окном слышался колокольный звон, а из-за крыши соседнего домика выглядывала маковка церкви. Сразу я даже не удивился, когда, поставив на стол вазочку с сахаром, хозяйка сказала что-то вроде «сахарок». Потом она сказала «сай»—и стала заваривать чай в фарфоровом заварочном чайнике. «Лоскак»—и на столе появились чайные ложки. «Блютса»—появилась стопка блюдец...

Наконец меня осенило. Да ведь это же русские слова! Они то и дело мелькали в разговоре, который хозяева вели на юпике—местном диалекте эскимосского языка. «Калебак» (хлеб) и «маслак» (масло), «сукарак» (сухари) и «мукак» (мука), «сасы» (часы) и «оски» (очки), «сайникак» (чайник) и «нузик» (ножик), «ключак» (ключ), «книгак» (книга), «суднак» (судно, корабль), «кулюкулук» (колокол), «мулютук» (молоток)—эти и многие другие слова без сомнения были заимствованы от русских, первыми заселивших эти места. В том, что в этих словах «ч» было заменено «ц» или «с», улавливалось даже конкретное влияние поморского диалекта. Ведь так говорят у нас в Архангельской области, в Карелии, и именно поморы преобладали среди бывших здесь русских землепроходцев. Впрочем, не исключено, что это и чисто эскимосский акцент. Нельзя было также не заметить, что все эти слова обозначают предметы первой необходимости. Значит, если уж очень понадобится, каждый из нас может объясниться с американским эскимосом!

На ухабистом грунтовом аэродромчике острова Нунивак, куда мы вскоре попали, нас встретила шумная ватага мальчишек. «Кассак, кассак»,—то и дело выкрикивали они. Затем подошло несколько взрослых эскимосов. Речь их была степенна, нетороплива, но слово «кассак» фигурировало в ней так же часто.

Вечером, на огонек, к нам забрели гости. Разговор шел и по-английски, и по-эскимосски. Уловив давешнее загадочное словечко, я спросил, что оно означает. Мой собеседник вроде бы засмутился, но все-таки ответил: «Вот вы и есть кассак».

Ну конечно, это же «казак»! Можно было бы догадаться и сразу! Значит, слово «казак» у аляскинских эскимосов (причем не всех, а лишь живущих к югу от устья Юкона, то есть в зоне наиболее сильного в прошлом русского влияния) стало обозначением «белого человека» вообще. Наши предки и впрямь

ведь были здесь первыми из европейцев. Позже выяснилась одна любопытная и лестная для нас подробность. Оказывается, русских эскимосы выделяют и называют даже не просто «кассак», а «кассакпиак», то есть «настоящий казак».

Встречаются на Аляске и другие приметы прошлого.

Очень недолго, всего около часа, мне пришлось пробыть в поселке Кенай, выросшем на месте русского форта Св. Николая. Увидев, что укрепление все еще высится во всей красе на центральной площади Кенай, рядом с православной церковью, я сначала удивился. Однако вскоре мне стало ясно, что и бревенчатый частокол с бойницами, и щедро окованные железом ворота были даже не просто восстановлены, а построены заново, причем совсем недавно. У ворот висела металлическая доска с надписью, из которой можно было узнать, кем и когда было основано это укрепление.

При форте оказался маленький музей. Три седовласые дамы, удивительно похожие друг на друга (повидимому, они составляли штат этого учреждения), сидели за столиком у входа и о чем-то негромко беседовали. Узнав, что я из СССР, из Москвы, они обрадованно засуетились и втроем повели меня по залу. Здесь были разложены русские книги, самые различные по содержанию, предметы европейской одежды прошлого века, кое-что из домашней утвари, в том числе сделанной руками русских. Все экспонаты лежали открыто, но содержались в большом порядке, и чувствовалось, что хозяйки музея искренне гордятся этим богатством.

Между делом дамы поинтересовались московскими модами и новостями (пьют ли, например, москвичи чай из самоваров?). На прощание они пригласили меня выпить с ними чашку кофе, преподнесли значок в виде головы моржа—к нему мне был выдан особый диплом, подписанный губернатором Аляски—и, наконец, подарили на память оказавшуюся на их служебном столе справочную и телефонную книгу поселка.

В том же 1974 году, когда мне довелось быть в гостях у кветлукских эскимосов, на Алеутских островах в селе Никольском советского академика А. П. Окладникова и его коллег-археологов радушно встречали местные алеуты—Душкины, Ермиловы, Суворовы, Черкесины, Талановы. Обязанности старосты села и

одновременно «приказки» — продавца магазина исполнял Даниил Крюков. Он же состоял старостой церковной общины. Дед его, креол Крюков был смотрителем той же церкви еще во времена Иннокентия Вениаминова. Советские археологи подсчитали, что около трети слов в языке современных алеутов — тоже русского происхождения: «клибак» (хлеб), «чаникак» (чайник), «шахох» (шахматы), «наусах» (ножик) и многие другие слова, обозначающие предметы, наиболее часто употребляемые и, несомненно, впервые попавшие сюда из России. Женщины шли по сельской улице по воду, как и в России, неся ведра на коромысле. Гости фотографировали старинные русские дома, сохранившееся здание коммерческой конторы Российско-Американской компании, побывали в «роще бишопа Вениаминова», единственной до сих пор на Алеутских островах.

Когда гости улетали из Никольского, их пришли провожать многие островитяне. Алеутки, по русскому обычаю, поднесли «подорожники»: Мэй Ермилова испекла печенье, а Агния Суворова — торт.

Еще одно зримое связующее звено между Русской Америкой и современным сорок девятым штатом — православная церковь. Подавляющее большинство алеутов, многие эскимосы и индейцы до сих пор считают себя православными. В поселках и городах Аляски сохранились с тех пор церкви и часовни, и служба в них, как правило, ведется на церковно-славянском языке, хотя его уже не понимают не только прихожане, но часто и священники. Впрочем, говорят, что на Алеутских островах и островах Прибылова еще можно встретить старика, со смыслом читающего псалтырь или иную церковную книгу.

На старых кладбищах Аляски еще стоят, а местами уже попадали замшелые осьмиконечные кресты с церковно-славянскими или русскими надписями. А в Ситке памятником Иннокентию Вениаминову высится построенный его тщанием Михайловский собор. Для соборной колокольни отец Вениамин, от начала до конца своими руками, сделал большие башенные часы. Постройка церкви была завершена в 1848 году, и украшает ее икона богоматери, писанная великим русским портретистом Владимиром Боровиковским. В 1966 году в Ситке случился пожар. Собор сгорел почти дотла, но хранившиеся в нем реликвии удалось спасти, а позже было восстановлено и само здание.

В церкви села Никольского советские археологи

обратили внимание на икону Николая Чудотворца, одетую в серебряную ризу—превосходный образец стиля барокко. На ризе оказалась дата—1794 год, время бурной деятельности еще самого Шелихова. Археологи, а все они сибиряки, были поражены. Ведь именно такие ризы ковали в то время иркутские ювелиры! Значит, изделия этих мастеров и художников расходились не только по сибирской земле, но попадали и сюда, в российские владения за океаном! Но предоставим слово самим археологам: *«Зайдя в Никольскую церковь на Умнаке, мы увидели государственный флаг Соединенных Штатов... Когда же мы раскрыли молитвенник, изданный в 1943 году, по которому православная церковь правит службу во время эктении, прочитали: «Еще Господу помолимся о стране Российской и о стране сей и президенте ея». Значит, сначала о стране Российской!»*

Больше ста лет прошло с тех пор, когда с флагштока на центральной площади Ново-Архангельска—теперешней Ситки—медленно спустился русский флаг. Как пишут очевидцы, дойдя до середины флагштока, он остановился: что-то заело в блоках. Одному из матросов пришлось влезть на мачту и срезать флаг ножом. На присутствующих это происшествие произвело тягостное впечатление. На смену русскому поднялся флаг Соединенных Штатов.

Но память о наших предках и земляках на Аляске сохранилась. Приметы ее многочисленны. Это и русские названия на географических картах, и русские слова, вошедшие в обиход аляскинских алеутов и эскимосов; это и бережно хранящийся, как семейная реликвия, самовар, и дымок над баней (именно так она и называется), который увидишь в субботний день в эскимосской или алеутской деревне. Наконец, это просто людская память о Русской Америке. Она здесь жива, и это не удивительно. В истории Аляски это был этап настолько яркий, значительный, что предать его забвению, наверное, уже невозможно.

ИНДЕЙЦЫ,
АЛЕУТЫ,
ЭСКИМОСЫ

Наш самолет вылетел из Нома к мысу Барроу и поначалу направился прямо на северо-восток. Однако вскоре он наткнулся на препятствие. Впереди сплошной стеной стоял туман, настолько густой, что походил уже скорее на сметану, чем на молоко. Подняться выше тумана не удалось, поэтому у летчика оставалась единственная возможность — лететь в обход, вдоль побережья: здесь пока еще держалась хорошая погода.

МОСТ
ЧЕРЕЗ
БЕРИНГОВ
ПРОЛИВ

Под самолетом проплыл низменный мыс Дуглас, затем вправо ушла длинная галечниковая коса и за ней в глубине залива показался поселок Теллер — светлые квадратики домов, хвостинки радиомачт. Приближались мыс Принца Уэльского. Сам по себе он не привлек бы особого внимания: гряды холмов, покрытые уже поблекшими бурями травами, застрявшие на прибрежных отмелях одинокие серые льдины, узкая полоска прибой. Но напротив него, слева, в море виднелись два

острова — поменьше и побольше, а еще дальше к западу глаз различал очертания большой суши.

Островок поменьше и поближе, Малый Диомид, он же остров Крузенштерна, принадлежит США. Дальний — Большой Диомид, или остров Ратманова, — уже советская земля. А суша, на которой солнце высветило прибрежные горы, мыс Дежнева, Чукотка, край Азии!

Значит, мы в Беринговом проливе, там, где некогда была Берингия, тот сухопутный мост, по которому из Азии в Новый Свет перешли и многие животные, и люди — далекие предки современных индейцев, алеутов, эскимосов. Вспомнился рисунок с обложки научного сборника «Берингов мост», изданного не так давно в США: контуры Азиатского и Американского материков, бизоны и мамонты, фигурки бегущих человек...

Происхождение коренных жителей Нового Света уже много лет волнует специалистов, а американские археологи и этнографы считают эту проблему вообще чуть ли не самой важной. К началу нынешнего столетия в ней кое-что прояснилось. Стало очевидным, что человек появился здесь сравнительно поздно и пришел сюда с соседнего, Азиатского материка. К тому же было доказано, что на месте современного Берингова пролива некогда существовала суша — Берингия.

Хотя споры ученых вокруг «первых американцев» не стихают и в наши дни, они касаются теперь преимущественно деталей. В главном же достигнуто согласие. Общепризнанно, что Берингия возникала дважды. Первое ее рождение, как думает большинство специалистов, отделено от современности не менее чем 35 тысячами лет. Затем эту сушу поглотило море, а примерно 25 тысяч лет назад она вновь поднялась над морскими водами. Со времени окончательного ее разрушения прошло около десяти тысяч лет.

Ширина Берингова пролива лишь ненамного превышает восемьдесят километров, однако Берингия была не так уж мала: на юге она простиралась до Алеутских островов, а на севере — до острова Врангеля. Исследователи предполагают, что лето на этой суше было довольно теплое и здесь даже шумели леса. Но в то же время большие пространства ее занимала тундра, очевидно, очень похожая на современную чукотскую и аляскинскую. Большинство специалистов согласно и в том, что человек проникал в Новый Свет из Старого по крайней мере дважды. Первым рождением Берингии

воспользовались предки современных индейцев. Позже, при втором рождении сухопутного моста, в Америку пришли предки алеутов и эскимосов.

И вот теперь с самолета видны «осколки» древней Берингии—острова Диомиды. Где-то южнее остались другие «осколки»—острова Св. Лаврентия, Св. Матвея, Прибылова, Нунивак. В воображении вновь и вновь возникает знакомый рисунок: контуры Азиатского и Американского материков, бизоны и мамонты, фигурки бегущих человечков...

Индейцы, следовательно, наиболее давние поселенцы в Америке. Их предки появились здесь, и в первую очередь на Аляске, около тридцати тысяч лет назад, а родина их находится где-то на юге Сибири.

Следы родов первобытных охотников как бы разметили их долгий, длившийся тысячелетиями, путь... Люди шли, охотились на привычную дичь, в дороге рождались и умирали и вряд ли сами догадывались, что в конце концов попадали на другой материк, в другую часть света. Двигаясь с Аляски на юг, в течение тысячелетий предки индейцев распространились по обоим американским континентам и образовали здесь множество племен со своими языками и обычаями.

На Аляске в наши дни насчитывается около двадцати тысяч индейцев. Всех их этнографы относят к единой группе племен, называемой семьей на-дене.

Племена индейцев-атапасков населяют преимущественно внутренние области полуострова, и лишь одно из них, племя танаинов (русские землепроходцы и исследователи звали их кенайцами), живет на морском побережье, на берегах залива Кука.

Атапаски были известны русским под названием ттынайцев. Впервые обстоятельно описал их Л. А. Загоскин. «Ттынайцы,—сообщал он в своей «Пешеходной описи»,—среднего роста, сухого сложения, станом стройны, лицо имеют продолговатое, лоб средний, крутой, часто львиный, нос широкий, прямой, горбатый; глаза черные и темно-карие, большие, но всегда вдавленные; взгляд быстрый, у дальнейших племен мрачный, блуждающий; губы полные, сжатые; зубы белые, ровные как бисер; волоса гладкие, черные и темно-каштановые, довольно мягкие; многие мужчины по телу мохнаты и с довольно густыми короткими усами и бородою; руки и ступни ног средние, икры малые; все вообще в движениях живы, развязны, духом

веселы; страстно любят пляску и песни, которые, впрочем, входят у них в религиозное чествование».

Исследователь описал обычаи, жилища, утварь атапасков и особо отметил совершенство их орудий охоты и рыболовства. *«Они как искусные промышленники все, что относится к части звероловства или рыбной ловле, готовят, можно сказать, в совершенстве своего рода, луки их, стрелы, лапки в рост человека длины, переплетенные оленьими жилами, уютные нарты, лодочки—все отличается легкостью, удобностью, здоровым обдумьем, смыслом и чистотой отделки».* Недаром «бледнолицые братья» индейцев до сих пор широко пользуются снеготупами, каноз, сделанными по типу индейских, переносными жилищами—типи, многими охотничьими и рыбацкими приемами.

На юго-западном побережье Аляски обитает индейское племя тлинкитов (русские звали их калошами, по той причине, что женщины-тлинкитки прокалывали нижнюю губу и носили в проколе каменное или деревянное украшение—«калужку»). Наконец на крайнем юго-западе Аляски живут индейцы, относящиеся к немногочисленным племенам хайда и цимшиян.

Воинственные индейцы тлинкиты были первыми туземцами, которых встретили в Америке участники экспедиции Беринга. *«Они среднего роста,—писал о них Ю. Ф. Лисянский, известный русский мореплаватель начала прошлого столетия,—на вид кажутся моложавыми, проворны и остроумны. Волосы у них черные, жесткие и прямые, губы несколько толстоватые, лицо круглое, тело смуглое... Раскрашивание лица считается здесь главным щегольством. Кроме того, они накидывают на плечи четырехугольный лоскут сукна или лосины, а головы пудрят орлиным пухом. Иногда случалось мне видеть на некоторых жителях нечто похожее на нижнее платье, или, лучше сказать, на рукава, висящие до половины икр, а также короткие полукафтаны. Военные их наряды состоят из толстых, вдвое согнутых лосинных кож, которые застегиваются спереди шеи, или полукафтана (куяка) с железными полосами, пришитыми одна подле другой поперек груди, чтобы ее невозможно было пробить пулей».*

Атапаски чаще вели кочевую жизнь, и их типи—хижины, крытые шкурами или древесной корой (у других индейских племен они называются вигвамами),

можно было быстро собрать на новом месте. Тлинкиты, хайда и цымшияне, как правило, селились оседло и воздвигали обширные общественные дома—постройки из бревен и колотых досок (пил у них не было).

Индийские племена населяют преимущественно лесные части Аляски, и лес всегда играл большую роль в их жизни. Основным занятием атапасков в прошлом была охота на северного оленя и на лося, добыча пушных зверей—бобров, кунниц, ондатр, рыбная ловля на реках и озерах. Тлинкиты, хайда и цымшияне слыли ловкими охотниками на морского зверя—тюленей, каланов—и рыбаками, были искусны в торговле и ремеслах, особенно в обработке дерева. Всем этим аляскинские индейцы по традиции продолжают заниматься и в наши дни. Однако многие из них ушли в города. Те, кому повезло, работают на стройках, лесопилках, мойщиками окон высотных зданий. Но везет не каждому. Не нашедших своей доли атапасков или тлинкитов (а может быть, и хайда или цымшиян), молчаливых, замкнутых, нередко можно встретить на улицах Фербенкса или Анкориджа. Конечно, это не те индейцы, о которых писали когда-то Фенимор Купер и Майн Рид. И в одежде их нет уже ничего самобытного—потертые джинсы, нейлоновые куртки. Разве что свои длинные волосы они по-прежнему стягивают через лоб каким-нибудь пестрым шнурком или тесьмой, а женщины-индеанки носят узлы со scarбом не на плечах и не за спиной, а на лопатках, упираясь в ляжку лбом.

Предки алеутов и эскимосов, как обычно считают, проникли на Аляску позднее. В отличие от индейцев, чьи пути проходили в глубине Берингии, «праэскимосы» пересекали эту сушу по самой южной ее кромке, не теряя связи с морем и с морским побережьем. Часть этих переселенцев, возможно, уже около десяти тысяч лет назад заселила Алеутские острова. Обособившись от остальных эскимосов, они создали здесь свою, алеутскую культуру.

Сейчас на Аляске живет около пяти тысяч алеутов. Сами себя они называют унанган. Как писал исследователь этого народа Иннокентий Вениаминов, *«первые алеуты, увидев русских, говорили между собой «аликуая» или «алиуая» — «что это?» и на вопросы русских, обращенные к ним, отвечали теми же словами»*. Так будто бы родилось их европейское название. Наружность алеутов впервые описал Георг Стеллер, участник экспедиции Беринга. *«Они,—сообщает Стеллер,—*

среднего роста, крепкого, коренастого сложения, с мускулистыми руками и ногами. Шея короткая, плечи широкие. Комплекция полная. Сложены в общем хорошо. Длинные, спускающиеся вниз волосы блестяще-черного цвета. Бороды нет или лишь скудная растительность на подбородке... Лицо буроватого цвета и несколько приплющено. Равным образом и нос несколько приплющен, но не очень широк. Глаза черные как уголь, губы выдающиеся... Одеты в рубашки с рукавами, изящно сшитые из китовых кишок. Рубашки хватают до икор, у некоторых перевязаны на животе ремнем. У двоих были на ногах сапоги и штаны, изготовленные наподобие камчадалских из тюленьей кожи и выкрашенные ольховой корой в красно-бурый цвет».

В течение тысячелетий алеутов кормило море, главным образом охота на морских зверей—каланов, сивучей, китов. Большим подспорьем в их жизни были рыбная ловля, добыча морских птиц, сбор на побережье водорослей и моллюсков. Европейцев поражало совершенство кожаных лодок островитян—каяков и байдар, а «русские американцы» нередко даже отдавали предпочтение байдарам перед испытанными деревянными шлюпками. За удивительную смелость, уверенность, неутомимость русские называли местных мореплавателей «морскими казаками».

«Мне кажется,—писал Вениаминов,— что байдарка алеутская столь совершенна в своем роде, что и самый математик очень немного и даже едва ли что-нибудь может добавить к усовершенствованию ее качеств... Алеут, когда сидит в своей однолючной байдарке, и, разумеется, в своем национальном костюме, совсем другой человек, чем на земле; в то время кажется, что он создан для байдарки или байдарка изобретена для того, чтобы показать его с самой лучшей стороны». Поражало замечательное искусство и трудолюбие алеутских женщин. Они шили нарядную одежду из птичьих шкурок и шкур морских зверей, плели из травы («дикой ржи») красивые и прочные сумки, корзины, циновки.

Русское влияние распространилось на алеутов значительно раньше и в гораздо большей степени, чем на эскимосов или индейцев. Среди островитян прочно укоренились русские имена, многие русские обычаи и привычки, и потому так болезненно переживали они продажу Аляски Соединенным Штатам.

«Трудно предположить,—писал уже в середине нашего века американский исследователь Т. Бенк,— чтобы алеутам было понятно это событие. В последующие десятилетия им пришлось стать невольными свидетелями возврата к хищничеству и эксплуатации. Если Россия настойчиво стремилась к охране пушного зверя, то Америка мало заботилась о своих новых владениях и сразу передоверила их браконьерам и биржевым дельцам. Алеуты вновь оказались между молотом и наковальней, что угрожало самому их существованию.

Когда над котиками, поголовье которых было постепенно восстановлено русскими, снова нависла угроза истребления, наше правительство с опозданием ввело особые правила. И только тогда американцы обратили внимание на самих алеутов. На острова нагрянули администраторы и учителя. Но все они почти без исключения не понимали того, что в этой брэнной жизни алеутам больше всего необходима твердая вера и определенность. А из их жизни пытались вытравить остатки влияния русских. Им вменяли в обязанность изучать английский язык, глумились над их обычаями, старались перестроить весь экономический уклад жизни. В тех же случаях, когда алеуты не принимали сразу все перемены, их упрекали в неблагодарности..

Отныне, что бы ни предпринимали американцы, алеуту это представлялось посягательством на его жизнь, гонением на родной язык и веру. Его ответом было усиленное обращение к религии русских, и самое преподавание английского языка в алеутских школах он рассматривал как стремление отвлечь от православной веры. Он относился ко всем американцам с недоверием и не преодолел этого чувства и по сей день...»

Много испытаний принесла алеутам вторая мировая война. В 1942 году японцы захватили остров Атту, вывезли отсюда население, и все местные алеуты, кроме двух человек, погибли в японских концлагерях. Жителей остальных островов—там строились военные базы—правительство Соединенных Штатов эвакуировало на материк. Лишь в конце 1945 года они смогли вернуться на родину...

Современные алеуты, как и их предки, в большинстве своем искусные морские охотники и рыбаки, хотя пользуются уже не байдарами и каяками, а нанимаются

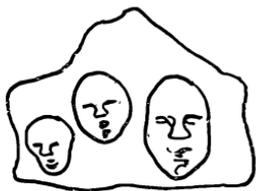
матросами на промысловые суда. Появились среди них теперь пастухи и стригали: на Алеутские острова завезены овцы, и для части островитян овцеводство стало главным источником существования. Кое-кто из нынешних алеутов перебивается заработками на военных базах. Конечно, островитяне уже не носят парок из птичьих шкурок или традиционных деревянных шляп, украшенных резной костью и сивучьими усами. Мало кто из алеутских женщин владеет и искусством плетения из травы. Современный алеут в европейской одежде, если и встретишь его на улице аляскинского города, пожалуй, ничем не обратит на себя внимания.

Остается сказать, что более ста лет назад Российско-Американская компания переселила несколько семей алеутов с островов Атту и Атха на безлюдные тогда Командорские острова. И теперь их потомки—Ножиковы, Волокитины (эти фамилии можно услышать и сейчас на Алеутских островах)—трудятся в местном совхозе «Алеут»: разводят голубых песцов, ловят рыбу, занимаются животноводством и огородничеством. Была переселена на Командоры и одна семья индейцев-тлинкитов. Прямые их потомки—современные жители Командор Бадеевы.

Итак, часть «праэскимосов» заселила Алеутские острова. Остальные пришельцы распространились по всему северу Северной Америки, отсюда переселились в Гренландию, обжили острова на севере Берингова моря, а некоторые, вернувшись на Азиатский материк, свою древнюю родину, осели на востоке Чукотского полуострова.

Численность современных эскимосов на Аляске ненамного превышает тридцать тысяч. В отличие от индейцев, преимущественно жителей лесов, они населяют тундры или безлесные участки морского побережья. «Не люблю я леса, он все время что-то говорит»,—сказал мне, застенчиво улыбаясь, Дэнни Кармун, эскимос из Нома, с которым мы некоторое время путешествовали по Якутии. Пояснение к словам Дэнни я нашел позже в книге «Великий санный путь» Кнуда Расмусена (это имя я уже упоминал). Один из его друзей-эскимосов поведал ему: «Мы верим, что деревья в лесу живые, и поэтому не любим ночевать между ними. Тот, кому редкий раз приходится поневоле сделать это, может рассказать, как они ночью шепчутся и стонут на языке, непонятном человеку. Это говор лесов».

Современные эскимосы, распространенные на больших пространствах от Чукотки до Гренландии, распадаются на много племен. Однако за исключением их соплеменников, населяющих юг и юго-запад Аляски, все они хорошо понимают друг друга. Близки и их обычаи. Сами себя они называют инуиты — «люди». Среди аляскинских эскимосов особенно выделяются нунамиуты, обитатели тундры, в прошлом охотники за дикими северными оленями, и племена, населяющие дельту рек Юкона (Квихпак по-эскимосски) и Кускоквима (по-эскимосски — Квихпакмиюта, Кускоквимиюта), преимущественно рыбаки. Самые южные аляскинские эскимосы — чугачи издавна были отделены от соплеменников индейскими племенами, от которых они многое переняли. «Настоящие» эскимосы называют их «ахгукмиюты» («жители теплой, или полуденной, страны») или «кавкугмиюты» («крайние»). Считается, что язык чугачей отличается от «настоящего» эскимосского так же сильно, как, например, английский от немецкого.

Казалось бы, это выше человеческих возможностей — выжить в полярной пустыне, где почти полгода царит полярная ночь, лютуют морозы и пурги. К тому же, если у людей нет не только металлических предметов или инструментов, но подчас даже деревянных, хотя бы просто щепки. И тем не менее люди здесь выжили, живут и даже считают свою родину лучшим местом на Земле. Этот удивительный народ — эскимосы. Они устояли перед невзгодами арктического климата, научившись использовать и ценить то немногое, что дает им здешняя природа. Даже снег и лед они сумели превратить в своих союзников, использовать как строительный материал.

Одно из самых замечательных изобретений эскимосов — иглу, дома из снежных кирпичей. Правда, на Аляске во многих местах они уже вышли из употребления, и этим словом стали называть хижины из дерна

или из шкур. Но инуиты арктической Канады и Гренландии широко пользуются снежными иглу до сих пор.

Иглу чаще делают небольшими, диаметром два-три метра. Они рассчитаны лишь на одну семью. Но строятся из снега и общественные хижины, вмещающие десятки людей. Форма иглу может быть разной—полусферической или грушевидной, но вход в них всегда располагается ниже пола, что сохраняет в жилище тепло. Люди входят сюда как бы из «подземелья», даже не входят, а вползают через узкий лаз. Интересно, что эскимосы выдерживают принцип иглу, сооружая и свои зимние дома из дерна или из дерева. Так же обычно устраивают свои берлоги белые медведи, и не у них ли, четвероногих полярников, подсмотрели эту хитрость древние инуиты? Кстати, то, что эскимосские охотники, подстерегая тюленей, используют те же приемы охоты, что и белый медведь, не вызывает сомнений. Особенно в зимней охоте: подобно владыке Арктики человек часами караулит добычу у лунки, через которую тюлень дышит, или подползает к тюленю, маскируясь белым щитком (медведь в таких случаях прикрывает свой предательски чернеющий нос лапой).

Но вернемся к иглу. Несмотря на то что они сделаны из снега, температура воздуха в них и при сильных морозах может быть выше нуля и даже приближаться к комнатной. В иглу легко просачивается снаружи свет, даже лунный, а кроме того, эскимосы нередко вставляют в стенку жилища ледяные оконца. Вместе с тем сюда почти не проникают звуки, и, например, свист урагана воспринимается обитателями хижины как негромкое шуршание. Поражает, наконец, прочность этих построек: они выдерживают даже вес забравшегося на крышу белого медведя. Снежные дома, правда, недолговечны и редко служат больше месяца, но опытные строители сооружают их всего за час-полтора. Значит, люди, овладевшие этим мастерством, могут передвигаться налегке, располагаться, причем с удобствами, в любом месте, на любой срок. При помощи снега иглу даже можно «меблировать»: из снега делают лежанку, застилают ее шкурами, и она становится самой уютной частью хижины. Иногда из снега устраивается и стол.

Многие аляскинские эскимосы, как и в прежние времена, обшивают свои лодки, и маленькие (каяки), и

большие (умиаки), шкурами морских тюленей. А в аляскинской глубинке, по рассказам очевидцев, еще можно увидеть и сани, сделанные по традиции лишь из замороженных оленьих шкур. Меха оленей, шкуры морских зверей, сухожилия оленя или моржа еще недавно были у инуитов основным или даже единственным материалом для изготовления одежды и обуви. В наши дни в одежде мех сменяется синтетикой. Она, может быть, не теплее и не легче, но зато дешевле. Обувь же из современных искусственных материалов (она тоже дешевле традиционной) на Аляске часто называют ревматической, и считается, что никогда прежде ревматизм не был таким распространенным недугом, как сейчас, особенно среди здешних эскимосов.

Камень, олений рог (его распаривали и придавали ему любую форму), рог овцебыка, моржовый бивень долгое время заменяли инуитам металл и дерево. Эти северные люди нашли замену дереву даже в классическом его предназначении — как топливу. Такой заменой были пропитанные жиром кости китов либо просто жир, тюлений или олений.

Эскимосы, как никакой другой народ, сроднились с полярной пустыней. И не случайно так много позаимствовали у них европейцы — исследователи Арктики и Антарктики, альпинисты, туристы. Те же иглу строят современные полярники и альпинисты, используя их как жилища или временные укрытия от непогоды, как склады и даже гаражи. Почти во всех зимних экспедициях, где мне пришлось побывать, — на острове Врангеля, на Новосибирских островах — находились энтузиасты снежного строительства, и мы воздвигали иглу по всем правилам эскимосской технологии. Придирчивый инуит, возможно, и нашел бы в них недостатки, но мы сами были довольны своими творениями. Иглу действительно открывали нам удобства, о которых, живя в палатке, мы не могли и мечтать.

Европейцы переняли и традиционный покрой эскимосской одежды и обуви и даже их названия. Ведь «парка» (теплая куртка), «камики», «муклуки» (теплые сапоги) — а их носит зимой большинство «белых» аляскинцев — все это слова, пришедшие из юпика, языка эскимосов запада Аляски. Европейцы оценили эскимосский тип саней и собачьей упряжи. Нередко они пользуются «улу» — женскими эскимосскими ножами, формой и величиной похожими на сечки, которыми в

русских деревнях рубят капусту («русские американцы» называли такой нож пеколкой). А когда на Аляске вслед за южными штатами особенно обострился энергетический кризис, взлетели цены на керосин и электричество — в магазинах появились даже керамические жирилки (светильники), сделанные с применением современной технологии, но по испытанным эскимосским образцам. Наконец вся совокупность эскимосской тактики — защиты от морозов и пурги, охоты, передвижения по заснеженной суше и морским льдам, — не она ли открыла европейцам доступ в высокие широты и сделала возможным достижение полюсов планеты?

Аляскинские эскимосы сохранили традиционный образ жизни в большей степени, чем другие коренные жители штата. Ножи, топоры, ружья (эти товары эскимосы получали в обмен на пушнину и моржовые бивни от русских торговцев) стали входить в их обиход еще в середине XVIII века. Однако до продажи Аляски Соединенным Штатам эскимосы, как и их предки, занимались добычей морского зверя, охотой (особенно на северных оленей), рыболовством, а основным оружием охотников оставались лук и копьё.

Заметные перемены в их жизни начались во второй половине прошлого столетия, когда в прибрежных водах Аляски стали появляться американские китобойные корабли. Китобои не только промышляли у этих берегов, но часто оставались на зимовку и даже основывали здесь постоянные китобойные станции. Количество «белых» зимовщиков на земле нунамиутов (северных эскимосов) достигало в отдельные годы десяти с лишним тысяч человек. Они нуждались в еде, теплой одежде и охотно, конечно по дешевке, покупали у окрестных жителей оленину и рыбу, меховые камики и парки, нанимали эскимосов в матросы.

Нунамиуты приобретали у китобоев ружья и благодаря этому добывали больше дичи, запасы которой при этом быстро таяли. Получался как бы замкнутый круг. Аборигены, прежде жившие охотой на оленей, оставались теперь без средств к существованию и, чтобы

«Бобр» на лесном
озере. Полуостров
Кенай

Лаборатория аркти-
ческих исследований
на мысе Барроу

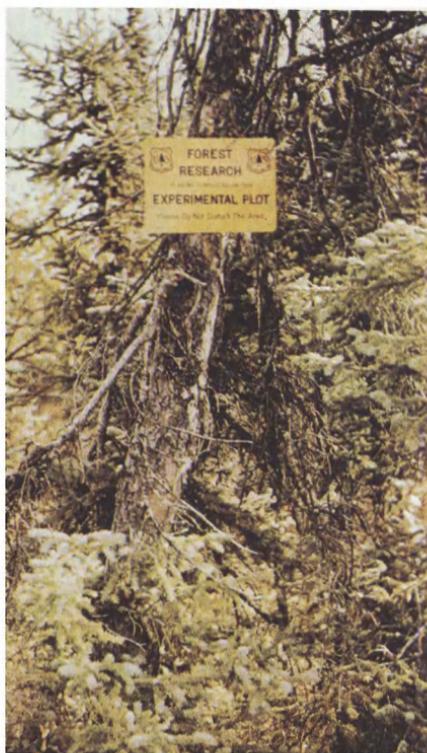
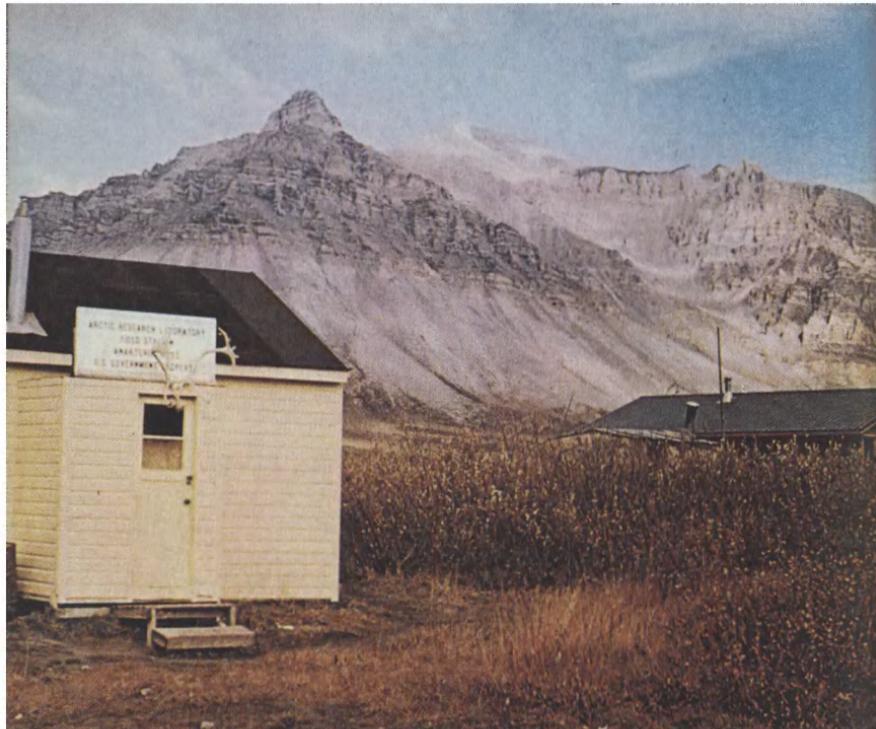

Старинная часовня
на Кенае

Одна из стоянок мел-
ких самолетов

Причалы в Питерс-
берге

Научный стационар
у подножия хребта
Брукса

Пробная площадка
в лесу на Юконе

Драга на золото-
носном ручье у Фэр-
бенкса

На Юконе. Зброшен-
ный лагерь золото-
искателей

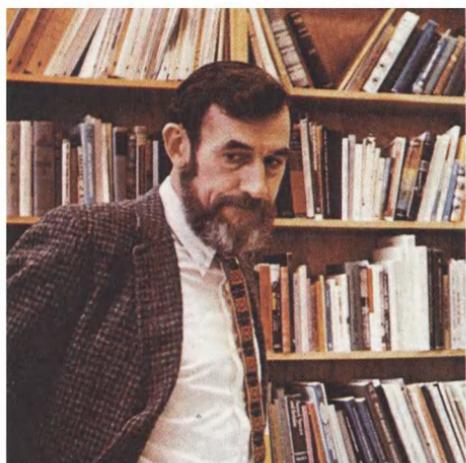

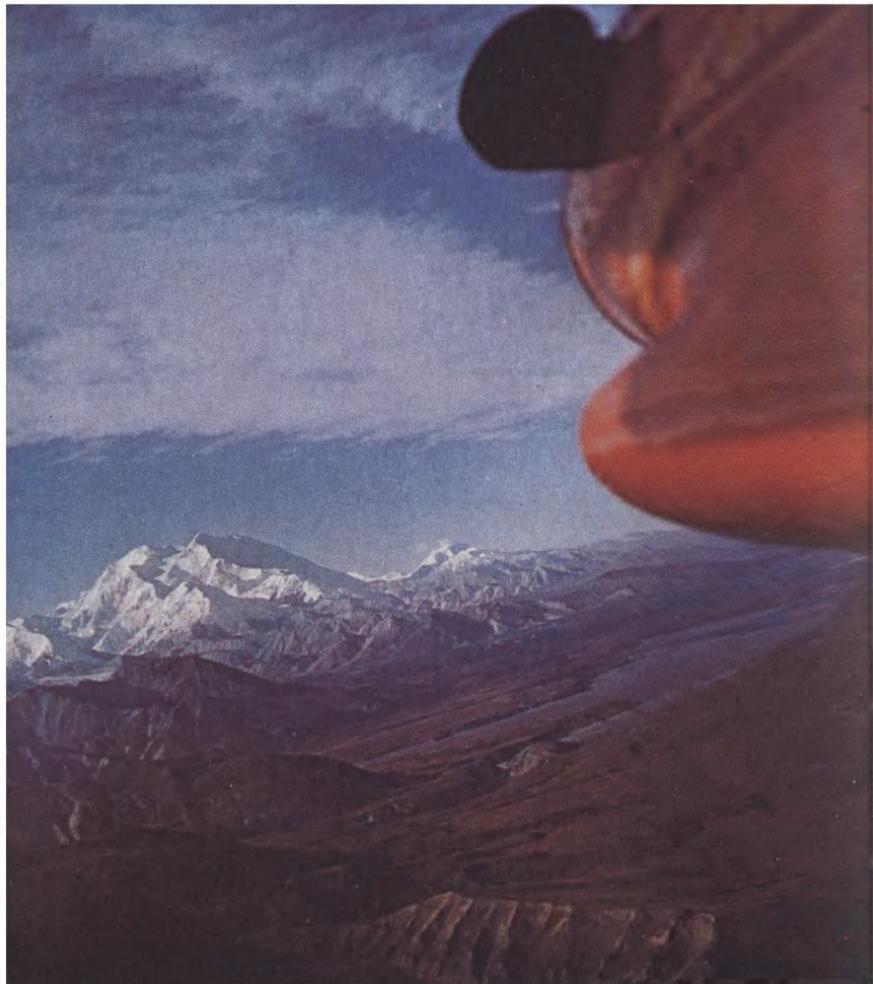

В Анкоридже

Профессор Дэвид
Клейн

Показалась вершина
Мак-Кинли...

...И вот Мак-Кинли
во всей красе

В 1977 г. восхождение
на Мак-Кинли
совершили совет-
ские альпинисты

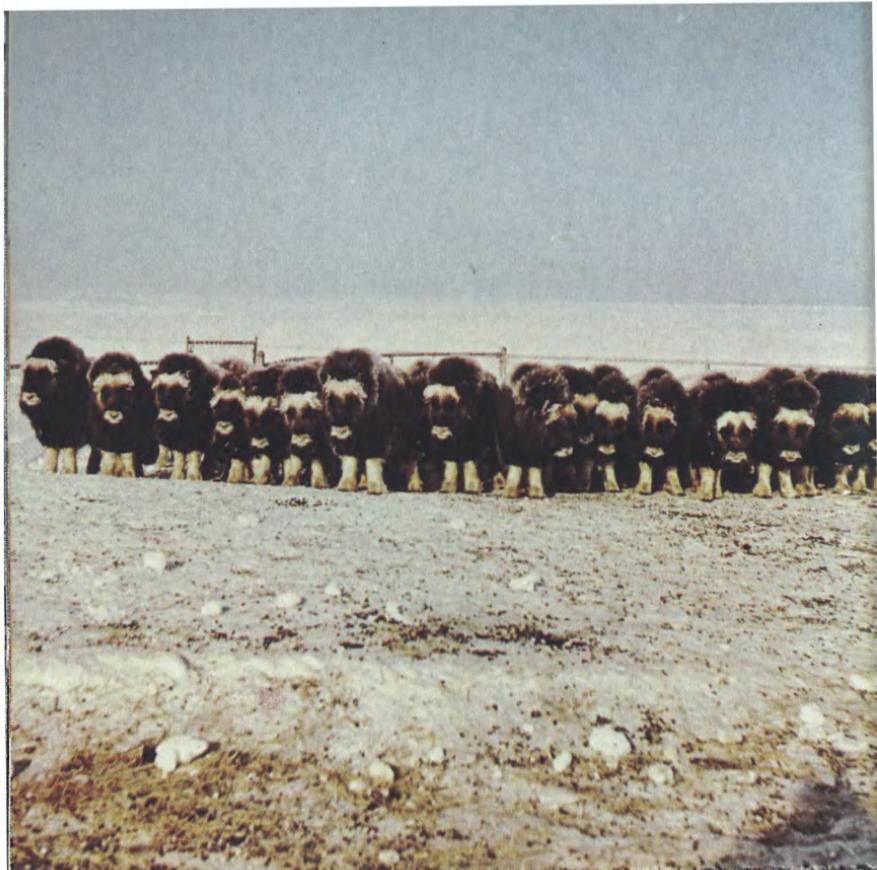

Советский и американские орнитологи
кольцуют птиц
в Дельте

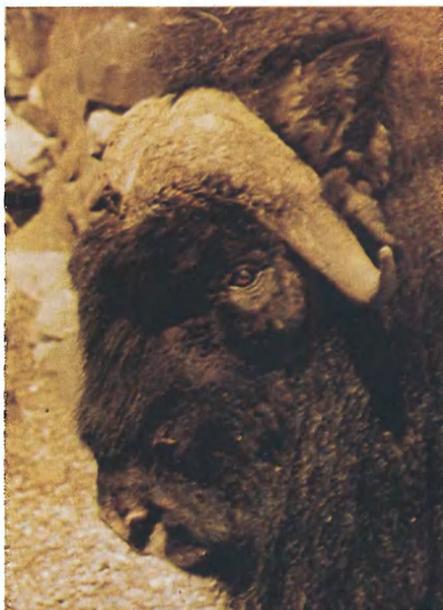
Пойманный овцебык

Ловцы овцебыков
 совещаются

Будущие переселенцы
Дорожный указатель ▷

Эскимосы зовут его
«умингмак» («боро-
датый»)

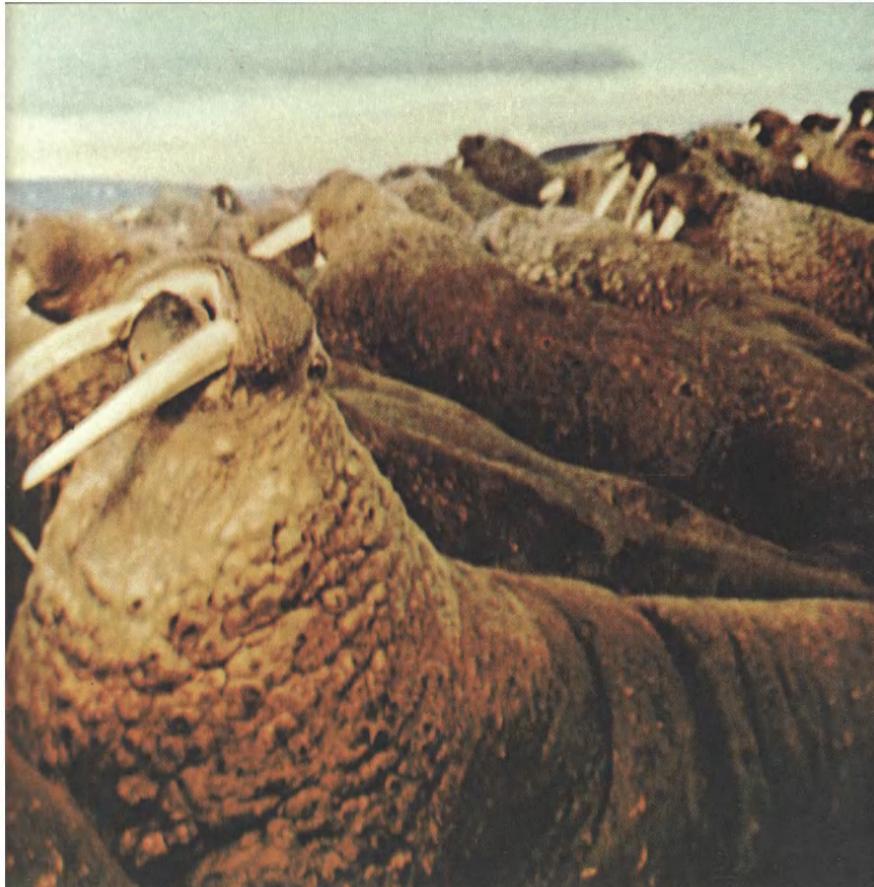
TITLE 2150MI.

HEAD 100MI.

YORK 4200MI.

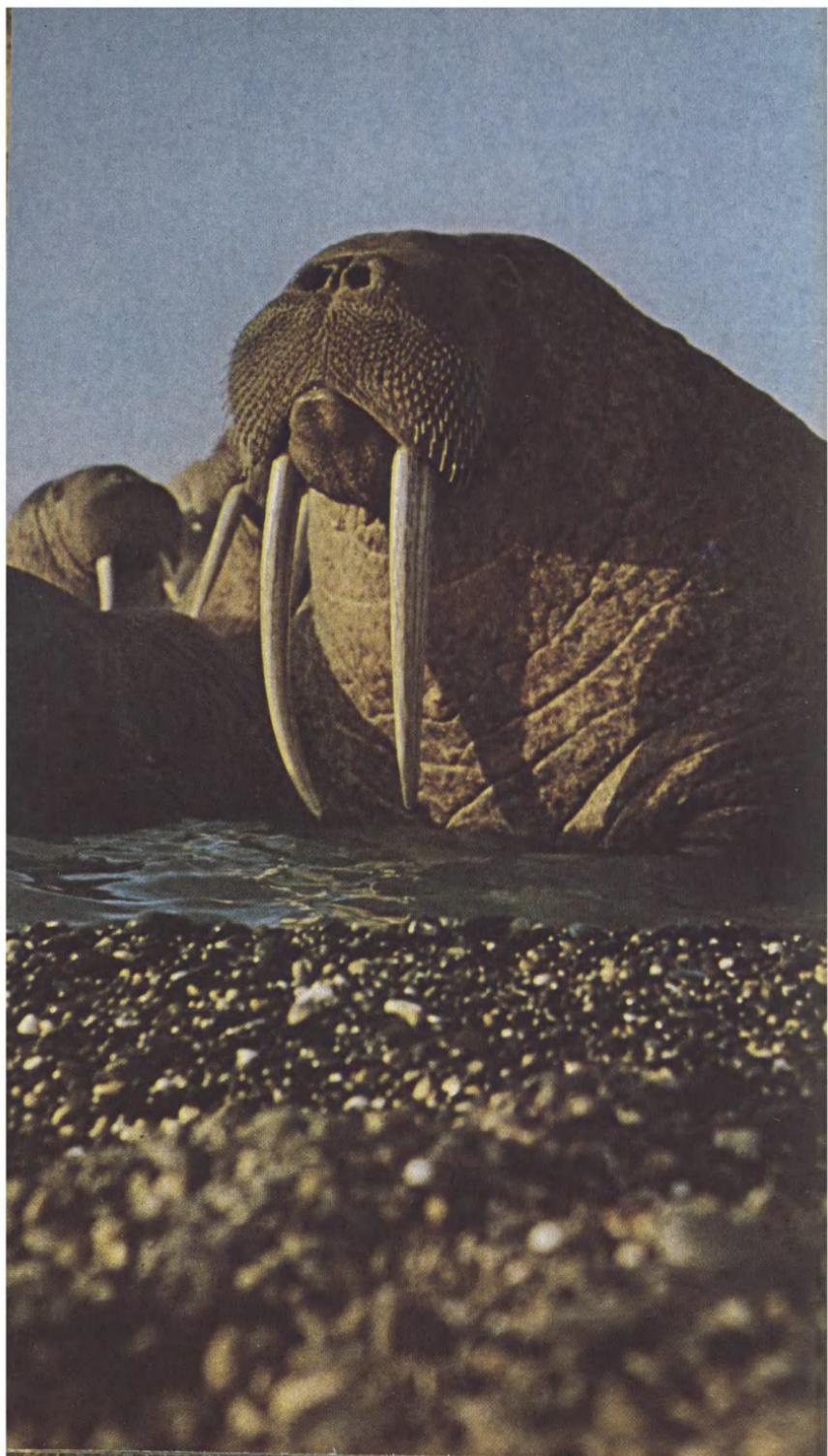
4 Кайры на птичьем базаре

Δ Самец гаги-гребенушки — одно из лучших украшений тундры

Моржи на лежбище

Песец — самый обычный зверь в тундре

как-то прокормиться, переселялись на побережье, в окрестности китобойных станций и зимовок. Впрочем, голод подстерегал их и здесь, а приобщение к цивилизации оборачивалось для них пагубной привычкой к алкоголю и знакомством со страшными болезнями «белых» людей. Правда, немногим нунамиутам удавалось не только прокормить при китобоях себя и свою семью, но даже разбогатеть. Они обзаводились деревянными вельботами, гарпунными ружьями, заводили торговлю, нанимали матросами своих земляков. Но для самих эскимосов местный капитан или торговец оказывался нисколько не лучше, не добрее «белого».

Тяжела была участь аляскинских эскимосов в годы расцвета китобойного промысла. Но когда в начале XX века в связи с истреблением китов этот промысел прекратился, эскимосов ждала еще большая беда. Они уже привыкли к хлебу и консервам, кофе и табаку. Охотники забыли, как пользоваться луком и копьем. А где было взять теперь патроны к ружьям? Нунамиуты стали катастрофически быстро вымирать...

В первой половине нашего столетия аляскинским эскимосам довелось пережить подъем и крах оленеводства, затем пушного промысла. И теперь, так же как здешние индейцы и алеуты, они словно стоят на перепутье, вновь и вновь задумываются над тем, как жить дальше, переносятся мыслью за Берингов пролив, все пристальнее интересуются жизнью своих далеких родственников — местных коренных жителей Сибири, даже шлют туда своих «ходоков».

За пределами Северной Америки и Гренландии эскимосскую речь можно услышать в поселках Восточной Чукотки — в Наукане, Чаплино, Сирениках, Провидения. В 1926 году вместе с Г. А. Ушаковым несколько эскимосских семей переселилось на остров Врангеля и настолько сроднилось с ним, что нынешние островитяне не раз уверяли меня, будто живут на этом острове уже тысячи лет. Но вообще численность живущих в СССР эскимосов невелика — чуть больше тысячи.

В 1931 году в поселке Чаплино возник первый в СССР эскимосский колхоз «Новая жизнь», а через несколько лет далеко за пределами Чукотки прославился сиреникский колхоз «Ударник». Успех его был обусловлен сочетанием морского зверобойного промысла и нового для советских эскимосов дела — оленеводства.

Сухопутный мост через Берингов пролив существовал не так уж и долго, но какую значительную роль он сыграл в истории Америки!

С чего же все начиналось? Как выглядели первые шаги европейцев, а точнее, русских людей по Аляске? Кто были они и какими застали местных обитателей? Эти вопросы рождались невольно, особенно когда приходилось попадать в те места «Большой страны», которые были в первую очередь посещены нашими земляками. А выглядели эти встречи довольно просто и обыденно.

Был Ильин день, 20 июля (старого стиля) 1741 года. Уже вечерело, когда пакетбот «Св. Петр» отдал якорь у неизвестного доселе острова. По традиции остров получил имя Св. Ильи. За ним лежала обширная земля, на горизонте виднелись покрытые снегом горные вершины. Доносились давно забытые моряками острые запахи земли, леса, в воздухе кружились стаи птиц...

Так свершилось великое географическое открытие. Была достигнута северо-западная часть Америки.

Командир судна Витус Беринг распорядился отправить на остров судовые шлюпки: лангбот под началом флотского мастера Софрона Хитрова — для сыскания более удобной якорной стоянки и малый ялбот — за пресной водой. На ялботе кроме других моряков съехали на берег натуралист экспедиции адъютант Георг Стеллер и посланный ему в помощь казак Фома Лепехин.

Пройдя с версту, Стеллер со спутником увидели следы людей: под деревом лежал выдолбленный, похожий на корыто ствол, в котором местные жители еще два-три часа назад варили мясо, положив в воду раскаленные камни (*«как это прежде делали и камчадалы за отсутствием котлов и горшков»*), — отмечал натуралист). Тут же лежали полуобгоревшие кости, по внешнему виду и величине, казалось, принадлежавшие северному оленю.

Лежали здесь и остатки юколы — вяленой рыбы, *«которая на Камчатке употребляется вместо хлеба»*, а также много крупных створок моллюсков — гребешков и мидий, видимо, употребляемых в пищу по камчадалскому обычаю сырыми. В некоторых створках оказалась заготовленная на камчадалский манер съедобная *«сладкая трава»*. Виднелось кострище, а рядом натуралист нашел деревянное огниво, похожее на то, что было в ходу у камчадалов, — сухую плоскую дощечку с отверстиями и круглую, также сухую, палочку. Лежал здесь и трут — побелевший на солнце мох. Как можно было заметить по срубленным деревьям, *«американцы»* владели лишь костяными либо каменными топорами.

Миновав еще версты три, путешественники попали в густой лес. Здесь со многих деревьев недавно была содрана кора — верный признак того, что поблизости находится человеческое жилье. Действительно, вскоре удалось найти землянку или погреб. Сверху ее прикрывала скошенная трава. Под травой лежали камни, а уже под камнями, на перекладинах из жердей — древесная кора, покрывавшая продолговатую яму сажени в три длиной, в две — шириной и глубиной. В землянке оказались лукошки из древесной коры высотой аршина в полтора, наполненные копченой рыбой; в *«Охотске, по-тунгусски, она называется неркой, а на Камчатке — красной»*. Были здесь и запас сладкой травы, *«приготовленной очень чисто, а по вкусу далеко превосходившей камчатскую»*, и очищенная от луба трава, похожая на крапиву, возможно, предназначенная для плетения рыбачьих сетей, и высушенная, свернутая в трубку заболонь хвойного дерева (на Камчатке, да и во многих местах Сибири и России, ее измельчали и подмешивали в муку, а то даже из нее одной пекли и хлеб, и лепешки).

Лежала в яме большая связка веревок из морской травы — *«необыкновенной прочности»*. Нашлось здесь

и несколько стрел, превосходивших величиной камчатские, выкрашенных в черный цвет да так гладко выструганных, что возникало предположение; а не владеют ли туземцы и железными инструментами?

Стеллер с Лепехиным доставили на пакетбот копченую рыбу, стрелы, огниво, трут и даже пучок сладкой травы.

Вскоре вернулся на судно и Хитров с командой. Самих людей они тоже не встретили, но видели на суше «юрту», обшитую гладко выструганными досками. Доски эти, по словам Хитрова, были «местами вырезаны фигурами», пол юрты «намощен досками ж, а вместо печи складена в ней в одном углу каменка». Моряки доставили на судно коробку из тополевого дерева «наподобие липового ларца, какие делают в России», найденные в жилище весло, камень, на котором, как хорошо было видно, туземцы точили медные ножи, полый глиняный шар диаметром дюйма в два с погрешностью внутри: «как думать можно, что робята вместо побракушек употребляют».

«Для приласкания впредь тутошних народов» Беринг распорядился отправить на берег кусок материи, два железных котла, два ножа, бисер, табачные трубки и фунт черкасского табака, приказав положить все это в землянку.

Более вероятно, что обитателями землянки и «юрты» и впадедьцами стрел, огнива, запасов продуктов были эскимосы, и именно чугачи, представители самого южного эскимосского племени. Островитяне долго помнили о заходе пакетбота. Целые пятьдесят лет спустя местный «американец» рассказывал русским мореплавателям, что он слышал от своего отца о судне, когда-то подходившем к острову, о том, что незнакомцы сошли на берег и оставили в их шалашах ножи и бисер.

«Святой Павел», другое судно Второй Камчатской экспедиции, достигло американского берега несколькими днями раньше. Однако найти стоянку для корабля удалось не сразу. Семнадцатого июля на суше наконец заметили залив (на самом деле — пролив), для осмотра которого капитан Чириков отправил на шлюпке штурмана Абрама Дементьева и с ним десять вооруженных людей. Предварительно штурман получил письменную инструкцию, где говорилось «об отыскании якорного места, об условленных сигналах с пакетботом, о переговорах с жителями: как называется земля, под чьей властью, сколько жителей, и о даче им подар-

ков». Посланцам были отпущены с судна медный и железный котлы, бисер, табак, иголки, материи, а также десять рублевиков, которые надлежало *«здесьним народам по рассуждению вашему давать»*. Далее им наказывалось осмотреть землю, леса, травы, искать драгоценные камни и руды, для чего дан образец серебряной руды. Возвратиться они должны были самое позднее на следующий день. С судна видели, как лангбот приближался к берегу, но как он приставал, рассмотреть не удалось.

Посланных ждали неделю, но безрезультатно. Двадцать третьего на берегу, в месте высадки Дементьева, был замечен огонь. Похоже, моряки звали на помощь. На выручку, на малой шлюпке, отправился боцман Сидор Савельев с матросом, плотником и конопатчиком. Захватили они и запас продуктов. С судна видели, как малая шлюпка пристала к берегу, но условленного сигнала — зажженного огня не последовало и от боцмана.

Из посланных пятнадцати человек на пакетбот не вернулся ни один, хотя это были опытные, смелые, хорошо вооруженные моряки. О штурмане Дементьеве известно, например, что был он человек *«и опытный в своем ремесле, и ревностный к службе отечества»*.

Двадцать четвертого увидели с судна две лодки разной величины. Вначале их приняли было за свои. Но близко к кораблю они не подошли. С одной из них люди махали руками и кричали, как можно было расслышать, *«агай, агай»*. Удалось рассмотреть на ней и человека в диковинной красной одежде. А вскоре гребцы вернулись на берег. Пакетбот пробыл на этом месте до вечера: все еще теплилась надежда на возвращение моряков. И лишь вечером, решив, что все посланные на сушу погибли, капитан приказал уходить в открытое море.

Так печально окончилась первая встреча русских мореплавателей с аляскинскими индейцами-глинкитами. Произошла она на одном из небольших островков, недалеко от острова Принца Уэльского, на самом юге Аляски. Что же случилось с пятнадцатью членами команды пакетбота?

Сам капитан считал, что моряков убили или взяли в плен индейцы. Г. И. Шелихов, когда его галиот в 1788 году зашел в Якутатский залив, был поражен, увидев среди местных индейцев белолицых и светловолосых

людей. «Не иначе как это потомки штурмана Дементьева и матросов со «Святого Павла»,— решил он. Однако уже в нынешнем столетии возникли и другие предположения. По мнению американского историка Ф. Гольдера, обе шлюпки и все люди могли погибнуть, попав в водоворот, тем более что крик «агай» (точнее, «агау») означает на языке тлинкитов «иди сюда», и поэтому более вероятно, что индейцы были настроены мирно. Другой американский историк, Э. Эндрьюс, услышал от местных индейцев предание, возможно, приоткрывающее завесу над тайной. Предание гласит, что много лет назад, увидев на острове чужих людей, вождь Аннахуц оделся в медвежью шкуру и вышел на берег. Он с такой точностью изображал переваливающуюся походку зверя, что русские, увлекшись охотой на него и преследованием, углубились в лес, где туземные воины и перебили их всех до единого, не оставив ни одного, кто бы мог рассказать об этом происшествии. Так ли это было на самом деле, сказать, конечно, никто не может.

Если об эскимосах и индейцах в цивилизованном мире было известно задолго до Второй Камчатской экспедиции, то первые сведения об алеутах доставила именно она.

Тридцатого августа того же 1741 года моряки пакетбота «Св. Петр» вновь открыли неизвестную сушу, теперь уже группу островов. На следующий день здесь похоронили матроса Никиту Шумагина, и острова получили название Шумагинских. Судно встало у самого большого из них, острова Нагай. Предыдущей ночью на берегу видели огонь, и утром тридцатого туда был послан Софрон Хитров с толмачом, знавшим чукотский и корякский языки. Им было приказано *«то место осмотреть и, ежели найдутся люди, чтоб с ними поступать ласкою, чего ради с ними отпущено несколько подарочных вещей»*— табак, трубки, колокольчики, ножи. Посланцы побывали на острове, нашли следы костра, но людей так и не встретили.

Однако вскоре островитяне явились сами. Четвертого сентября с берега послышался крик, который поначалу приняли за рев сивучей, а вскоре увидели две байдарки, и в каждой из них по «американцу». По словам Хитрова, они, *«недошед до пакетбота сажень около 50, остановились и кричали своим языком, которого наши взятые чукоцкого и коряцкого языка толмачи с Камчатки не разумели»*. Крики эти сочли

за молитву, заклинание или приветствие. «Американцев» знаками приглашали на судно. Те в свою очередь махали руками в сторону земли, как бы приглашая моряков туда. При этом туземцы показывали пальцами на рот и черпали морскую воду, словно давая понять, что на берегу найдутся и еда и вода.

«Потом,—говорится в официальном рапорте, поданном в Адмиралтейств-коллегию,— из тех байдар одна подошел к пакетботу гораздо близко, однакож не приставая к борту. Тогда по приказу капитана-командора брошены были от нас к нему, привязав на доску, разные подарки, а именно несколько аришин камки красной, зеркала, ганзы железные, чем курят китайский табак, называемый шар, и несколько ж колокольчиков медных, которые подарки видно, что принял приятно: напротив того, с той байдарки, видно ж, что в подарок, бросил к нам выстроганные гладкие две тонкие палки, из которых к одной привязаны птичьи перья, а к другой птичья нога с перьями ж, которые перья мы признавали соколиными. И как мы от них оные приняли, тогда американцы погребли от нас на берег и с великим криком машут руками, указывая на берег».

Палки с соколиными перьями были скорее всего «железами мира» или жертвами морякам, которых алеуты приняли, видимо, за неземные существа.

Туземцы продолжали звать моряков на берег. Тогда было решено спустить судовую шлюпку, в которой отправились штурман Ваксель, Стеллер, переводчик, несколько матросов. Взятое на всякий случай оружие, чтобы не возбуждать подозрения островитян, прикрыли парусиной.

«Американцы» толпой высypали на берег и встретили моряков дружелюбно, «как важных персон», с великим почтением, под руки повели их к своему стану и одарили каждого куском китового жира. Расстаться с островитянами оказалось трудно. Они никак не хотели отпускать гостей, особенно коряка-переводчика, которого, очевидно, приняли за соплеменника, опять дарили им китовый жир, какой-то порошок, похожий на сухую краску, удерживали за руки. Пришлось дать ружейный залп в воздух. Перепуганные алеуты попадали наземь, и лишь тогда шлюпка с людьми смогла отойти от острова.

На следующий день к пакетботу опять подошло несколько байдар. С судна спустили алеутам подарки—

железный котел и несколько иголок. Островитяне отдарили моряков своими шляпами, искусно сделанными из древесной коры и ярко окрашенными в зеленый и красный цвета. А вскоре поднялся сильный ветер, и корабль снялся с якоря.

Четвертого сентября подошел к Алеутским островам и «Св. Павел». Восьмого сентября корабль встал на якорь у острова Адак, самого крупного из группы Андреяновских, а поутру на следующий день на семи байдарках, в каждой по одному человеку, к кораблю подъехали алеуты. Сначала они минут пять кричали и «шаманили», а потом стали говорить «по-обыкновенному», но на палубу, несмотря на приглашения, не всходили. Подарки, которые им предлагали, — чашки, колокольцы, трубки, иголки, материя, даже медный котел — произвели на них мало впечатления. Чашки и материю они побросали в море, а котел вернули обратно, наверное потому, что пищи эти люди не варили, а ели ее сырой или жарили на костре. Однако когда их попросили привезти воды в обмен на нож, они с радостью согласились. Воду алеуты доставили в одном пузыре, но каждый потребовал за свои труды по ножу.

Как записал Чириков, *«собою они мужики рослые, лицом похожи на татар, видом бледны, а знатно, что здоровы, бород почти у них нет от природы или выщипывают; только двух или трех человек видели с бородами короткими... На голове у себя они имеют, вместо шляп, сделанные из березовых тонких досок жолобки, которые разными красками выкрашены и перьями натыканы, а у некоторых привязаны костяные штатурки (фигурки)»*. Одну такую шляпу, несколько стрел, *«коренья некакой травы, какие у всех у них в носы положены»*, сухой краски островитяне подарили морякам.

Невероятно тяжелым оказался обратный путь кораблей. Впереди были жестокие осенние штормы, нехватка продуктов и воды, лютая цинга. Далеко не все моряки вернулись домой. Но подвиг участников Второй Камчатской экспедиции не был напрасным. Результаты ее запечатлелись на первых достоверных картах островов северной части Тихого океана, а записи в судовых журналах «Св. Петра» и «Св. Павла», донесения и рапорты мореплавателей, хотя и скудные, но точные, стали первыми сведениями о коренных жителях Аляски, не испытавших еще влияния европейцев и

сохранивших в наиболее полном виде свою самобытную культуру, свои обычаи.

Быть может, эти моряки и не были первыми русскими, достигшими «Большой страны». Появляются все новые подтверждения правдивости старинных слухов, будто за морем, на «Большом острове» (то есть на Американском материке) еще лет за пятьдесят, а то и за сто до последней экспедиции Беринга и Чирикова жили бородатые люди, что носили они долгое платье, поклонялись иконам, а русских звали братьями. Возможно, это были потомки казаков, что плыли с Дежневым, а в 1648 году где-то вблизи Берингова пролива отделились и были признаны потом пропавшими без вести. А всего лишь за несколько лет до Беринга и Чирикова у «Большого острова» побывал бот «Гавриил» под командой Ивана Федорова и Михаила Гвоздева. Видели там мореплаватели и «жилые юрты», и «народа ходящего по той земле множество, лес на той земле великой, лиственничной, ельник и топольник...». Это, конечно, была Америка. Но известия об успехе экспедиции Федорова и Гвоздева появились с многолетним опозданием. Федоров вскоре после экспедиции умер, Гвоздев по доносу попал в застенок, а их записки затерялись в Охотске.

Доподлинно известно также, что на Чукотской земле казаки встречались, и не раз, с «зубатыми чукчами» (американские эскимосы проделывали отверстия в губе и вставляли в них подобия зубов из моржовой кости; этот обычай был распространен на Аляске еще совсем недавно, всего несколько десятилетий назад). Казаки расспрашивали «зубатых» гостей о их родине и излагали услышанное в своих «отписках» и «скасках». Но все равно самые важные сведения об аляскинских аборигенах, сведения с самой Аляски впервые доставила в цивилизованный мир Вторая Камчатская экспедиция. Сыграла она и еще одну важную роль в истории: проложила путь в Америку другим русским мореплавателям — промышленникам, новым исследователям.

Их было много, «Колумбов русских». Это промышленные люди иркутского купца Бичевина, в 1761 году впервые зазимовавшие на Американском материке, и селенгинский купец Адриан Толстых, который тоже обследовал Алеутские острова; это сотник Иван Кобелев, совершивший в 1780 году вместе с уэленскими чукчами на чукотских байдарках беспрецедентное плава-

ние вдоль аляскинских берегов; это Григорий Шелихов и Александр Баранов...

Было их на Аляске в то же время ничтожно мало, в тысячи раз меньше, чем местных жителей, и часто не блистали они образованностью, но, наверное, обладали мудростью, не говоря уже об отваге и такте, если сумели в большинстве случаев без насилия и кровопролитий основать в «Большой стране» Русскую Америку, если до сих пор сохраняется добрая память о них и на Алеутских островах, и на Кадьяке, и в Ситке...

«Ходок», «ходоки» — слова, имеющие, по В. И. Далю, множество значений. В данном случае годится это: «кто за каким-либо делом ходит». И хотя эти гости летали на самолетах и вертолетах, ездили в автобусах и автомобилях (таков уж нынешний стремительный век), были они, конечно, «ходоками». И дело имели вполне определенное — присмотреться к работе наших оленеводов, поучиться у них. Конечно, — и они этого не скрывали — каждому хотелось, кроме того, просто увидеть, как живут на советском Севере люди, особенно коренные северяне.

Путешествие, в котором мне тоже пришлось участвовать, состоялось зимой 1977 года. Среди нас было пятеро гостей с Аляски, в том числе трое эскимосов. Вилли Хэнзли из поселка Коцебу — президент местной корпорации «Нана». Оттуда же и Дуглас Шелдон, оленевод. Дэнни Кармун живет в Номе и, если оперировать нашими понятиями, занимает пост управляющего оленеводческим отделением корпорации. Остальные гости — профессор Аляскинского университета Джек Льюик, известный специалист по биологии северных оленей, и доктор Раймонд Камерон, в прошлом ученик Льюика. В путешествии участвовал также профессор В. Н. Андреев, крупнейший советский специалист по оленеводству, несколько его сотрудников и переводчик.

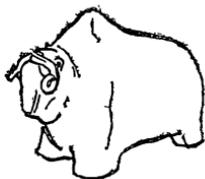
Еще в Москве, при первой встрече с гостями, выяснилось, что так или иначе, но мы уже знакомы.

Я рассказал тогда Вилли, что видел на Аляске плакаты: «Хэнзли — в конгресс!» Они были расклеены на стенах домов — и в больших городах, и в засыпанном снегом эскимосском поселке на Юконе, прилеплены к автомобилям и даже к самолетам местных линий. Вилли молча сунул руку в карман своей куртки и протянул мне книжечку картонных спичек (такие спички распространены в США). На синем фоне обложки — знакомый призыв к избирателям и портрет моего собеседника.

Хэнзли не стал конгрессменом — не набрал на выборах нужного количества голосов. Но обладание «персональными» спичками, похоже, смягчило горечь поражения. По-видимому, порядочный запас их Вилли привез с собой и охотно дарил спички окружающим.

С профессором Льюиком и доктором Камероном мы давно, хотя и заочно (по печатным статьям), знакомы. С Кармуном, может быть, даже встречались в Номе. В этом нет ничего удивительного: город-то невелик. Вот с Шелдоном мы видимся впервые, но оказывается, что, когда я был на Аляске, наш самолет по пути из Номы на мыс Барроу пролетал над палаткой, в которой в то время жил Дуглас, присматривая за оленьим стадом.

Их послала в Сибирь корпорация «Нана», и, конечно, обошлась эта командировка их землякам недешево. На «ходаках», не говоря уже о стоимости самолетных билетов и дорожных издержках, все новое, с иголочкой, у них одинаковые дорогие фотоаппараты и диктофоны. Но советский опыт может стоить дороже, и, мне думается, такой расчет был сделан заранее.

У пастуха, молодого эвена, серьезное, даже строгое лицо. Еще бы, не каждый день здесь такие гости!

Он потихоньку откашливается, будто собирается петь, но не поет, а кричит неожиданно высоким голосом что-то вроде «ау». Затем ударяет палкой по боку дощатой кормушки, прибитой к листовничным стволам. И сразу же наверху, на склоне, среди редких деревьев, показываются олени. Одни, не задерживаясь, бегут вниз смело, решительно, картинно закинув на спину рога. Другие останавливаются на яру, присматриваются, принохиваются — сегодня много чужих людей, непривычная одежда, незнакомые запахи, — но потом тоже идут к подкормке. А у кормушек уже свалка. Часто причмокивая губами, сталкиваясь рогами, олени жадно хватают отруби с солью и другими добавками, предложенными им на завтрак. Более разборчивые обегают ряды кормушек, пробуют там и сям и никак не могут остановиться на чем-либо.

А гости смотрят, спрашивают, фотографируют, записывают и в блокноты и на магнитную пленку...

У палатки на помосте из жердей лежат седла. Необычно устроенные, неправдоподобно легкие, они, конечно, привлекают всеобщее внимание. Гости хотят посмотреть, как седлают оленя. Эвен, призывавший стадо на кормежку, запускает руку внутрь палатки, привычным движением достает маут — сплетенный из ремешков аркан — и карабкается вверх по склону. Проходит несколько минут, и он возвращается с пойманным крупным и статным хором — так называют быков северных оленей. Потом кладет седло на оленью холку (с точки зрения конника, совсем не на место), затягивает подпругу.

Потом пастух показывает искусство верховой езды. Едва опираясь на длинную палку, он легко прыгает в седло и несильными ударами пяток заставляет хора идти то быстрее, то медленнее, поворачивает вправо, влево. Следующим без чужой помощи, довольно ловко в седло садится Вилли. Из всех наших гостей он наиболее спортивен (как потом выяснилось, он играл в

футбол чуть ли не в профессиональной команде). Хэнзли сухощав, подвижен, и для него эта задача не так уже сложна. Соблазнился было и Дэнни. Но езда на олене дается не каждому. Кожа оленя подвижна, не прикреплена к мышцам так прочно, как у лошади. И Дэнни убедился в этом, когда седло оказалось на животе оленя и седок, не поддержки его зрители, неминуемо очутился бы на снегу.

Ну и, конечно, общая просьба к пастуху: показать, как пользуются маутом, тем более что дело происходит уже на плато и все стадо перед глазами.

— Какого?— лишь спрашивает эвен. Стремительный взмах руки, свист аркана— и тут же он тащит к себе пойманного за рога, упирающегося всеми четырьмя ногами «заказанного» оленя. Так же сразу петля опускается на рога второго животного, третьего... Загорается желанием повторить все это Дуглас. Он тоже собирает маут в кольцо, долго прицеливается, бросает, но неудачно. Еще бросок, еще— и вновь неудача. Сконфуженный гость возвращает аркан владельцу.

Несколько дней спустя мне пришлось проходить мимо школы-интерната, где учатся дети оленеводов. На вершине сугроба лежал олений череп с рогами, и мальчишки с сосредоточенными лицами набрасывали на свою мишень сразу несколько маутов. Это, конечно, была игра, но не пустая забава. Здесь-то и рождалось мастерство, которое наглядно показал нам пастух.

Температура сегодня почти минус тридцать, для здешней зимы совсем немного. Да и одеты мы тепло, а рядом со станом оленеводов горят костры, и к ним можно подойти погреться. Но холод все-таки заползает под полушубок. Деревенеют пальцы ног, становятся непослушными руки. Поэтому все быстро и дружно собираются в палатке, едва лишь хозяева приглашают к чаю. Здесь раскаленная докрасна железная печка, жара, как в пустыне Сахаре, по-сибирски черный горячий чай, вареная оленина.

— Сколько корма вы даете оленю в день? Сколько дней в году кормите?— спрашивают аляскинцы.

— Сколько у вас оленей, сколько пастухов?— интересуются местные оленеводы.

— Большие ли у вас семьи?— задает неожиданный вопрос бригадир стада, симпатичная молодая эвенка. Даже не верится, что у нее самой уже четверо детей, о чем она говорит с откровенной гордостью. Но оказыва-

ется, что не оплошали и гости. У Дэнни двенадцать детей. Две старшие дочери уже замужем, а младшему сыну пошел только седьмой год. У Дугласа—девять, у Вилли—пока трое.

— Но мне всего тридцать пять, у меня все впереди,— смеется Хэнзли.

А вопросы все не иссякают.

— Что у вас делают по вечерам в поселке?

— Идут в клуб—в кино, на концерт, на танцы,— отвечают наши оленеводы.

— Идут в кино или в салун,— говорят гости.

— А в воскресенье?

— На рыбалку, на стадион.

— В церковь.

— Сколько вы платите за обучение детей?— Этот вопрос хозяевам—вероятно, «проверка». Гостям уже рассказали, что дети наших северных народов не только учатся бесплатно—в интернатах их и кормят и одевают тоже за счет государства.

Впрочем, вопросов больше деловых.

— Какой лишайник считается у вас самым питательным?

— Как долго держите стадо на одном месте?

— Как спасаетесь от гнуса?

Чаепитие подходит к концу. Кружки больше не тянутся к чайнику. Пастух, тот, что так мастерски ловил оленей, подает Дугласу маут.

— Вам на память и для тренировки,—говорит он.

Подарок щедрый. Маутом оленеводы очень дорожат.

Из палатки— снова в стадо. Несмотря на свои годы (ему уже за семьдесят), впереди с лопатой— профессор Андреев. Он разгребает снег в местах оленьих покопок, нагибается, называет растения, которыми кормятся животные.

Из-под снега показываются веточки вороники (ее называют также подяницей), усеянные промерзшими черными ягодами.

— Самые вкусные ягоды,—говорит Дэнни. О вкусах, конечно, не спорят, но у нас вороника вовсе не пользуется популярностью.

— Значит, эскимосы могут жить на вашей земле,— шутит он. Потом добавляет:— Без вороники не приготовить и акутаг. Это наше эскимосское мороженое: нужно добавить к ягодам только тюленьего жира и сахара.

Раскопки продолжаются. Мимоходом Владимир Николаевич рассказывает много интересного, и его с одинаковым вниманием слушают аляскинцы, черноглазая бригадирша, пастухи-эвены. Однако уже смеркает, пора ехать в поселок, где нас ждут ужин и ночлег.

Это один из дней нашего пребывания в Якутии, в Томпонском оленеводческом совхозе. Угодья его располагаются в бассейне Алдана, на склонах Верхоянского хребта. Мне вспомнилось, что когда-то добирались в эти места на лошадях по старинному Охотскому тракту. А вел он к Тихому океану — к Камчатке, к Русской Америке. Сейчас попадают сюда из Якутска на вертолете. Сам тракт давно уже зарос, его поглотила тайга, и кроме названия села на Алдане — Охотский перевоз — уже мало что напоминает о пути, которым пробирались в свое время и Беринг, и Шелихов.

В совхозе трудятся якуты, русские, а главным образом эвены (раньше их называли ламутами). Этнографы допускают наличие между эвенками и эвенами, с одной стороны, и эскимосами — с другой, древних родственных связей. И хотя «ходоки» одеты в яркие нейлоновые комбинезоны и фуражки, в теплые парки нездешнего, заокеанского покроя, а местные оленеводы ходят в меховых куртках, шапках-ушанках, оленьих унтах, предположение этнографов здесь, в совхозе, показалось мне особенно убедительным. Когда они оказывались рядом — гости-эскимосы и хозяева, — невольно обращало на себя внимание их сходство: одинаково смуглая кожа, черные волосы, широкие лица с темными глазами.

Оленеводство, как и охота, — традиционное занятие местных эвенов. Но если еще сорок — пятьдесят лет назад эти люди были кочевниками, а жилищем им и летом и зимой служил «дю» — дымный берестяной чум, то теперь, как правило, они живут в благоустроенных поселках и их быт мало чем отличается от городского. Кочуют же, и то лишь посменно, одни пастухи. Обо всем этом нам рассказали еще в Москве, а потом в Якутске. Но действительность превзошла ожидания, и, по-видимому, не только мои.

Летим час, другой, третий... Под вертолетом горы. Забираемся в глубь Верхоянского хребта. Заснеженные, поросшие лесом долины сменяются цепями гор с гольми каменными россыпями. Раз-другой пересекаем ниточку шоссе с редкими, похожими на ползующих жуков автомобилями. И снова долины, хребты... Глаз уже привыкает к безлюдью, и поэтому так неожиданно открывается поселок, расположившийся в излучине реки. Прямые улицы, в пересечении их—площадь. Одинаковые квадратики двухэтажных домов. Человеческие фигурки. На отшибе густой дым над высокой трубой, наверное котельная. Таким предстает перед нами Тополиный, центр совхоза Томпонского.

Прохожие выглядят обычными горожанами. В поселке есть магазин, школа, клуб, больница—их вывески попадаются по пути в гостиницу. О прочем рассказывает в своем просторном кабинете директор совхоза Василий Михайлович Кладкин. Кроме него и гостей здесь собрались зоотехники, ветеринарный врач, охотовед, другие совхозные специалисты, в большинстве своем эвены.

Разговор завязывается еще на подходах к кабинету.

— Во сколько вам обошлось строительство?

— Примерно в два миллиона.

— Откуда взяли деньги?

— Дало государство.

Хозяева рассказывают, что в совхозе сейчас около двадцати тысяч оленей, что на рубль затрат в оленеводстве приходится три рубля отдачи. Говорят, насколько выгодными оказались подкормка оленей и скрещивание их с тофаларскими (алтайскими) оленями—они гораздо крупнее местных. Вспоминают, как самолетом привезли сюда необычных пассажиров—первых тофаларских хоров, каким событием было это для совхоза. С тех пор прошло почти пятнадцать лет. За это время здесь вырастили больше шести тысяч гибридов, и каждый из них приносит на двадцать два рубля прибыли больше, чем местные олени. А при подкормке оленей каждый затраченный рубль возвращается шестью рублями. «Ого!»—почти в один голос произносят Хэнзли и Льюик.

— Вот и подсчитайте, какой это дало дополнительный доход,—говорит Василий Михайлович.—А поголовье будем увеличивать, и нам никак не обойтись без советов ученых.—И он выразительно смотрит на профессора Андреева.

— Нам бы народу побольше, особенно молодежи,— продолжает Кладкин. А я смотрю на Дэнни и, кажется мне, читаю его мысли. Ведь так трудно найти работу в Номе, где он живет, особенно приехавшему из деревни эскимосу, и тем более подростку.

— Нельзя ли побывать в доме у одного из оленеводов?— спрашивает кто-то из гостей.

В это время, будто нарочно, дверь кабинета приоткрывается, и в нее заглядывает средних лет женщина. Увидев много народу, она смущается и хочет скрыться, но директор останавливает ее, о чем-то спрашивает по-эвенски. Женщина недолго думает, улыбается и отвечает, похоже, утвердительно.

— Вот она и приглашает вас сегодня вечером,— говорит Кладкин. «Ходоки» тоже улыбаются, в знак согласия кивают головами.

Как вскоре выяснилось, напросились мы к Варваре Михайловне Голиковой, жене бригадира (сам он на работе—в стаде). И хотя компания оказалась большая да и заявилась неожиданно, к нашему приходу все было уже готово. В просторной комнате с полированной стенкой, сервантом, мягким диваном, словом—меблированной, как многие московские квартиры, красовался накрытый стол. Консервы и другие покупные закуски соседствовали с вареной олениной, домашней кровяной колбасой. Искрились гранями рюмки и фужеры.

Прежде чем приступить к ужину, аляскинские гости в сопровождении младших Голиковых заглянули в каждую из трех комнат квартиры, в кухню, в ванную. Зашумела вода в туалете, в коридоре послышались щелчки выключателя—гостей, очевидно, интересовали и эти детали.

За столом продолжался разговор, начатый еще в директорском кабинете. Только потек он легче, неприужденнее, и этому вовсе не препятствовало то, что хозяйка говорила по-русски неважно: ее окружали достаточно квалифицированные переводчики—очень похожие на нее и друг на друга сыновья и дочери.

Вопросов теперь больше к «ходакам». Из скупых рассказов Дугласа Шелдона и Дэнни Кармуна выяснилось, что жизненные пути их во многом сходны. Кстати, они почти ровесники—обоим около пятидесяти. Оба родились и выросли в небольших эскимосских деревнях, в многодетных семьях. Отец Дугласа был рыбаком, у Дэнни—пастухом. С раннего детства они

помогали родителям рыбачить, охотиться, пасти оленей. Хорошо знают, что такое нужда и голод. У Дэнни, на его глазах, перемерли все сестры. Сколько их было? Он уже не помнит...

И тот и другой проучились по пять лет в школе. Рано ушли на заработки в город, но постоянной работы долго найти не могли. Прежде чем стать оленеводом, Дэнни был и шахтером в Номе, и рабочим в местном аэропорту. Дугласу везло еще меньше: он то рыбачил в Коцебу, то подрабатывал от случая к случаю на стройках.

Фамилия Кармун происходит от эскимосского имени его отца—Кармонн (перевести это имя на русский язык невозможно). Дети Дэнни имеют наряду с европейскими также эскимосские имена. Одну из дочерей, например, зовут Сейгулик, что значит «Чайнка». Имена других дочерей—Итиктик, Умейлак,—как и имя их деда, на русский язык тоже перевести трудно. В школе, где они учатся, преподают только по-английски. Ученики-эскимосы забывают свой родной язык и, что еще обиднее, стесняются его, рассказывает Дэнни. «Поэтому,—с грустью говорит он,—в моей семье уже не услышишь эскимосской речи, никто, кроме меня и жены, не знает наших эскимосских обычаев». Наверное, потому с таким интересом и даже с завистью смотрит он на детей нашей хозяйки, слушает, как они бойко говорят между собой, с матерью, с другими родственниками по-эвенски.

Шелдон—самый неразговорчивый из гостей, может быть потому, что еще не освоился. Он впервые выезжает не только за границу, но и за пределы Аляски. А сегодня впервые в своей жизни Дуглас произнес тост. Было сказано лишь: «Спасибо вам большое за гостеприимство!»—но настолько от души, от сердца шли эти слова, что затмили иные из произнесенных в тот вечер более долгих и цветистых тостов.

Шелдон и Кармун достигли (для аляскинских эскимосов) высоких постов, стали теперь относительно большими начальниками: у первого в подчинении трое пастухов, у второго—даже пятнадцать. И тем не менее их судьбы во многом типичны для судеб их сородичей. А вот о Вилли Хэнзли этого не скажешь. Он тоже родился в семье охотника, ему тоже родители дали эскимосское имя Тулуяржук («Вороненок»), но явился он на свет явно «в сорочке». Ему удалось получить не

только среднее образование, но и учиться в университете—изучать делопроизводство. «Зарабатывать и на жизнь и на учебу было очень нелегко»,—говорит Вилли. Его имя известно по всей Аляске и даже за пределами штата. Он не только президент корпорации «Нана», но и член правления аляскинского банка, к тому же не теряет надежды в конце концов стать конгрессменом. Много ли таких процветающих эскимосов в Соединенных Штатах? Конечно, единицы. Быть может, даже всего один!

Вилли рассказывает о корпорации, о том, что она была организована пять лет назад и объединяет пять тысяч эскимосов, живущих в одиннадцати деревнях северо-западной части Аляски.

— Чем мы занимаемся? На Аляску, в том числе и к нам, в Коцебу, приезжает все больше туристов. Бывает теперь и десять тысяч в год. Надеемся поэтому на доход от развития туристской индустрии. Построили гостиницу, и обслуживаем ее главным образом мы, эскимосы. Строим музей, где будем показывать старинную утварь, которую уже не увидишь в эскимосских домах, искусство резчиков по кости, изделия других умельцев. Вот и маут, что подарили нам ваши оленеводы, тоже попадет в музей. (Строго говоря, маут был подарен Шелдону, но тот, очевидно, не возражает, чтобы аркан хранился в музейной витрине.)

— Конечно, разводим и оленей, хотя их у нас пока немного, всего четыре тысячи. Стремимся хотя бы продавать мясо по доступным ценам своим землякам. Теперь видим, насколько оленеводство может быть доходным. Мы будем увеличивать стада и обязательно используем ваш опыт. Хотим, чтобы приехали к нам ваши оленеводы, на месяц, на два, как инструкторы. Нам бы земли побольше да помощь государства, ученых, как у вас,—говорит Хэнзли.

— А разве вам земли не хватает? Аляска-то большая!

— Аляска действительно большая, но с землей дело обстоит непросто,—отвечает Хэнзли на вопрос Кладкина.—Примерно треть территории штата занимают олени пастбища, но принадлежат они федеральному правительству (то есть правительству США) и для нас недоступны. Наши олени пасутся сейчас только на полуострове Сьюард (как раз напротив Чукотки). И там, казалось бы, есть свободные земли. Однако правительство собирается организовать на них нацио-

нальный парк. Мы за охрану природы, но где нам тогда пасти оленей?

Хозяева слушают гостей (конечно, с помощью переводчика) очень внимательно, поддакивают, в знак согласия кивают головами.

У Хэнзли еще свежи в памяти впечатления о первой в истории конференции инуитов, проходившей несколько месяцев назад на крайнем севере Аляски, в Барроу. Он, конечно, был ее участником. Здесь собирались представители эскимосских племен Аляски, Канады, Гренландии, и каждый приехавший с тревогой говорил о судьбе своего народа, его языка, культуры. Участники конференции обратились с призывом к правительствам США, Канады, Дании принять меры к улучшению условий жизни эскимосов, их медицинского обслуживания, просвещения, жилищных условий, дать возможность использовать местные природные ресурсы самим эскимосам, охранять природу Севера. Но не только это волнует их. «Арктика должна стать зоной мира!» — потребовали участники конференции.

— Земли нам пока не хватает, но зато у нас уже «прорезается голос», — заканчивает Хэнзли.

— А как живут ваши оленеводы? — спрашивают хозяева.

— Почти круглый год проводят в стадах. Бывают в поселках и видятся с семьями редко. Это плохо, — говорит Шелдон.

Застолье, как и водится, не обошлось без песен. Сначала спела по-русски и по-эвенски бойкая звонкогелосая сестра хозяйки. Спели (по-английски) гости, потом хором, все вместе — «Подмосковные вечера» (они, выходит, популярны и на Аляске). Но главным был, конечно, не ужин, не песни, а разговор. Он закончился поздно, и, когда собеседники расходились, чувствовалось, что вечер удался.

В один из вечеров гости побывали в школе-интернате. Встреча с ребятами — а среди них были и первоклассники, и уже почти взрослые юноши и девушки — происходила в просторной комнате. Гости сели на стулья, расставленные вдоль стены, хозяева же стояли у противоположной стены и в центре (такой порядок, очевидно, был разработан по этому поводу школьной администрацией). Вполне естественно, что живой разговор сначала не получался. Но когда нарушилось заранее предусмотренное размещение действующих лиц и они перемешались, дело пошло на лад.

Послышалось даже несколько английских фраз, сказанных с эвенским акцентом (гости все равно дали такому произношению высокую оценку).

И снова вопросы...

— Не скучаете без родителей?

(Матери и отцы большинства этих ребят находятся сейчас на работе—в стаде.)

— Нет, у нас весело, интересно.

— Балуетесь?—Здесь ребята оказываются излишне скромными и молчат, но одна из воспитательниц застенчиво говорит:— Бывает.

— Учат ли в школе оленеводству, охоте? Преподаются ли труд?

Ответы даются положительные и подробные.

— А кто собирает почтовые марки?—спрашивает Хэнзли. Тянутся вверх руки, и юные филателисты становятся обладателями американских марок. Расставаясь, Вилли вырывает из блокнота листок с адресом школы в Коцебу.

— Напишите письмо, расскажите о себе, о своей жизни. Наши ребята будут рады его получить и в свою очередь напишут вам.

Двадцать четвертого ноября мы уезжали из Тополиного. Наши гости садились завтракать в каком-то особенно приподнятом настроении. Оказалось, что подошел День благодарения—национальный праздник США. Те из американцев, кому это доступно, 24 ноября обычно едят жареную индейку. А на Аляске в эскимосских деревнях до последнего времени было принято устраивать в этот день складчину, идти в церковь со снедью, кто чем богат, и там пировать.

Откуда пошел этот праздник, мне охотно рассказал Вилли. Двадцать четвертого ноября 1620 года на берегу Плимутской бухты (теперь это штат Массачусетс) высадились отцы пилигримы, первые переселенцы из Англии. Поначалу они сильно бедствовали в Новом

Свете, но постепенно освоились, собрали хороший урожай и годовщину своей высадки отметили торжественно, в том числе жареной индейкой за обедом.

Индейки на Верхоянском хребте найти не удалось, но за ужином, когда мы поздравляли гостей, на столе стояли жареные цыплята.

Долгая дорога — целый день езды в автобусе — хорошая возможность о чем-то спросить, высказаться. Сообща мы пытаемся помочь Дэнни, который, видимо, устал, а может быть, и простыл в предыдущие дни и сейчас занемог. Он безропотно глотает таблетки, оказавшиеся под руками, а потом говорит мне:

— Раньше мы лечились не как белые люди. Жир, свежий и пожелтевший, листья, кора и корешки растений — вот были наши лекарства. И были хорошие лекари, которые помогали нам, быть может, не хуже современных докторов и таблеток. Помню, например, в детстве у меня болели уши и наш деревенский лекарь клал в них кусочки нерпичьего жира. Помогало! Нашего соседа, который, как теперь говорят, «помешался», лекарь вылечил очень просто — несколько дней гладил больного по голове крылом гагары. При простуде полезно пить теплый тюлений жир или кровь. Жаль, что мои дети уже не верят в эти средства. А ведь пока мы лечились тюленьим жиром, мы не знали ни цинги, ни туберкулеза!

Из совхоза мы вернулись в Якутск. Город окутывала густая морозная мгла. Машины ползли по улицам медленно, тускло поблескивая фарами. Деревья и кусты покрылись пыльным инеем, словно надели белые шубы, а у человека, вышедшего из дома, сразу спирало дыхание, мороз выжимал из глаз слезы. Именно такая погода стояла в тот день, когда нам предстояло идти в театр, на балет.

— Балет? — переспросил меня утром Хэнзли. В его вопросе слышались и удивление и усмешка. — А как балерины? Будут танцевать в парках и камиках?

Но балет был настоящий — много света, музыка, порхающие по сцене балерины. Вокруг нас сидели празднично настроенные зрители, в большинстве якуты, мелькали женщины в нарядных национальных платьях и старинных серебряных украшениях. А в целом это было каким-то не по-зимнему живым и ярким зрелищем. Оно поразило и покорило гостей, особенно Дугласа и Дэнни, которые, как оказалось, на балете и вообще в театре были впервые в жизни.

— Я никак не ожидал всего этого,— сказал мне на обратном пути Вилли.

Гости не ожидали и того, что среди здешних ученых (а мы побывали в институтах биологии, мерзлотоведения, сельского хозяйства) столько якутов, эвенов, эвенков. Самим жителям Якутска это кажется естественным. Профессор Льюик подробно рассказывает коллегам об Институте арктической биологии Аляскинского университета, где он работает.

— А много ли там ученых-эскимосов? — задают ему вопрос.

— Зеро (ноль), — отвечает Льюик.

Наша поездка в Сибирь заканчивалась. «Ходоки» побывали в опытных хозяйствах, где разводятся знаменитых якутских лошадей и яков — недавних вселенцев в Якутию. Гостей принимали в Министерстве сельского хозяйства и в Совете Министров республики. Между делом они ходили в музеи, на выставки, обзавелись, конечно, сувенирами по своему вкусу (многодетного Дэнни, например, больше интересовали детские шарфики и варежки).

И вот подошел час расставания.

Насколько они стали ближе, понятнее, современные аляскинские эскимосы: энергичный мистер Хэнзли, деликатные Дэнни и Дуглас... Как сблизила нас поездка с учеными — профессором Льюиком, доктором Камероном! Сколько у них теперь знакомых и друзей среди сибиряков — оленеводов и коневодов, ученых! И сколько впечатлений о гостях у самих хозяев!

ЗА ОВЦЕБЫКАМИ В АЛЯСКИНСКУЮ ГЛУБИНКУ

Остров Ну-нивак довольно велик, длиной больше ста километров, расположен близко от материка и находится в очень приметном месте, между устьями Юкона и Кускоквима. И тем не менее даже здесь, на Аляске, он известен далеко не каждому. Это выяснилось еще на пути к нему, в Анкоридже. Администратор гостиницы, взяв в руки советские паспорта (похоже, впервые в жизни), доброжелательно улыбнулся, назвал свое имя, добавив, что он коренной аляскинец. Сказал, что рад приветствовать нас, что нам будет хорошо в этой гостинице («не то что в соседней»,—улавливалось в его голосе), наконец поинтересовался, куда же мы держим свой путь.

В СТОРОНЕ
ОТ ТОРНЫХ
ДОРОГ

Услышав в ответ: «На остров Нунивак»,— администратор пожал плечами.

— Что-то не знаю такого. Это где, в Канаде или в Калифорнии?— После паузы он добавил:— А, вспомнил, так эскимосы называют свои лодки из шкур.

И опять наш собеседник ошибался. Лодку из шкур моржей или тюленей у эскимосов действительно можно увидеть, но называется она умиак, и, кроме сходства в звучании, между этими словами нет ничего общего. Впрочем, ошибка коренного аляскинца не удивительна. Нунивак лежит в стороне от торных морских путей. На острове нет достопримечательностей, о которых пишется в туристских проспектах, и здесь редко бывают приезжие. Словом, это аляскинская глубинка, причем глубинка со стажем.

Еще до отъезда в Америку я попытался выяснить, когда и при каких обстоятельствах остров был обнаружен и описан. Оказалось, что мнения историков на этот счет расходятся. Большинство считает, что остров нанесен на карты русской экспедицией на шлюпе «Открытие» лишь в 1821 году, то есть почти через сто лет после того, как начались регулярные плавания наших земляков к берегам Аляски. Существует и другая версия. У нее, правда, не так много сторонников, но мне она показалась привлекательной. Будто бы остров был открыт гораздо раньше, еще в 1780 году, при следующих обстоятельствах. Казачий сотник Иван Кобелев с товарищами вышел на чукотских байдарках из Уэлена, направляясь к устью большой реки, где, по слухам, задолго до официального открытия русскими Америки обосновались бородатые белокожие переселенцы из Сибири. Мореплаватели так и не нашли загадочного поселка, но зато побывали на «Укипень острове». (А не был ли это Нунивак?) Тот остров, как пишет сам Кобелев, *«от американской землицы отстоит в море например верстах в пятидесяти»*. (Похоже на Нунивак!) Предприимчивые спутники сотника не мешкая открыли с «укипенцами» торг и наторговали у них шкур—лисыих, кунных, росомашьих.

Так или иначе, но Нунивак открыт, положен на карту и описан намного позже, чем прилежащие части Американского материка. Он оказался как бы в стороне от жизни, и в этом выделась мне его особая привлекательность (если, конечно, не считать овцебыков, которых мы стремились увидеть). Можно было

рассчитывать, что на острове живут еще «настоящие» эскимосы, не изменившие в угоду цивилизации своего исконного образа жизни, что здесь в первозданном виде сохранилась природа, свойственная этой части Аляски.

К слову, о нунивакских эскимосах. Они живут тут с незапамятных времен. Археологические находки свидетельствуют о том, что их предки появились на острове по крайней мере две тысячи лет назад. В конце прошлого века на острове насчитывалось около семисот жителей, обитавших в девяти небольших стойбищах.

К 1940 году, всего за полстолетия, занесенные «белыми», эпидемии сократили количество островитян в три-четыре раза. Позже население Нунивака немного увеличилось и достигло примерно двухсот пятидесяти человек, но все его обитатели сосредоточены теперь в единственном поселке Мекорьюк. «Примерно» — потому что никто, в том числе и староста поселка, не в состоянии точно определить современную численность островитян. Кто-то работает или ищет работу в Бетеле, Анкоридже или других городах Аляски; кто-то, наоборот, приезжает сюда, чтобы навестить родственников и знакомых...

Сразу скажу, что самобытность, которую мне так хотелось застать, нунивакские эскимосы почти потеряли. Причем произошло это уже совсем недавно, по сути дела в начале двадцатых годов, когда остров прибрали к рукам владельцы крупных стад домашних оленей и сюда тоже проник дух наживы и чистогана. Но природа острова сохранила многое из своей первозданности. Прибрежные круто обрывающиеся к морю скалы сменяются песчаными пляжами, соседствующими с грядами дюн. Большие и малые морские заливы, прозрачные реки и ручьи, часть которых не замерзает и зимой. Бездонные озера в кратерах потухших вулканов. Каменные россыпи и пятна лишайников на склонах гор, заросли ивняков в речных долинах высотой по пояс взрослому человеку... Туманы и незаходящее солнце летом, кудые серые дни, пурга и твердые снежные заструги — зимой.

Таков остров Нунивак. Попав в его центральную часть, не задумываясь, скажешь, что это тундра. Чем ближе к морю, тем пышнее становится растительность, но здесь она уже теряет сходство с тундрой. Само же побережье, прибрежные дюны покрыты густыми зарос-

лями колосняка. Упругим стеблям этого злака нипочем штормовые ветры, и соленые морские брызги.

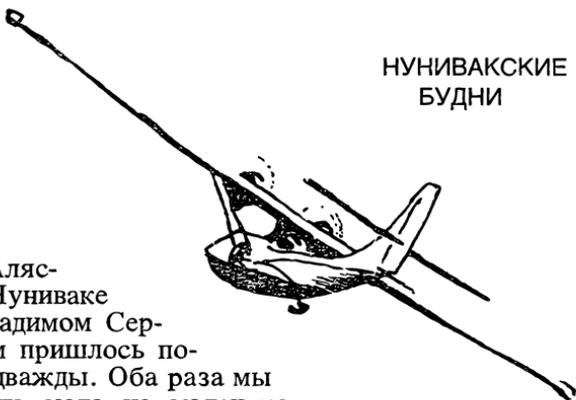
И сам остров, и окружающее его море, особенно летом, богаты жизнью. На прибрежных скалах гнездятся миллионы кайр, моевок, чистиков, бакланов. Птичьи базары Нунивака—одни из крупнейших в северном полушарии. Остров дает приют и многим другим пернатым: черным казаркам и гусям-белошеям, канадским журавлям, куропаткам—тундряным и белым, многочисленным куликам. Размножаются и живут здесь круглый год кречеты, редчайшие на Земле представители птичьего мира. На острове зимуют, кроме того, белые полярные совы, а в прибрежных водах—стаи гаг, морянок. На Нуниваке можно встретить типичных тундровых жителей—песцов, леммингов, пуночек. Но нередки здесь красная лисица и норка, которые для тундр вовсе не характерны. У его берегов встречаются моржи и обычные тюлени. С берега можно увидеть фонтаны китов. В островные реки заходят на нерест косяки лососевых рыб.

До конца прошлого века на острове обитали дикие северные олени. Теперь здесь разводят оленей домашних. Стадо, в котором примерно четыре тысячи голов, принадлежит местным эскимосам. Оленеводство—один из источников существования островитян наряду с добычей пушных зверей, тюленей и моржей, а также с рыболовством. А с середины тридцатых годов живут здесь также овцебыки, и это, пожалуй, самое интересное, что есть на Нуниваке.

В 1929 году остров Нунивак был объявлен заказником. Помимо сохранения самобытной природы острова в его задачу входят опыты по совершенствованию оленеводства и восстановлению стад овцебыков. Официально об островной природе, ее охране печется егерь заказника, эскимос и местный уроженец Ричард Дэвис. К своим обязанностям он относится очень добросовестно, и тем не менее, не будь у него надежных союзников, жизнь его, возможно, была бы хлопотнее. Союзники же его—мелководья под берегами, туманы, ураганные ветры и другие помехи в регулярном сообщении между островом и материком. За последние десять лет на Нуниваке побывало всего лишь двадцать пять туристов! Вот уж действительно глубинка!

НУНИВАКСКИЕ БУДНИ

Как и вообще на Аляске, на Нуниваке нам с Вадимом Сергеевичем пришлось побывать дважды. Оба раза мы прилетали сюда на маленьком одномоторном самолете, и оба раза при посадке остров был окутан туманом.

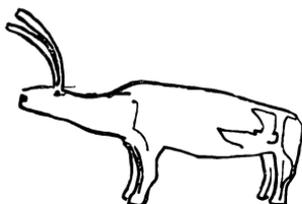

В первый наш прилет земля сверху еще как-то просматривалась. В стороне от посадочной полосы даже виднелось какое-то темное пятно. Оно оказалось кучкой вездесущих мальчишек — скуластых, жгуче черноволосых и, как и их сверстники во всем мире, любопытных и озорных. Сразу же, в считанные минуты они успели со всех сторон осмотреть севший самолет, выгруженный из него багаж, нас самих и высказать по каждому поводу свое мнение.

Прилет самолета в Мекорьюк, может быть, невесть какое, но все же событие: можно встретить вернувшегося с материка родственника, друга, узнать новости, просто взглянуть на нового человека. Нас здесь, конечно, никто не ждал. Не было даже заранее известно о вылете на Нунивак этого самолета. Однако, когда туман немного рассеялся, на аэродроме обнаружилось и немало взрослых. Здесь были пожилой степенный староста поселка («Майор» — как он сам представился) Генри Шевингс и патер Чарли, местный священник, человек тоже немолодой, довольно полный, с лукавым выражением лица; из-под его куртки выглядывал белый стоячий воротничок. Пришел Ричард Дэвис, егерь заказника, эскимос неопределенного возраста, чем-то сразу располагающий к себе, может быть, улыбкой. Пришли и другие островитяне.

Потом, и очень быстро, мы обзавелись здесь друзьями и многочисленными знакомыми; жители острова проявляли к нам откровенный интерес (здесь еще никто

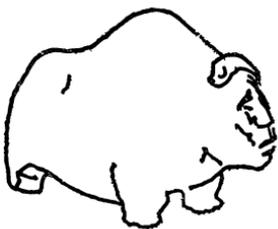
не видел советских граждан и «кассакпиаков» — «настоящих казаков»), без конца приглашали в гости, были и сами не прочь навестить нас. Но сейчас, при первой встрече, они смотрели на нас с деланным равнодушием. Такова местная традиция.

Всего в Мекорьюке домов пятьдесят, но разбросаны они широко, без какого бы то ни было плана, и поселок поэтому кажется довольно большим. Постройки разномастны; это в большинстве своем жилые домики в одно-два окошка по фасаду, обитые снаружи толем либо досками. С военных лет здесь осталось несколько «полубочек» из гофрированного железа — бывшие казармы и военные склады. Сейчас их используют для жилья и как складские помещения. Посередине поселка стоит обшитая досками церковь, выделяют-ся приземистые, недавно сооруженные школа и магазины, а за околицей виднеется недавно построенная бойня — на ней заканчивают свой жизненный путь олени. Вот, пожалуй, и весь Мекорьюк. В поселке обосновалось несколько автомобилей, легковых и грузовых, как правило, далеко не новых, изрядно помятых и побитых. Есть здесь несколько доступных для автомобилей улиц, на них даже висят дорожные знаки. Между домами и от домов к улицам пролегли деревянные переходы и тротуары, а прочее свободное пространство занимает сырая тундра, или, лучше сказать, тундровое болото.

В 1974 году в нашу осеннюю экспедицию на Нунивак кроме нас входили также доктор Питер Лент и доктор Кальвин Ленсинк, наверное, лучшие на Аляске знатоки овцебыков, и молодой американец Дэн Сен-Джон. Дэн работает учителем в индейском поселке на Юконе, заочно изучает русский язык. С нами он находился в качестве стажера и переводчика.

Мы поселились в одном из временно пустующих домиков. По утрам доктор Ленсинк, начальник нашей экспедиции, разжигал печку, пек на сковородке оладьи и варил кофе. Ленсинк человек очень мягкий и добрый, но вмешиваться в поварские обязанности он никому не позволял и удерживал их за собой с большим упорством. После завтрака мы уходили в тундру, на пастбища овцебыков, либо, если стояла летная погода и в поселке оказывался вертолет, летали на нем к стадам в другие концы острова. Словом, овцебыки были в центре внимания, и на знакомство с ними уходил весь день. Домой мы возвращались обычно поздно вечером.

В первый же выход в тундру стало ясно, что на Нуниваке выдался грибной год: среди стелющихся над землей ивовых кустов то тут, то там выглядывали шапки подберезовиков. В отличие от наших, подмосковных, они были бледны, почти даже белы, но на удивление ядрены. Даже явные переростки оказывались звеняще-упругими и вовсе не червивыми. Трудно было удержаться — уж очень грибы просились в кошелечку! Так незаметно оказался наполненным большой полиэтиленовый мешок, взятый для сбора образцов растений.

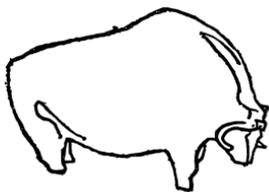
— Может быть, поджарим? — предложил Вадим Сергеевич. Тяжелую ношу по очереди понесли в поселок.

По улице навстречу нам шел пожилой эскимос, один из немногих островитян, с которыми мы еще не успели познакомиться. Он внимательно посмотрел на наши трофеи и неодобрительно покачал головой. Следующим встречным был патер Чарли. Священник остановился, чтобы побеседовать с нами, но, когда рассмотрел грибы, на лице его выразилось сначала удивление, потом безразличие и, наконец, порицание.

— Зачем вам чертовы уши? — спросил он. Так,

оказывается, называют грибы эскимосы. Услышав в ответ, что мы собираемся их есть, священник только замахал руками. По дороге к дому встречались и другие эскимосы. Некоторые предупреждали, что «чертовы уши» очень ядовиты, другие так или иначе, но тоже выражали нам свое неодобрение.

Доктор Ленсинк на этот раз допустил нас к плите, и вскоре домик наполнился аппетитным запахом поджарки. Оба ученых и Дэн, хотя сначала они смотрели на нашу возню с грибами без энтузиазма (большинство американцев из грибов едят лишь шампиньоны), отдали поджарке должное. Потом к нам зашел Ричард Дэвис, испытующе посмотрел на каждого из сидящих за столом и, очевидно лишь из деликатности, согласился попробовать «чертовы уши». Он осторожно взял кусочек, положил его в рот, и хотя не сразу, но проглотил. Потом он зацепил вилкой другой гриб, третий... Патер Чарли тоже завернул к нам, может быть, чтобы достойно проводить упрямых «кассаков» на тот свет. Однако, застав всех в добром здоровье, священник тоже согласился отведать «чертовых ушей» и тоже нашел их съедобными. Через несколько дней в ближайших к поселку окрестностях грибы стали попадаться редко, а грибники встречались то и дело...

Вместе с Ричардом, егерем заказника, сидим на гребне дюны. Шепчутся, набегая на пологий берег, волны. Шуршат, клонясь от ветра, упругие стебли колосняка. В воздухе то и дело появляются птицы. Ричард называет их по-эскимосски и, если это осуществимо, переводит названия на английский.

— Вот, по-нашему, каллоксийук, что значит «следует за рыбой», — показывает егеря на орлана-белохвоста, действительно, заядлого рыболова. — А это кинглаик — «большой нос». — Это относится к гагам-гребенушкам. У самцов их в брачный период над клювом разрастается высокий гребень, и «нос» птиц в самом деле становится большим.

Выясняется, что баклан по-эскимосски называется угачук («живущий на скалах»), чернозобая гагара—танушлик («спина разукрашена белыми точками»), белая сова—анипа («белая как снег»), канадская казарка—тутангаяк («у нее белые щеки»), гусь-белошей—натшаулик («у него как будто парка с капюшоном»).

И действительно, у чернозобой гагары в первую очередь бросаются в глаза белые пестрины на фоне черной спины, а у гуся-белошея, конечно, крупная белая голова. Не случайно и по-чукотски он называется «итлихеут», что значит «белоголовый». Белый же цвет на шее птицы хотя и есть, но сразу его не заметишь.

А Ричард продолжает:

— Чугикпак («широкий клюв»),—это об утке-широконоске.— Октиотак («который остается здесь на всю зиму»),—о кречете.— Укулигаск («жирная осень»),—об утке-шилохвосты...

Белолобого гуся здешние эскимосы называют «лохло» или «лук-лук». Это явное подражание крику птицы. По-якутски она зовется почти так же—«лыглы». Ричард терпеливо, по слогам, произносит эскимосское имя поморника, но записать его мне никак не удастся. Зато оказалось, что в переводе оно означает «вор». Интересно! Ведь и у нас на Севере его зовут то «разбойником», то «доводчиком» (то есть доносчиком, а это тоже не похвала). И я подумал: насколько метки иные эскимосские и вообще народные названия птиц, насколько они удачнее «книжных», принятых в цивилизованном мире!

На следующий год, на стыке зимы и весны, мы снова оказались на Нуниваке. Нам предстояло участвовать в ловле овцебыков и сопровождать их в пути с Аляски в СССР. Пойманные овцебыки должны были сначала какое-то время прожить в загонах на окраине Мекорьюка и пройти карантин. После этого их ждала

перевозка на материк и перелет в Сибирь. На этот раз мы были здесь вместе с доктором Питером Лентом и заведующим Нунивакским заказником Джерри Хоутом. В нашу компанию входила также переводчица-американка Раиса Скрыбина и, конечно, старый знакомый—егерь заказника Ричард Дэвис.

Интерес к переселению овцебыков на сибирскую землю в Соединенных Штатах, а особенно здесь, на Севере, оказался очень велик. Предстоящая операция предусмотрена одним из разделов советско-американского соглашения о сотрудничестве в охране окружающей среды. Это, конечно, не главный раздел в соглашении, но он привлек к себе довольно пристальное внимание. Поэтому кроме биологов на остров прилетели кинооператоры и Мерлин Перкинс, ведущий одной из популярных телевизионных программ «Дикое королевство» (это передача вроде нашей «В мире животных»). Они должны были снять для телевидения специальный фильм о работе экспедиции.

Мекорьюк на этот раз утопал в сугробах. Из-под снега кое-где нелепо торчали верхушки дорожных знаков, выглядывали коньки домов, печные трубы, обозначавшие погребенные снегом улицы и дома. Днем и ночью слышался треск мотонарт. Они хозяйничали, а вернее, озорничали словно сами по себе, расплескивая здесь и там клубы сизого чада. Следы их гусениц беспорядочно петляли по поселку, казалось, нарушая и без того нестройную планировку Мекорьюка, забирались даже на крыши занесенных снегом домов.

Стоящая на отшибе длинная «полубочка» из гофрированного железа—нечто вроде островной гостиницы—на этот раз была отдана нашей экспедиции. Одна из трех небольших комнат в ней досталась Вадиму Сергеевичу и мне, и ее сразу заполнили клубы табачного дыма: мой спутник курит «Беломор» без перерыва, папиросу за папиросой.

Школа в Мекорьюке только начальная, работают в ней два учителя—Эрни Августин, по совместительству заведующий школой, и его жена Бэтти. Эрни—гаваец,

Бэтти—коренная американка со Среднего Запада страны. Оба они молоды, им меньше чем по тридцать, и оба только начинают свою педагогическую карьеру.

Эрни и Бэтти первыми из островитян пригласили нас в гости. Ужинали мы в их учительской квартире, а затем перешли в школьный зал, где к тому времени уже начиналось кино.

Эрни, если судить о нем по первому впечатлению, вполне приспособился к жизни на Крайнем Севере. Когда я увидел его в первый раз, он показался мне типичным эскимосом. В нарядной парке из нерпичьего меха, в расшитых бисером камиках, небольшого роста, смуглый и черноволосый, немного узкоглазый, он стоял вместе с другими островитянами у загона овцебыков и о чем-то оживленно толковал с соседями. Однако в душе он оставался гавайцем. Как признался сам, он сильно тосковал по своей далекой родине и, видимо, столько чувства вкладывал в рассказы о ней, что Гавайями «заболели» и нунивакские школьники. Почти все они загорелись желанием побывать там на каникулах, конечно, вместе с учителем, а теперь зарабатывали на эту поездку деньги.

Школьники заключили договор с конторой по прокату кинофильмов (раньше в Мекорьюке кино не было) и взяли, тоже напрокат, электропечь для поджаривания зерен кукурузы (поп-корн, или просто корн, хрумкают в Америке всюду, как у нас лузгают семечки). Посторонних на Нуниваке бывает не так уж много, поэтому основные покупатели билетов в кино и жареной кукурузы—родители юных бизнесменов, отдаленная родня или знакомые. Однако на деловых взаимоотношениях это не сказывается. Кассир в кино—девчупшка лет десяти. Она очень серьезна, у нее, как у заправской кассирши, синие нарукавники, перед ней металлическая касса с отделениями для каждого сорта монет. Электропечь, похожую на бочку (одни части ее прозрачны, другие никелированы) обслуживает целая бригада. Один из мальчишек загружает в нее кукурузу, другой расфасовывает готовую продукцию. Отточенными, профессиональными движениями он насыпает в фирменные пакетики вздувшиеся от жара румяные зерна. Несколько мальчишек и девчонок разносят подносы с пакетиками, протискиваясь вдоль рядов, получают деньги, деловито отсчитывают сдачу.

Вечером, после кино, несколько ребят («казначей»,—пояснил Эрни) с сосредоточенными лицами под-

считывали выручку, раскладывали по кучкам мелочь и бумажки. Деньги они хранят в Бетеле, открыли счет в банке. В общем-то почти весь доход поступает из родительских карманов, но и школьники, и учитель (похоже, и родители школьников тоже) горды. На путешествие зарабатывают сами!

Однажды нас пригласил к себе на чашку кофе Ричард Дэвис. В домике его было тесновато, но прибрано, чисто. Жена Ричарда зарабатывает тем, что время от времени вяжет по заказам одной из фирм женские шарфики и шапочки из шерсти овцебыка. Шерсть и рисунки будущих изделий ей присылают по почте. Сейчас у нее несколько заказов, и она вяжет не отрываясь. Поэтому угощает и развлекает гостей только хозяин. Он испек кекс (для этого нужно было лишь поставить в духовку запаянный в станиоль полуфабрикат), разливает по чашкам кофе.

На гвоздике в комнате висит какое-то непонятное приспособление или инструмент — дощечка с несколькими отверстиями и привязанная к ней на толстой нитке палочка. В палочку вделано птичье перо. Ричард замечает мой интерес, снимает предмет с гвоздика. Оказывается, это игрушка. Палочку нужно подбросить так, чтобы, падая, она воткнулась в одно из отверстий. Попадания в разные отверстия дают игроку разное количество очков.

Разговор заходит об обычаях нунивакских эскимосов.

— Многое уже забыли, да и остальное помнят только старики, — говорит Ричард. — Вот, например, наши эскимосские игры. Их было много. Ночи у нас зимой длинные, и, чтобы скоротать время, мы часто собирались вместе, пели, плясали, играли. Теперь молодежь, если заработает десяток-другой долларов, норовит поехать в Бетел, оставить свой заработок в салуне. И играли не только дома, но и на улице, — продолжает он свой рассказ. — Например, в футбол. Но

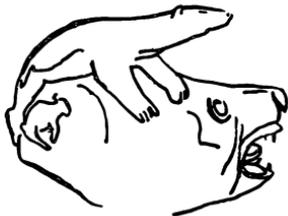
это пока на Нуниваке было несколько поселков и жило гораздо больше людей. Для нашего футбола тоже был нужен мяч, его делали из тюленьей кожи. Годилась и шкура, снятая с тюленьей головы, ее набивали сухой травой или оленьей шерстью. А играли так. Мяч клали посередине между двумя поселками и старались пригнать его ногами в чужую деревню. Играть могли все — мужчины и женщины, старики и дети. Сражение длилось иногда несколько дней подряд, пока какая-нибудь сторона не победит. Победенные зато должны были хорошо угостить своих соседей. Конечно, во время пира они не забывали и о себе.

— Но теперь мы все живем в Мекорьюке, и в футбол нам играть не с кем, — заключает хозяин.

Ричарда волнуют судьбы его соплеменников. Он был одним из инициаторов запрещения торговли на острове спиртными напитками. Такое решение, по настоянию главным образом стариков, островитяне приняли на своем сходе.

— Но запрет не принес особой пользы. Ведь Америка свободная страна, — усмехается он, — и каждый, конечно, если у него есть деньги, может выписать сюда спиртное по почте. Ну а кроме того, у нас появились умельцы, которые сами делают виски. Они, конечно, работают по ночам и не хвастают своим производством. Поэтому-то по-английски они и называются «светлячками». По-эскимосски же их зовут «рождающими великого духа». А тот «великий дух» — большое зло для Нунивака, особенно для нашей молодежи, — сетует Ричард. — В Мекорьюке появились замки, — продолжал он. — Раньше их здесь и не знали. Кое-кто из наших парней приучился там, на материке, к наркотикам и завез эту моду сюда, в Мекорьюк. На острове все труднее найти работу простому человеку, все тяжелее жизнь. Да и на материке она не легче...

— Что ждет нас, нашу молодежь? — встревоженно спрашивал сам себя Ричард.

Патер Чарли на правах старого знакомого при каждой встрече справлялся о нашем здоровье и делах: много ли, например, поймано овцебыков? Интересовался, растет ли в Сибири трава, и вообще что там будут есть четвероногие переселенцы? Расспрашивал, какая в Сибири водится дичь (сам он, видимо, страстный охотник), делился своими заботами.

— Иду мирить Джона с женой,—как-то сказал он.—Ведь я предупреждал их, что не будет толку от этой женитьбы. И вот вам доказательство. Она все-таки ушла от него к своим родителям и унесла с собой сына. Джон требует его себе, а сыну-то всего два месяца от роду! Ну скажите, разве Джон вырастит его один?

В первых числах апреля, в пасхальную неделю, священник специально зашел в гостиницу, чтобы пригласить нас в церковь.

— Я полагаю, что вы атеисты,—сказал он,—но покажите хороший пример моим прихожанам.

Как было отказать в такой просьбе!

В церкви, когда мы вместе с Вадимом Сергеевичем вошли внутрь, уже шла служба. Первое, что меня здесь поразило,—до крайности бедная обстановка. Голые стены, обшитые досками, когда-то были выкрашены в белый цвет, теперь краска потемнела, а кое-где и облупилась. Некрашенные деревянные скамьи, сбоку невысокая, выкрашенная белой краской кафедра. Белый деревянный крест за невысоким деревянным барьером. Вот, пожалуй, и все убранство.

Священник уже произносил с кафедры проповедь, что, впрочем, не помешало ему тут же освободить для нас места на первой скамье, очевидно, предназначенные для почетных гостей.

— Эй, Питер и Дайен, пересядьте подальше, дайте место гостям,—по-английски сказал он, не меняя возвышенного тона и выражения лица.

Служба шла на эскимосском языке, и один из моих соседей по скамье шепотом переводил мне основные мысли проповедника. Как можно было понять, патер сегодня бичевал прелюбодейство. Порой, видимо, он слишком увлекался, и тогда в церкви слышались сдержанные смешки. Время от времени он приводил примеры из местной жизни, порицал или, наоборот, хвалил кого-нибудь из прихожан, и тогда все поворачивали головы в сторону «героя» и слышался более откровенный смех.

Раз-другой патер упоминал в проповеди нас с Вади-мом Сергеевичем.

— Я сегодня призывал вас в свидетели, Говорил, что неловко, если о делишках в Мекорьюке будут знать там, в Сибири,—сказал патер, когда мы вместе с ним выходили из церкви.

Загон для овцебычков построен в стороне от поселка, но сюда уже пролегли торные дороги и здесь весь день толщится народ. Для некоторых это обязанность—присмотр за животными, их кормление. Для других—развлечение; островитяне приходят и приезжают сюда, как в клуб,—обменяться новостями, вообще побывать на людях, а молодые эскимоски—щегольнуть туалетами. К счастью, наши пленники не слишком пугливы. Едва стихает шум и треск мотонарт, овцебычки спешат к кормушкам, и охапки сена в них начинают на глазах уменьшаться. Здесь, в загоне, я впервые и увидел четвероногих кандидатов в переселенцы в советскую Арктику, тех овцебычков, которых нам предстояло теперь опекать. Они вели себя спокойно, солидно, с достоинством. Такими я их и представляю себе до сих пор.

Пурга началась, когда мы были еще в тундре, на пути к поселку. Пока выпускали в загоны новых, только что пойманных животных и расходились по домам, дуло еще терпимо. Но среди ночи ветер достиг ураганной силы. Стены нашего домика заметно вздрагивали, что-то гремело и монотонно звякало на крыше.

О том, как овцебыки переживают пургу, среди зоологов нет единого мнения. Некоторые утверждают, что бородачи (так называют их эскимосы) и в непогоду остаются верны своим привычкам и как ни в чем не бывало продолжают добывать корм, пережевывая жвачку, отдыхать. По уверениям других, животные стоят, плотно прижавшись друг к другу, и сутки и двое, пока не стихнет ветер, причем взрослые быки укрывают своими телами от вьюги коров и телят. Третьи говорят, что овцебыки в непогоду лежат по нескольку суток и не кормятся. И вот теперь появилась возможность узнать, как же ведут они себя в таких случаях на самом деле.

Вместе с Вадимом Сергеевичем и Джерри днем мы пошли к загону. Пурга неистовствовала. Сырая снежная пыль залепляла глаза, нос, секла кожу. Видимость иногда ограничивалась расстоянием вытянутой руки. Держась друг за друга, часто останавливаясь и отворачиваясь от ветра, чтобы передохнуть, мы брели, кажется, целую вечность, пока не наткнулись на стену знакомого сарая, а за ней—на ограду из металлической сетки.

И вот у решетки часть наших пленников. Они лежат, сбившись в кучу, на животах, поджав под себя ноги, и все—задом к ветру. У передних перед головой намело пологие сугробы. Бородачи, похоже, спали, а когда я потормошил ближайших из них за косматые загривки, они нехотя встали, повернувшись к нам мордами, сплошь залепленными снегом—виднелись только глаза и кончики рогов. На местах лежек не было и следов сырости или льда, настолько хороша теплоизоляция их «одеял» и «матрацев»—длинной шерсти, растущей на животе и боках. К тому же шерсть эта так густа, что снег не проникает глубоко в ее толщу. Стоило бородачам отряхнуться, и они уже были чисты.

Другие овцебыки также дремали, собравшись в кучки и отвернувшись от ветра. Сено, с вечера положенное в кормушки, если только его не разнесло ветром, оставалось нетронутым.

Так вот как они переносят пургу! Они, оказывается, и здесь верны своему главному жизненному принципу—как можно меньше тратить сил, экономить энергию. Отсюда же идет их оседлость, неторопливость, даже солидность и достоинство. Видно, в Арктике иначе им не прожить.

УМИНГМАК

Овцебык — животное поистине удивительное. Специалисты долгое время даже не могли найти ему места в ряду парнокопытных млекопитающих. С кем в соседстве он должен находиться? Кто его ближайшие родственники?

Внешне он больше похож на корову. Бывает, что овцебыки присоединяются к стадам домашнего скота, и тогда они дружно пасутся вместе. Однако во время бега благодаря своим коротким ногам они больше напоминают овец. Новорожденный теленок блеет почти так же, как ягненок. Взрослые быки в брачное время издают низкий, утробный рык, похожий на львиный.

На вопрос: «Кто же он?» — зоологи смогли ответить только недавно. Оказалось, что овцебык стоит все-таки ближе к козам и овцам, чем к быкам, а его ближайший родственник отыскался, как ни странно, в тропиках. Им оказался и вовсе ни на кого не похожий — и не козел, и не антилопа — такин, обитатель горных лесов Индии, Бирмы, Непала, Южного Китая.

Научное название овцебыка — *Ovibos moschatus* (овцебык мускусный). Поэтому и по-русски животное называют то овцебыком, то мускусным быком. Первое название еще как-то соответствует действительности. Второе же лишь сбивает с толку, поскольку никаких особых мускусных желез у него нет, и ему, следовательно, не свойствен какой-либо специфический запах. По-эскимосски овцебык зовется умингмак, что значит «бородатый», или «бородач», и это название, наверное, самое удачное.

История овцебыков богата событиями. Когда-то они обитали только в Старом Свете. Во времена великих

оледенений они распространялись до юга Западной Европы—нынешней Франции, Англии, заселяли большую часть территории нашей страны. Перешеек, существовавший многие тысячи лет назад на месте Берингова пролива, послужил им мостом для перехода в Северную Америку. Здесь они тоже широко распространились, почти до юга современных Соединенных Штатов, и отсюда проникли в Гренландию.

Менялся климат, отступали к северу ледники, оставалось все меньше территорий, пригодных для овцебыков. Животные исчезали, и этому немало способствовал человек. Нет сомнения, что наш далекий предок ценил вкус мяса бородачей, превосходные качества их шкур, рога, как замечательный—прочный и упругий—материал для разных поделок. Тем более что добывать этих животных было проще простого. Они в состоянии защищаться, увы, только от четвероногих хищников.

В первую очередь стада их исчезли на своей исконной родине, в Евразии. На Таймырском полуострове был найден череп овцебыка, пробитый пулей, похоже, еще при жизни животного. Охотник, значит, был оснащен огнестрельным оружием. Отсюда можно предположить, что эти спутники и современники мамонта еще жили на Таймыре всего двести—триста лет назад. Именно к такому выводу пришел известный советский зоолог и палеонтолог Н. К. Верещагин. Позже, менее ста лет назад, овцебыки исчезли на Аляске. Известны не только места, где паслось последнее стадо, но и имена истребивших его охотников. Это были двое «белых» скупщиков пушнины. Никакими другими подвигами они себя не прославили и вряд ли предполагали сами, что таким путем войдут в историю.

Сильно сократилась численность овцебыков и в Канаде. И неудивительно: только Компания Гудзонова залива с 1862 по 1916 год скупала больше пятнадцати тысяч шкур этих зверей (а сколько их осело у самих добытчиков—эскимосов?). К началу нашего столетия овцебыки сохранились лишь на северо-востоке Канады и на востоке Гренландии, а общая численность их здесь была близка к двадцати тысячам.

По поверьям аляскинских эскимосов, овцебыки и до последнего времени продолжали жить здесь, они лишь вознеслись на небо и стали недоступными для нагреших охотников. Но теперь овцебыки снова вернулись на Аляску, и, конечно, не с небес. В 1930 году три десятка телят, пойманных в Гренландии, поселились в

вольерах недалеко от города Фэрбенкса. Впрочем, путь их сюда был не простым. Телят погрузили на пароход и вначале привезли в Норвегию. Затем, опять на пароходе, переправили в Нью-Йорк. Потом на поезде овцебыки пересекли Северную Америку и приехали в Сизтл, расположенный на Тихоокеанском побережье. Дальше переселенцы добирались морем, потом опять по суше и только тогда достигли окрестностей Фэрбенкса (но, увы, не все, часть животных погибла в дороге).

Вначале их поселили на поляне среди настоящего высокоствольного леса. Несмотря на столь необычные условия, животные прижились, в стаде каждый год появлялись новорожденные. Численность их, однако, не росла, и главными виновниками тому были медведи, высоко оценившие новый сорт дичи.

Пять лет спустя овцебыки снова были переселены, теперь на остров Нунивак, расположенный в Беринговом море. Это был период сильного потепления Арктики, трудное для новоселов время. Зимой часто случались гололедицы, выпадали глубокие снега. Но все же дела здесь пошли гораздо лучше. В 1939 году на острове жили уже пятьдесят овцебыков, в 1959-м— двести, а в 1969 году—восемьсот. В последние годы животных отсюда стали перевозить обратно на материк, и они там успешно приживаются. Впрочем, это не первый опыт переселения овцебыков. Еще в начале нашего века их пытались акклиматизировать в Швеции и Исландии, однако животные не смогли приспособиться к тамошнему климату, теплым и сырým зимам, и погибали. Удачнее оказались попытки выпуска овцебыков на севере Скандинавского полуострова, в Норвегии, и особенно на островах архипелага Шпицберген.

В общем, бородачи показали себя очень «прочными» зверями. Выяснилось, что им нипочем сильные морозы, но при необходимости они мирятся и с жарой. Они неплохо живут и даже размножаются во многих зоопарках, в том числе в Берлинском и Московском. Однако влажный климат для них губителен, они часто заболевают воспалением легких. Кроме того, мягкие зимы обычно означают оттепели и гололедицы, глубокие снега. В таких условиях овцебыкам трудно добывать корм, они голодают, перестают размножаться, а то и гибнут от истощения.

Зимой бородачи предпочитают держаться на плато и на склонах гор. Ветер сдувает отсюда снег, обнажая

участки со скудной растительностью, или слой снега бывает достаточно тонок для того, чтобы животные могли «копытить» себе корм. Весной, по мере того как стает снег, а также летом и осенью они придерживаются участков с наиболее богатой растительностью — речных долин и сравнительно низких участков тундры.

Характерная черта образа жизни бородачей — относительная оседлость. Бывает, что стадо проводит и год, и два в одной и той же долине, на одном и том же склоне. Способность овцебыков жить продолжительное время на сравнительно небольшой площади определяется их интересной экологической особенностью — они исключительно полно используют для питания окружающую растительность, как бы скудна она ни была.

Питаются животные в основном листьями и побегами полярных ив, осоками, злаками, арктическим разнотравьем — остролодочником, астрагалами, мытниками, поедают иногда лишайники и мхи.

Овцебыки живут стадами. Летом они обычно собираются в небольшие группы; самки и молодняк держатся отдельно от взрослых быков. В период спаривания, в августе — сентябре, самцы стремятся обзавестись гаремом; нередко он состоит из десяти и больше самок. Зимой самцы и самки, взрослые и молодые животные объединяются, и тогда стада их достигают наибольшей величины, иногда превышая сотню голов.

Мушают бородачи сравнительно поздно. Во время брачного сезона самцы ожесточенно дерутся между собой, разбегаясь и сталкиваясь рогами, как это делают бараны. В апреле или мае самка приносит теленка, обычно одного, и, как правило, кормит его молоком больше года. Плодовитость бородачей, следовательно, невысока. Животные, обитающие в Субарктике и Арктике, сильно различаются по своим биологическим особенностям. Первые начинают размножаться уже в трехлетнем возрасте, вторые — не раньше чем в четырехлетнем; в Субарктике коровы нередко телятся ежегодно, в Арктике — в лучшем случае через год. Если в Арктике стада могут увеличиваться в год всего на десять процентов, то в Субарктике — на двадцать пять.

Опыты переселения овцебыков преследовали прежде всего практические цели. Бородачи, как мы видели, очень неприхотливы к кормам, хорошо переносят невзгоды арктического климата и поэтому в состоянии обитать на самых северных участках полярной суши, даже там, где уже не могут жить северные олени. Их

по сути дела оседлые стада могут быть постоянно в поле зрения человека. Неизвестны случаи массовой гибели животных от каких-либо болезней. Они не конкурируют из-за кормов с северными оленями. Им не страшны хищники, даже волки. При нападениях хищников стадо занимает круговую оборону — образует круг, внутри которого оказываются телята и коровы, а снаружи — взрослые быки, вооруженные мощными и острыми рогами.

Что может получить человек от овцебыка? Во-первых, мясо. Оно похоже на говядину, но гораздо нежнее и ароматнее. Вес же бородача-быка может достигать полутонны, самка весит вдвое меньше. Во-вторых, шкуры, которые могут быть использованы как прекрасное кожевенное сырье или как мех. В-третьих, шерсть, вернее, пух, или подшерсток (эскимосы называют его гивиот), исключительно высокого качества; он ценится намного выше шерсти тонкорунных овец и даже прославленного пуха южноамериканских викуний или кашмирских коз. С одного убитого овцебыка собирают до пяти килограммов пуха, с прирученного (одомашненного) — вычесывают до трех килограммов. Цена одного килограмма этого пуха достигает в США ста долларов. И наконец, молоко приятного вкуса, жирное, как сливки.

Планы возвращения овцебыков в советскую Арктику, их реакклиматизации разрабатываются уже давно. Зоологи и охотоведы установили, что переселенцы найдут здесь неплохие условия для жизни, особенно в гористых и малоснежных участках наших тундр. А таких мест здесь много. Это Новосибирские острова, остров Врангеля, Таймырский полуостров, тундры севера Якутии и Магаданской области.

Разрабатывая эти планы, советские специалисты учитывали, что переселенцы заполнят пустующую экологическую нишу, станут потребителями скудной арктической растительности, а значит, будут способствовать вовлечению в хозяйственный оборот этих иначе не используемых пастбищ. Учитывалось и другое важное обстоятельство. Жизнь в Арктике находится в состоянии неустойчивого равновесия. Иначе говоря, здешний органический мир особенно уязвим и терпит большой урон при стечении неблагоприятных климатических обстоятельств либо под воздействием человеческой деятельности. Исчезновение какого-либо вида не проходит здесь бесследно, как это бывает в южнее располо-

женных районах, а зачастую ведет к глубоким изменениям в растительности и животном населении. Следовательно, с возвращением овцебыков в советскую Арктику органический мир ее становится как бы более прочным, более стойким. Поэтому-то с таким нетерпением ждали в СССР четвероногих переселенцев.

На Аляске, невдалеке от Колледжа, пригорода Фэрбенкса, мне довелось увидеть необычную ферму, принадлежащую местному университету. Она располагалась на просторной лесной поляне. Небольшой скотный двор, сарай, несколько загонов, обнесенных сеткой. Ворота большинства загонов открыты настежь, и животные могут выходить, когда им вздумается. На ферме живет около ста пятидесяти овцебыков разного пола и возраста. Управляются с ними два пастуха, и обоих зовут Билл. Билл-старший — старший и по возрасту, и по положению — работает на ферме третий год.

— Трудно ли иметь дело с овцебыками? — спросил я.

— Теперь-то работа у меня благодать. Раньше, когда я пас коров, приходилось куда тяжелее.

На ферме царит будничная, обыденная атмосфера. Пахнет сеном, навозом и как-то очень по-домашнему — самими животными. У яслей бок о бок с овцебыками хрумкает сено поджарый рыжий конь. Загоны маловаты, и уже с ранней осени скотину приходится подкармливать сеном и концентратами. Отличаются эти овцебыки от диких тем, что у них из соображений безопасности удалены рога. Однако, как считает Билл-старший, особой необходимости в этом не было: опасны лишь старые быки, и то осенью, в брачный сезон.

Весной на ферме самая горячая пора. В это время бородачи линяют, и пастухи собирают гивиот. Не только с коров, но и с большинства взрослых быков Биллы попросту выщипывают пух руками, обходя загоны утром и вечером. Лишь немногих быков, что отбились от рук, приходится загонять в специальный станок. Животные весной в общем-то и сами жмутся к людям, поскольку освобождение от клочьев ненужной зимней шерсти приносит им облегчение.

На первый взгляд может показаться, что «интеллект» бородачей невысок. Однако каждый, кому пришлось долго общаться с одомашненными овцебыками, придерживается противоположного мнения. Джон Тилл, американский биолог, страстный пропагандист идеи одомашнивания овцебыков, пишет, например: *«Работая на вермонтской ферме, я быстро убедился, что*

мускусные быки порой наблюдают за человеком не из столь уж праздного любопытства. Когда я запирал ворота загона, животные всегда внимательно следили за моими действиями. На скобу, вбитую в забор, я накидывал цепочку от ворот, а затем висячий замок. Причем защелкнуть замок мне и в голову не приходило. Как-то раз, когда я проделывал эти манипуляции, к воротам подошел один бык. Дождавшись, пока я закончу, он принялся дергать за цепь, пока не вывалился замок, и открыл ворота настежь. Вскоре этот трюк научились делать и его соплеменники, затрачивая на всю операцию не больше пяти минут.

Но самое забываемое для меня событие на вермонтской ферме произошло в тот день, когда стадо показало, что принимает меня за своего. Я работал в загоне, когда к забору подошли наши собаки. Быки же решили, что это не иначе как волки, которые готовятся к нападению. Но в тот момент я этого не успел понять—слишком быстро все произошло. Стука копытами и шумно сопя, стадо вдруг кинулось в мою сторону. Не успел я опомниться, как быки образовали вокруг меня оборонительный круг. Они защищали меня от собак, как своего детеныша!»

Одомашненные бородачи проявляют себя любопытными, общительными, даже веселыми животными. Любят игры, например, как заправские футболисты, с увлечением гоняют по загону мяч. Подражая людям, заходят в воду и подолгу, фыркая и сопя, резвятся здесь. Подбегают к знакомому человеку и ластятя, подставляют загривки. И пока человек треплет и гладит их густую шерсть, хитрецы шарят носами по его карманам в поисках чего-нибудь вкусного.

Возле фермы то и дело останавливались автомобили, и к сетке подходили люди, чтобы хоть издали взглянуть на необычный домашний скот. Большие щиты, выставленные у ограды со стороны шоссе, содержали ответы на возможные вопросы к пастухам. На них рассказывалось о том, для чего и как здесь разводят овцебыков. Впрочем, посетителей приводит сюда не только праздное любопытство. Свою ферму домашних бородачей намеревался организовать эскимосский кооператив на побережье Берингова моря, и к работе Биллов, к нравам и потребностям животных присматривались двое молодых эскимосов, будущие пастухи будущей фермы.

Еще в 1918 году канадский исследователь Арктики

Вельямур Стефанссон писал в своей книге «Гостеприимная Арктика», хорошо известной и советским читателям: «Мы привыкли думать, что корова и овца являются наилучшими возможными видами домашнего скота, и нам трудно поверить, что существует животное, которое, в случае его приручения, окажется более полезным... Я убежден, что в течение ближайшего столетия главным домашним животным в северной половине Канады и северной трети Азии будет овцебык, а не олень». В этих словах звучит, конечно, излишняя увлеченность, но ведь есть здесь и рациональное начало! Доказательства тому — фермы одомашненных овцебыков, и экспериментальные и производственные, уже существующие в США, Канаде, Норвегии и дающие их владельцам неплохой доход.

Привьется ли эта отрасль животноводства и в нашей стране, в колхозах и совхозах Крайнего Севера, покажет будущее. Важно, что в Советском Союзе появились овцебыки. Первая маленькая партия их приехала в 1974 году из Канады, с арктического острова Банкс. А через год с Аляски, с острова Нунивак, в СССР переселилось уже стадо из сорока овцебыков.

КАК ЛОВЯТ ОВЦЕБЫКОВ

Ранней весной, как, впрочем, и в другие сезоны года, погода на Севере неустойчива. Кратковременные оттепели сменяются сильными морозами, и тогда поверхность заструг покрывается блестящей и скользкой ледяной коркой, а холодный, влажный ветер кажется особенно лютым. Не реже, чем зимой, и не слабее зимних бывают и пурги. Однако только в это время случаются те

удивительно ласковые, тихие и солнечные дни, когда температура воздуха еще далеко не доходит до нуля, но все живое, будь то человек или лемминг, владеющий под снегом надежным и уютным жилищем, стремится выбраться на первый солнцепек, под ливень солнечного света и тепла.

Такая пора наступила, и ловцы—а к их числу относилась бóльшая часть взрослых мужчин Мекорьюка—спешили, тем более что для многих это была единственная возможность заработать. Обожженные ветром и солнцем, они появлялись в деревне с очередной партией овцебыков и тут же вновь отправлялись к местам промысла.

На этот раз вместе с охотниками в глубь острова выехали почти все участники нашей экспедиции. Мы с Вадимом Сергеевичем ехали, чтобы на месте отобрать наиболее пригодных для переселения овцебыков и, конечно, чтобы получить представление о самой процедуре их ловли. Мерлин Перкинс и кинооператоры должны были запечатлеть на пленку сцены предстоящей охоты. С ними ехал механик, чтобы поддерживать в рабочем состоянии их мотонарты. Отказано было в поездке только Раисе. Не женское, мол, это дело—гоняться за дикими овцебыками. Однако вслух Джерри мотивировал свой отказ деликатнее, сказав огорченной переводчице, что «на ее долю не досталось исправных мотонарт».

Сборы, как обычно, затянулись. Наконец разномастное ревущее стадо мотонарт, некоторые с тяжелыми санями на прицепе, вырвалось из Мекорьюка. Темпермент водителей проявился уже на первых метрах пути. Передовые нарты тронулись с места на предельной скорости. Мотостадо вытянулось в цепочку, длина которой то сокращалась, когда кто-нибудь выскакивал в сторону и, мчась по целине, пытался если не возглавить кавалькаду, то хотя бы кого-нибудь обогнать, то снова увеличивалась, когда строй восстанавливался. Приметные «мотоджигиты» то забирались в начало колонны, то оказывались оттертыми чуть ли не в самый хвост. Но никому не удавалось обойти передовую нарту. Впереди неизменно маячил красный, круглый, как скафандр космонавта, шлем Генри Иванова. Хотя нунивакский эскимос Иванов приходился всего лишь однофамильцем нашим землякам, его упорство и ловкость воспринимались с чувством какой-то особой гордости.

Конечная цель этого выезда—горы Близнецы в центре острова. Как рассказали недавно побывавшие там разведчики, на склонах Близнецов держится несколько стад овцебыков, и среди них немало двухлеток, которых особенно не хватает в загонах.

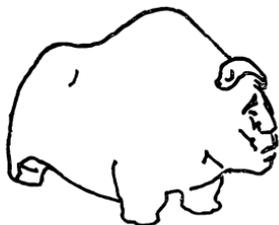
Гонки длятся час, другой, третий. Темп им задают два-три заводилы, включая, конечно, Генри. Иногда к ним пристраивается наш Джерри. У него, чувствуется, большой стаж езды на мотонартах. Азартным гонщиком оказался и Вадим Сергеевич. Его приметную черную куртку я все время вижу перед собой. Он даже перенял «почерк» у местных лихачей и едет не сидя, а стоя то на коленях, то в полный рост.

На моих мотонартах есть спидометр (ездить можно и без этого прибора, и его ставят далеко не на каждую машину). На самой кочковатой дороге, когда поперек пути лежат частые заструги, скорость достигает двадцати миль (около тридцати километров) в час. Выскочив на гладкий речной лед, водители дают полный газ, и стрелка спидометра уходит к тридцати, а то и к тридцати пяти милям. Это почти пятьдесят километров в час, скорость для мотонарт предельная. При встрече с каждым застругом и даже бугорком нарты взлетают в воздух и тут же тяжело плюхаются оземь. Удары отдаются где-то во внутренностях, и начинает казаться, что там не только все сместилось со своих мест, но и безнадежно перепуталось. Глаза забивает поднятая гусеницами мелкая пыль, и плохо видно. В горле першит от выхлопных газов впереди идущих нарт. Лицо обжигает встречный ветер, поэтому многие из моих спутников в меховых или шерстяных масках и почти все в защитных очках.

Конечно, такая сумасшедшая езда далеко не всем по вкусу. Но никто не отстает, и вообще нет желающих ехать последними. Почему, я вскоре понял. Машины нередко ломаются, но если сзади едут люди, дела не так уж плохи, в четыре, а то и в шесть рук отремонтировать нарты удастся быстрее, чем одному. В крайнем случае с «калекой» можно пристроиться на чьих-то санях, а ремонтом заняться на привале или дома.

Но вот наконец Близнецы—две стоящие рядом, довольно крутые и очень похожие друг на друга горушки. На вершинах и на склонах чернеет земля. Это как раз то, что нужно овцебыкам, их типичные зимние пастбища. Животных пока не видно, хотя они находятся где-то там, наверху.

Двухлетние овцебыки весят килограммов по полтора, и под их рога лучше не попадать. Не удивительно, что теперь, на привале, где разрабатывается окончательный план операции, лица охотников посерьезнели, хотя вообще-то эскимосы любят посмеяться и улыбки редко сходят с их лиц. План принимается такой. Из двух десятков ловцов (конечно, каждый на мотонартах; кинооператоры и мы с Вадимом Сергеевичем не в счет) половина объезжают горы, заходят стадам в тыл и сгоняют их в долину. Другие ловцы должны оставаться здесь и быть с сетями наготове: овцебыки с их короткими ногами не могут долго бежать по глубокому снегу. Хорошее знание местности и повадок животных позволяет нашим командирам предвидеть дальнейший ход событий, и они заранее расставляют кинооператоров на самых бойких местах. Нам с Вадимом Сергеевичем предоставлена полная самостоятельность, и мы немного поднимаемся по склону, чтобы видеть все поле боя.

— Берегитесь! — послышался вдруг отчаянный женский крик. Я обернулся и увидел, что со склона, противоположного тому, откуда мы ждали стадо, прямо на нас галопом мчатся овцебыки. Головы бородачей опущены, рты приоткрыты, изо рта и ноздрей вырываются облачка пара.

Дерева, на которое можно было бы залезть, здесь не найдешь, пытаться убежать бесполезно. Вадим Сергеевич бросился было к мотонартам, но замерзший мотор не заводился.

«Нападение — лучшая защита», — промелькнуло в голове, и с криком «Стой!», размахивая над головой руками, я побежал стаду навстречу. Расчет оказался верным. В нескольких шагах от нашего наблюдательно-го пункта животные остановились, а затем развернулись и, тяжело дыша, потрусили в гору.

— А я ведь думал, что затопчут,—с облегчением произнес Вадим Сергеевич, вытирая шапкой потное лицо.

С соседнего пригорка пешком спускалась Раиса. Это ее крик нас насторожил и, быть может, даже спас.

Раиса оказалась человеком упрямым, предприимчивым, и отказ Джерри ее несколько не обескуражил. Проводив ловцов, она стала искать, кто бы мог довести ее до Близнецов. Единственным мужчиной, оставшимся в деревне и владевшим исправными мотонартами, был патер Чарли. К нему-то и обратила Раиса свои чары и красноречие, конечно, вместе с обещанием неплохо заплатить. Зерна упали на подготовленную почву. Патер встретился мне накануне вечером. На мой вопрос, поедет ли он ловить овцебыков, он ответил, что очень хочет (какой эскимос может устоять перед таким соблазном?), но стесняется посторонних и колеблется: «А вдруг неприличествует это занятие моему сану?» В общем долго уговаривать его, видимо, не пришлось, и вот наша симпатичная переводчица здесь.

Между тем загонщики уже согнали стадо в долину. Утопая по брюхо в снегу, животные было встали, заняв круговую оборону, но тут же вновь пустились галопом, высоко подкидывая зады и теряя космы длинной темно-бурой шерсти. Пробежав еще с сотню метров, загнанные овцебыки окончательно остановились.

Существуют разные приемы ловли этих животных. Когда-то, чтобы завладеть живыми телятами, поступали примитивно и нерасчетливо: несколько человек подходили к стаду, занявшему круговую оборону, и убивали всех взрослых овцебыков. Молодые (они не уходят от убитых матерей) становились уже легкой добычей. С появлением специального снаряжения и препаратов намеченных к отлову животных стали предварительно обездвигивать, как правило, используя в этой операции вертолет. Иногда с помощью вертолета овцебыков подгоняют к скалам и здесь ловят петлями. Практикуется и такой способ: совместными усилиями вертолетов и большого числа людей животных загоняют в озеро (овцебыки неплохо плавают) и ловят с лодок.

Нунивакские эскимосы пошли своим, непроторенным путем и достигли очевидного успеха. Поимка животных на острове обходится дешевле, чем где бы то ни было, а гибели овцебыков при отлове почти не

бывает. Загнав в глубокий снег стадо, ловцы безбоязненно и безнаказанно въезжают в глубь его на мотонартах, разделяют его и в первую очередь отгоняют взрослых быков—их тут же отпускают на волю. Группы, в которых есть молодежь, отделяют одну от другой. Каждую из них затем дробят (лишних зверей также отпускают) до тех пор, пока не останутся только нужные животные, то есть овцебыки, пригодные для переселения, определенного пола и возраста, не имеющие заметных увечий.

Все это было проделано в считанные минуты. Убедившись, что «товар» заказчиком нравится, ловцы приступили к самому главному. В ход пошел бредень, сплетенный из толстого желтого шнура. Ловят им овцебыков в принципе так же, как добывают в наших прудах карасей. Набрасывают сеть двое, но, чтобы удержать запутавшегося зверя, требуются усилия многих людей.

На снегу со спутанными ногами уже лежало несколько пленников. Очередной бычок прыгал в сетке, но повалить его никак не удавалось. Я побежал на подмогу ловцам, но меня опередил человек, которого я сразу узнал, хотя и видел только со спины. Он лихо бросился на добычу, и бычок вмиг был повержен на снег. Человек повернулся ко мне лицом и лукаво подмигнул. Это был патер Чарли. В глазах его горел охотничий азарт, и было ясно, что бывшие сомнения священника совершенно рассеялись...

Стада пригонялись с гор постепенно, и у ловцов не было больших перерывов в работе, как, впрочем, и чрезмерных перегрузок. Можно было только удивляться такой слаженности в их действиях, уверенности и спокойствию. Они мельтешили на мотонартах под самыми мордами у старых и действительно опасных быков, управляли стадами так, словно это был домашний скот. У каждого была своя специализация—кто набрасывал сеть (для меня не было неожиданностью, что главным «рыбаком» оказался Генри Иванов), кто первым кидался на добычу, кто держал веревочные путы, чтобы сразу связать ими пленнику ноги.

Конечно, случалось и непредвиденное. Бычок, по какой-то причине забракованный ловцами и отпущенный на все четыре стороны, не стал догонять стадо, а помчался было к кинооператору, возможно, уловив в единстве человека, штатива и кинокамеры какое-то сходство с родителями и собратьями. Но когда опера-

тор пустился бежать от него, утопая по колено в снегу, бычок одумался и побрел за соплеменниками. Другой бычок со спины подкрался к пешему охотнику (кстати, самому пожилому из ловцов) и поддел его рогом. Человек упал, но отделался легко: удар смягчили несколько слоев теплой одежды. Овцебыка отогнали, а пострадавший поднялся на ноги, отряхнулся и опять включился в работу. Если первое происшествие вызвало у охотников сдержанные смешки, то по поводу второго раздался дружный смех, причем громче всех смеялся сам пострадавший.

Охота подходила к концу. Снег в долине был истоптан, испещрен следами гусениц и выглядел так, будто здесь и в самом деле шли бои. Тут и там на снегу или уже на санях чернели неподвижные фигуры связанных пленников. Усталые и возбужденные, охотники стягивались к краю долины, собирались в кучки. Появились бензиновые плиты, примусы, коробки с продовольствием и посудой. Как это бывает только на морозе, особенно сильно и вкусно запахло свежесваренным кофе.

Загоны постепенно пополнялись животными. Рядом с загонами визжали пилы, стучали молотки, из толстой фанеры и деревянных брусков строились транспортные клетки. Потом началась перевозка бородачей на материк, в Бетел, где могут садиться большие самолеты. Незаметно подошел и день нашего расставания с островом, с друзьями-островитянами.

В Бетеле мы встречали советский авиалайнер, прилетевший сюда впервые в истории. Еще шла погрузка клеток с овцебыками, когда заморосил дождь, первый в этом году. Ко времени вылета самолета разразился настоящий ливень.

— Хорошая примета! — радостно воскликнул провожавший нас доктор Лент. — Вам везет! Значит, переселение будет удачным!

Из сорока аляскинских овцебыков двадцать поселились на острове Врангеля и двадцать — на Таймыре.

Некоторые из них не смогли перенести первой арктической зимы. Акклиматизация живых организмов — процесс длительный, нелегкий, и на первых порах биологов нередко ждут огорчения. Однако большинство животных выжили на родине своих предков, возмужали, начали давать потомство. Первые телята появились в 1977 году на острове Врангеля, а в следующем году — на Таймыре. Все больше крепнет надежда на успех этого опыта. Похоже, что доктор Лент не ошибся!

Чтобы попасть рейсовыми самолетами из Москвы на Нунивак, нужно пересечь Атлантический океан и почти целиком два материка — Европу и Северную Америку.

Один только перелет через Атлантику длится около десяти часов, а океан даже для современного авиалайнера остается океаном. Этот отрезок пути запомнился мне особенно хорошо. После взлета в Лондоне (здесь по дороге в Нью-Йорк самолет Аэрофлота делает короткую остановку) стюардесса с милой улыбкой, будто речь идет о чем-то очень приятном, показывает, как пользоваться надувным спасательным жилетом в случае вынужденной посадки на воду.

Заканчивая объяснения, стюардесса достает из нагрудного кармашка распухшего оранжевого жилета милицейский свисток и, одаривая пассажиров прямо-таки чарующей улыбкой, говорит, что желающие спасаться при аварии самолета должны также подавать звуковые сигналы. Когда стюардесса подносит к губам свисток, мой сосед вздрагивает и бледнеет. Может быть, он уже попадал в такой переплет и прибегал к помощи свистка?

Мало-помалу, однако, пассажиры успокаиваются, погружаются в чтение или в беседу, а чаще в сон. Ухо

перестает улавливать однообразный гул моторов. Дело происходит днем (при движении на запад сутки как бы растягиваются, их светлой части хватает на весь перелет через Атлантику), и видно, что за бортом расстилается безбрежный океан то воды, то ватно-белых облаков.

Лишь на шестом часу полета людей выводит из полудремы чей-то радостный возглас:

— Земля!

Головы тянутся к тесным округлым оконцам. И впрямь земля! Так же как Колумб со спутниками, рады ей и теперешние авиапутешественники.

Показался архипелаг каких-то мелких островков. Миновав их, самолет опять долго летит над морем. Но все равно это уже Америка. Пассажиры оживляются.

Ночуем в Нью-Йорке, а утром — снова в самолет. Летим по бойкой протяженной трассе Нью-Йорк — Вашингтон — Токио в Анкоридж — «воздушные ворота» Аляски. Теперь мы становимся пассажирами «летающего вагона» — «Боинга-747». Это действительно махина. Перевозит сразу триста пятьдесят человек; даже загружают сюда пассажиров не как обычно, а при помощи специальных контейнеров. В каждом ряду самолета по десять кресел, между ними два прохода. Есть даже второй этаж, куда ведет усталая ковровым покрытием лестница. На втором этаже гораздо просторнее и уютнее, чем на первом, но сейчас здесь совершенно безлюдно. Это первый класс.

С Вадимом Сергеевичем нас разлучили: для курящих и некурящих в самолете разные отсеки. Я оказываюсь в компании с японцами, то ли туристами, то ли деловыми людьми. В Нью-Йорке они, видно, недоспали и теперь, сняв ботинки, свернувшись в креслах калачиками — а это удастся не каждому, — наворачивают упущенное. Впрочем, к завтраку или обеду они просыпаются, стюардесса с особого лотка протягивает им чашки с вареным рисом вместо хлеба и пластмассовые палочки вместо вилок. Кое-что японское перепадает и на долю остальных путников. Всем, например, перед едой раздаются «о-сибори», небольшие горячие и влажные салфетки. Стюардесса предварительно окунает их в кипяток и выжимает: «О-сибори» предназначены для обтирания лица и рук, и эта процедура в самолетной духоте оказывается совсем не лишней.

Пассажиров в воздухе не только кормят, но и развлекают. Одновременно на нескольких экранах кру-

тят кинофильм, даже довольно свежий и популярный. Изображение можно смотреть бесплатно, но звук слышен только через наушники, и желающие получают их напрокат у стюардессы за два доллара.

Долго летим над Соединенными Штатами, затем над Канадой и вновь оказываемся в США. Это уже Аляска. Очень жаль, что под нами все время были сплошные облака и увидеть Америку с воздуха не удалось. Когда мы улетали из Москвы, стояла зима, поля вокруг Шереметьева были сплошь покрыты снежной пеленой. В Лондоне не было и следа снега, нудно моросил дождь и зеленели, поблескивая влагой, газоны. В Нью-Йорке было еще теплее и даже цвели какие-то экзотические деревья. Но в Анкоридже мы снова очутились в зиме. Мела поземка, пешеходы на улицах зябко ежились, пряча лица в поднятые капюшоны своих разноцветных парок.

До городка Бетела, лежащего в низовьях Кукоквима, еще можно добраться рейсовым реактивным, правда, небольшим самолетом. На этой трассе пассажира еще поят в воздухе прохладительными напитками симпатичные стюардессы, с лиц которых не сходит профессиональная улыбка, предлагают полистать пухлую американскую газету или журнал, заключенный в пластиковую обложку с надписью: «Не уносить. Собственность авиакомпании». Словом, путешественника здесь еще окружает привычный авиационный комфорт, а сами самолеты летают, более или менее придерживаясь расписания, конечно настолько, насколько позволяет аляскинская погода.

Из Бетела летают на остров Нунивак совсем маленькие самолеты или вертолеты. Конечная цель, кажется, теперь уже совсем рядом. И верно, обычно этот перелет длится всего около часа, но «близко» вовсе не значит «легко» или «просто». Отсюда недалеко до моря, большую часть года свободного от льдов, а это значит, что трасса Бетел—Нунивак часто и надолго бывает затянута туманом и вообще здесь преобладает неважная погода. И если летчики всего мира не любят забираться в туман, к летчикам Аляски это относится вдвойне. Конечно, не потому, что пилоты здесь трусливее или не так квалифицированы. Вовсе нет. Дело в том, что по числу мелких частных самолетов на душу населения Аляска, по-видимому, занимает первое место в мире. Эти летательные аппараты мельтешат в воздухе практически в любом месте и в

любое время. Они, как правило, не оснащены радарам, и столкновения их в тумане и вообще при ограниченной видимости дело весьма обычное. Далеко не каждый день пригодна для приема самолетов и посадочная площадка на самом острове. Поэтому мы просидели в Бетеле трое суток. Нам еще повезло, другие сидят дольше.

Последний этап пути был преодолен на крошечном самолете, где пассажиры размещаются в невероятной тесноте. Туман, надежный страж острова, и на этот раз оказался на своем «рабочем месте». Там, где полагалось быть острову, еще издали показались облака, повисшие над самым морем. Самолет постепенно приблизился, нырнул в них — и очутился в серых, липких сумерках. Некоторое время длился слепой полет, а затем, видимо положившись на интуицию, пилот вдруг резко отжал от себя штурвал. Туман еще больше сгустился, ключья его, казалось, заскребли по самолетной обшивке, но тут же колеса запрыгали по ухабам. Мы прилетели в Мекорьюк.

Современная авиация сократила расстояния. Бывший когда-то необъятным, земной шар превратился просто в «шарик». Тем не менее наш путь из Москвы на Нунивак оказался долгим — в общей сложности он едва уложился в пять суток, в том числе больше чем в сутки летного времени. Мы перенеслись за многие тысячи километров и оказались буквально на противоположном краю Земли, поскольку разница во времени между Москвой и Нуниваком составляет двенадцать часов.

Домой мы улетали другим путем, через Чукотку. Чтобы бородачи не очутились в разреженной атмосфере и не пострадали от горной болезни, нужно было лететь низко. И наши летчики пошли на это, несмотря на заметный проигрыш в скорости и лишний расход горючего. Чтобы иметь под боком запасные аэродромы, самолет не сразу взял курс на запад, а сначала полетел на север, вдоль аляскинского побережья. И тем не менее ровно через два часа после вылета мы садились на Чукотке, на мысе Шмидта. Был морозный, солнечный, но уже «завтрашний» по сравнению с Аляской день. Посередине Берингова пролива лежит линия перемены дат, и с пересечением ее, если двигаться на запад, прибавляются одни сутки.

— Оказывается, до Нунивака-то рукой подать! — выходя из самолета, сказал Вадим Сергеевич.

СОРОК ДЕВЯТЫЙ ШТАТ

Ковш
Большой
медведицы и
Полярная звез-
да—восемь золотых
звезд на ярко-голубом
фоне—таков флаг штата
Аляска. История о том, как
родился этот флаг, здесь попу-
лярна, и ее может рассказать вам каж-
дый встречный.

БОЛЬШАЯ
МЕДВЕДИЦА
И НЕЗАБУДКИ

В 1926 году, задолго до обретения Аляской самоуправления, в аляскинских школах проводился конкурс на лучший проект флага будущего штата. Идею, предложенную тринадцатилетним Бенни Бенсоном, жюри признало наиболее удачной. В пояснении к рисунку Бенни написал: «Голубой фон—это цвет незабудок (кстати, и по-английски они называются Forget-me-nots—«не забывай меня») и нашего неба. Полярная звезда и Большая медведица—это будущий самый северный штат в стране». Говорят, правда, будто Бенни Бенсон был круглым сиротой и поэтому, дескать,

мнение жюри было не беспристрастным. И что, если бы родители Бенни были живы, флаг Аляски, возможно, выглядел бы иначе.

Так или иначе, но флаг с Большой медведицей и Полярной звездой на голубом фоне можно увидеть на Аляске повсюду—в магазинах, школах, аэропортах, правительственных учреждениях—и в сочетании со звездно-полосатым флагом США, и отдельно.

Идею Бенни Бенсона и в самом деле нельзя не назвать удачной. Аляска действительно самый северный штат в США, и с юга сюда можно попасть, ориентируясь по Полярной звезде. Воздух здесь, как правило, чист и прозрачен, поэтому аляскинские краски яркие, а небо нередко бывает насыщенно-голубым. На Аляске, как и повсюду на Севере, незабудки, пожалуй, наиболее милые сердцу цветы. И хотя они тянутся к солнцу на очень коротких стебельках, цвет их удивительно сочен.

Бенни, возможно, даже недооценивал свою идею. В золоте звезд на флаге штата не только отразился тусклый блеск заключенных в его земле золотого песка и самородков. Мне кажется, в нем запечатлелись и буйство красок золотой осени на Юконе и Кускоквине, и живое золото лососевых рыб, пробирающихся по речным мелководьям на нерест. Голубой цвет—это и рокошующие в горах ручьи, и бесчисленные озера. А Большая медведица—не только одно из самых приметных созвездий в небе Аляски, но и как бы символ обитающих здесь гигантов—кадьяхских бурых медведей.

Немногим больше ста лет назад царское правительство продало Аляску Соединенным Штатам Америки. 30 марта (старого стиля) 1867 года в Вашингтоне был подписан «Договор между Соединенными Штатами Северной Америки и его величеством императором всероссийским об уступке русских владений в Северной Америке Соединенным Штатам», а в хмурый осенний день 18 ноября того же года на флагштоке городской площади Ново-Архангельска поднялся звездно-полосатый флаг. Состоялась передача Русской Америки ее новым хозяевам.

Ко времени продажи Аляски Ново-Архангельск считался крупнейшим городом на всем Тихоокеанском побережье Северо-Американского материка. В городе высились кафедральный собор, театр, обсерватория, были школы—мореходная и даже музыкальная, музей и адмиралтейство, многочисленные дома—большинство

из них под железной крышей,—склады, мастерские. Здесь строили пароходы и вычерчивали карты, ткали холсты и сукна, выплавляли медь, работали лесопилки и кузницы. В Павловской гавани на Кадьяке кроме жилых домов были выстроены склады и мастерские, конторы, больница с мужским и женским отделениями. Владения Российско-Американской компании считались по тому времени неплохо организованными и разделялись на шесть отделов, самым многочисленным из которых считался Кадьякский. За ним шли Уналашкинский и Ново-Архангельский, а самым малолюдным слыл Северный, или Михайловский, близ устья Юкона.

И весь этот громадный край с его лесами и недрами, реками и озерами, городами и поселками был продан Соединенным Штатам за 7,2 миллиона долларов, всего лишь по пять центов за гектар! Это было одно из самых значительных и самое дешевое из территориальных приобретений Соединенных Штатов за всю историю их существования. Поначалу Аляску называли в Америке «ледяным мешком», или «глупостью Сьюарда»: переговоры о ее приобретении вел с представителями русского правительства государственный секретарь США Вильям Сьюард.

— Аляска—пустынная, бесплодная страна, покрытая снегом и льдом, там никогда не поселятся предприимчивые люди,—утверждал один из конгрессменов.

— Приобретение этих мрачных пустынных земель ни на доллар не обогатит нашу казну и не даст ни единого крова для американцев,—предсказывал другой.

Целых семнадцать лет Аляска оставалась без гражданского управления и законодательства. Единственными представителями властей США в первые годы здесь были американские солдаты, нередко творившие произвол и насилие. Ветшали и разрушались дома, склады, верфи Ново-Архангельска и Павловской гавани. Как пишет очевидец, лишь приход почтового парохода нарушал в те годы летаргию некогда цветущих городов. Катастрофически сокращались запасы каланов и морских котиков, китов и моржей. Только в 1884 году на Аляску распространился статут территории Орегон (мало, впрочем, применимый к «Большой стране»), сюда были назначены губернатор и несколько государственных чиновников.

О ней заговорили в самом конце прошлого столетия, когда здесь было обнаружено золото. Но «золотая лихорадка» быстро кончилась, и об этом крае опять

забыли; вплоть до второй мировой войны, когда на Аляске началось сооружение военных баз.

Интерес к Аляске не пропал и в послевоенные годы. Увеличивалось ее население, развивалась лесная и рыбная промышленность, росли города. Возникали и быстро разрастались военные базы. После войны этот край открыли туристы, любители-рыбаки и охотники. Однако Аляска все еще считалась одним из внешних владений США (в таком же положении находились Гавайские острова), и права аляскинцев по сравнению с другими гражданами страны оставались ограниченными.

«Аляска должна стать равноправным штатом!» — так высказалось подавляющее большинство ее жителей на состоявшемся в 1946 году референдуме по поводу будущего административно-политического устройства «Большой страны». В том же году конгресс США впервые рассматривал проект такого закона. Однако прошло двенадцать лет, прежде чем закон был принят. Лишь в 1958 году Аляска обрела местное самоуправление и стала сорок девятым штатом Америки.

АЛЯСКИНСКИЕ «ЛИХОРАДКИ»

Первой была «золотая лихорадка». Началом ее принято считать 1897 год, когда отсюда в Калифорнию на пароходе «Портланд» вернулись шестьдесят восемь рудокопов. В мешках, чулках, бутылках они привезли сразу полторы тонны драгоценного металла. Однако эти счастливицы обнаружили аляскинские сокровища не первыми. О месторождениях золота в «Большой стране» знали уже во времена

Русской Америки, а в начале шестидесятых годов прошлого столетия, незадолго до продажи Аляски, старатели разрабатывали золотые россыпи на реке Стикин на крайнем юго-востоке Аляски. Еще тогда на морском побережье, возле устья реки, вырос пестрый старательский городок из палаток и шалашей, крытых ветками и древесной корой. Это была как бы прелюдия к следующим, главным, вспышкам «лихорадки».

В 1898 году на Аляску устремились тысячи, а в следующем году десятки тысяч искателей удачи. С побережья через устья рек Скагуэй и Коппер (Медной) либо вверх по Юкону толпы их потянулись в глубь полуострова, к сказочному Клондайку. Но находились оптимисты, которые начинали промывать песок, едва высадившись на сушу, у самого морского побережья. И, как показала жизнь, не напрасно. Так попутно, мимоходом, оказались открытыми золотые россыпи Нома.

Сначала золото было найдено на неприметном ручье Анвил (потом это название стало известно во всем мире), и летом 1899 года в его устье, на продуваемой злыми ветрами морской косе, уже выросли первые постройки из плавника. Конечно, еще не они задавали здесь тон: на косе располагались в основном палатки. В 1900 году в лагере жило больше двадцати тысяч золотоискателей. Но в Номе строились уже и настоящие дома, прокладывались настоящие дороги. А через пять-шесть лет город достиг своего полного расцвета, и его не без основания стали звать «аляскинским Парижем». Открылись магазины и рестораны, танцевальные залы и банки, гостиницы и церкви, стали издаваться сразу две газеты. 1906 год был годом взлета местной золотодобычи: стоимость ее составила более 7,5 миллиона долларов—больше того, что заплатило правительство Соединенных Штатов при покупке Аляски.

Взлет, однако, был недолгим. Уже в следующем году стало ясно, что «пенки сняты», что россыпи истощены. К тому же продукты доставлялись сюда с переборами и на них назначались астрономические цены. В Номе то и дело случались голодовки и эпидемии тифа. «Аляскинский Париж» ветшал так же быстро, как когда-то расцветал. Он все меньше привлекал к себе искателей удачи. Многие бежали отсюда, так и не приступив к разработке застолбленного участка.

Жизнь в городе угасала. Едкий дым разъедал глаза горожанам—горели тундровые торфяники. Огонь под-

бирался к баракам, складам, промышленным сооружениям. Вечная мерзлота рушила постройки, корежила и заглатывала дороги... Почти одновременно с Номом «золотая лихорадка» вспыхнула в Танане, в районе современного Фэрбенкса, и ее история очень походила на историю предыдущей.

Вслед за золотой на Аляске разразилось что-то вроде «медной лихорадки» — взлет добычи меди, главным образом на юге страны и особенно на реке Коппер, достигший своего зенита в 1916 году.

Очередной острый приступ «лихорадки» Аляска переносит в наши дни. Теперешняя причина бума — нефть. О выходах нефти тоже было известно еще «русским американцам». Например, в 1851 году ее обнаружили на побережье залива Кука, там, где теперь высятся буровые вышки и идет промышленная разработка нефтеносных пластов. В середине сороковых годов нашего века открылась перспектива добычи «черного золота» на крайнем севере Аляски, а в 1968 году в заливе Прадхо, на самом побережье моря Бофорта, дала нефть первая буровая. Точнее говоря, это был спутник нефти — природный газ. Бурильщики отвели его в пустую скважину и бросили туда зажженный факел. Вверх устремился огромный язык пламени — летчики будто бы видели его с противоположной стороны хребта Брукса, с расстояния почти в сто пятьдесят километров. Это случилось в два часа дня 18 февраля 1968 года. Считается, что этот день и был началом аляскинской «нефтяной лихорадки».

Вскоре выяснилось, что здесь находится богатейшее из когда-либо открытых в Соединенных Штатах и одно из крупнейших в мире месторождений нефти и газа, способное покрыть десять процентов потребностей страны в жидком и газообразном горючем. Бурились новые скважины, и одновременно решался вопрос: как вывозить нефть из арктической Аляски? Возникали и отклонялись разные проекты перевозки — обычными танкерами, подводными танкерами, по воздуху. Выбор был сделан в пользу постройки через всю Аляску нефтепровода длиной почти в тысячу триста километров — от залива Прадхо до Валдеза, тогда еще небольшого рыбацкого поселка невдалеке от Анкориджа.

Строителей нефтепровода ждали, однако, немалые трудности. На первых же порах выяснилось, что просто на землю трубы класть нельзя — они будут сильно нагреваться (нефть выходит из земных недр

горячей), растопят вечную мерзлоту и утонут в грунте. Другим, даже более важным, препятствием на пути нефтепровода стали многочисленные протесты аляскинцев и судебные иски к нефтяным компаниям.

«Сооружение нефтепровода нанесет природе непоправимый урон, обезобразит ее. Нефтепровод уничтожит большие площади оленьих пастбищ и будет препятствовать миграциям северных оленей. Он создаст угрозу нерестилищам рыб и гнездовьям птиц»,— били тревогу и профессиональные ученые-экологи, и натуралисты—любители природы.

Оснований для тревоги было более чем достаточно. Старожилы еще хорошо помнят разгульные орды, нахлынувшие сюда в годы «золотой лихорадки», и, конечно, каждый видит теперь ее следы. Это и безжизненные отвалы, что на десятки километров тянутся вдоль рек и ручьев, и громадные проплешины в лесах—старатели варварски жгли и рубили их. Еще больший ущерб обещало принести строительство нефтепровода. Ведь нефтяные загрязнения губят все живое, а природа Севера освобождается от них очень медленно. Нефтепровод должен пройти в тех местах, где возможны землетрясения, а следовательно, постоянно будет существовать угроза больших аварий и разлива нефти. Вообще добыча нефти—это горячие «факелы», выбросы в воздух сернистого газа, гибель на больших площадях лишайников.

Борьба между компаниями и защитниками природы длилась четыре года. Победили компании, однако лишь после того, как они изрядно потратились на экологические исследования, после того, как в проект строительства были внесены кое-какие изменения. Защитники природы настояли, например, на том, чтобы в районе хребта Брукса трасса трубопровода обошла стороной район гнездования соколов-сапсанов и кречетов. Чтобы сохранить нерестилища чавычи и хариуса на реке Джим, пришлось строить переправу в другом месте, чем предполагалось в первоначальном проекте. Почти половину нефтепровода стали прокладывать над землей на специальных опорах. На путях миграций оленей, наоборот, трубы было решено спрятать в траншее, но предварительно планировалось их искусственное охлаждение.

Мои приезды на Аляску совпали с временем бурного строительства нефтепровода. Уже в 1974 году по его трассе проходила широкая, засыпанная гравием дорога,

громоздились штабеля толстых труб, суетились ярко-желтые тракторы, бульдозеры, автокраны. На Аляску в надежде найти здесь работу ехали толпы людей, ими были переполнены аэропорты, морские и железнодорожные вокзалы. Жизнь в штате с каждым днем дорожала. Нефть и нефтепровод были главной темой для местных газет и радио.

Сварка последнего стыка труб закончилась 30 мая 1977 года. Завершилось строительство, стоившее миллиарды долларов. В этот день на торжественной церемонии представители компаний заверяли аляскинцев, что их фирмы обрели наконец «экологическую совесть» и что интересы природы штата им теперь ближе, чем кому бы то ни было. Однако не прошло и двух месяцев, как на нефтепроводе начались пожары, взрывы, разрывы труб. В первое же лето его эксплуатации при авариях погибло несколько рабочих. Черные кляксы разлитой нефти вытравивали растительность на больших пространствах тайги и тундры. И это еще не все. Нефтепровод принес на Аляску язвы и многие беды больших американских городов, здесь резко возросли преступность, наркомания.

На Аляску ехали и едут люди.

— Зачем вы приехали? — Еще двадцать — тридцать лет назад на этот вопрос большинство ответило бы: «Заработать». Теперь большинство приехавших скажут: «Подышать свежим воздухом, пожить в тишине, под голубым небом». Свежего воздуха, тишины и голубого неба все больше недостает современным американцам, особенно жителям больших городов, обитателям «каменных джунглей».

Аляску, особенно летом, наводняют туристы, и можно сказать, что «Большая страна» одновременно с нефтяной переживает теперь приступ «туристской лихорадки», хотя, быть может, протекающей не так бурно и болезненно, как предыдущие. Аляска притраивается к туристам. Главным образом для них устраиваются здесь многочисленные фестивали: «пушной», «крабовый», «ледяной» (каких только нет!), организуются разнообразные зрелища и развлечения.

С Номом, прежде чем я побывал в этом городе, меня познакомили туристские проспекты и путеводители.

«Когда-то это был палаточный лагерь, и его будущее всецело зависело от золота,—говорится в проспектах.—Здесь бурлили страсти. Сейчас Ном—тихий городок на берегу Берингова моря, всего лишь в 150 милях от Сибири. Однако и теперь пребывание в Номе будет наполнено для вас различными и необыкновенными событиями...

Вы побываете на золотых приисках и заглянете в «золотое» прошлое Номы, увезете с собой щепотку золотосодержащего песка, а если вам повезет—и несколько крупинок золота...

В Номе вас ждут знаменитый магазин сувениров и музей эскимосского искусства, где сосредоточена самая большая на Аляске экспозиция художественной резьбы по кости. К вашим услугам магазин мехов и фигурок из кости, масок и ювелирных изделий. Вас ждут здесь феешенебельный отель и прекрасный обед...

Из Номы вы сможете поехать в рыбацкую деревню, расположенную на самом берегу моря, где вы сфотографируете собачью упряжку, увидите эскимосские лодки из шкур—умиак и каяк,—познакомитесь с настоящей тундрой, где царит вечная мерзлота, увидите подлинное иглу, сделанное из дерна и китовых костей...

Вы проведете незабываемый вечер в эскимосской деревне, среди эскимосов, услышите их песни и увидите их танцы. Но если хотите, можете провести вечер в самом Номе, ощутить вкус и колорит Аляски в настоящем салуне...

Вы сможете сфотографироваться в лучах полуголодного солнца...

Покидая Ном, вы будете полны ярких впечатлений об истинной Аляске, истинной Арктике. Выданный вам диплом с указанием вашего имени подтвердит, что все это не было лишь прекрасным сном...»

Все, что обещают туристам проспекты и путеводители, действительно ждет их в Номе, быть может, лишь в более скромных масштабах. Хотя об этом городе уже говорилось, я вернусь к нему еще раз, чтобы рассказать о встрече с туристами, относящимися к наиболее распространенной на Аляске категории.

Едва наш повивающий виды «Гусь» съехал с посадочной полосы здешнего большого и хорошо оборудо-

ванного аэродрома, как на нее плюхнулся многоместный пассажирский «Боинг». И пока мы присматривали место для своей стоянки, а затем медленно и робко к ней пробирались, «Боинг» в своем гордом величии уже подкатил к зданию аэровокзала, и из его чрева потекла пестрая толпа путешественников. То были, как правило, пожилые американки. Несмотря на то, что день стоял теплый, все они были одеты по-зимнему — в яркие парки, отороченные или подбитые мехом. Не было никаких сомнений, что туристы обстоятельно изучили путеводители, что они готовы не только насладиться обещанными прелестями «истинной Аляски», но если придется, то до конца испытать и «чашу арктических ужасов», до последнего бороться с невзгодами арктической природы.

В Номе и впрямь оказались вполне современные гостиницы, есть там магазины сувениров и салуны. Все это, конечно, для туристов. На них рассчитана и местная реклама — экзотически-арктическая. Один из магазинов сувениров украшен стоящим на его фронте белым медведем почти в натуральную величину, сделанным из пластика. Вывеска соседнего магазинчика написана на тюленьей шкуре, а при входе в него, на улице поставлена во много раз увеличенная скульптура эскимосского божка-пелликена (настоящие пелликены величиной в мизинец или чуть больше вырезаются из моржового бивня). Снаружи магазин декорирован под бревенчатый дом. В витринах салунов, так же как и в питейных заведениях иных широт, бутылки разных форм, размеров, цветов. У одного на вывеске значится «У Берингова моря», у другого — «Найди свой самородок», совсем как в далекие времена на «Диком Западе». На нешироких улицах — туристы, снующие от магазина к магазину, от салуна к салуну, деловито, с твердым намерением получить сполна от «истинной Аляски» за истраченные на эту поездку в общем-то немалые деньги.

Кроме гостиниц, магазинов, салунов в городе есть еще церковь, школа, несколько контор. Производства же никакого. Значит, найти работу местному жителю трудно, только так или иначе обслуживать туристов. А осенью, зимой, когда поток туристов иссякает?

Темнеет. Зажигаются фонари на Фронт-стрит — главной улице. Здесь, как и днем, людской водоворот — толпы тех же туристов. У входа в салун на тротуаре топчется несколько подростков-эскимосок — одни в

джинсах и джинсовых куртках, другие в длинных платьях, все с ярко размалеванными лицами. Прохожих девицы обстреливают многозначительными взглядами. Здесь же, на ярко освещенном пяточке завязывается драка. Двое парней как-то беззлобно, но картинно награждают друг друга оплеухами. Далеко вокруг раздаются глухие звуки ударов. Драчуны падают, вскакивают на ноги и вновь продолжают бой. Вокруг теснятся зеваки.

— Дай! Дай ему еще! — выкрикивает одна из путешественниц дам. Другая то и дело аплодирует. Невдалеке прошел полицейский, но на драку не обратил внимания. Не было ли это тоже аттракционом, организованным туристской фирмой в пределах программы «истинной Аляски»?

Самолеты привозят группы американцев из «нижних» штатов, реже — иностранцев, в Коцебу, на мыс Барроу, на Кадьяк, в Ситку, Джуно, Кетчikan. Это «организованные» туристы. Кроме них на Аляску едут любители пеших маршрутов (такого путешественника в Америке зовут «хайкер», а само путешествие называется «хайкинг») и лодочных походов (они называются «каноеинг» или «каякинг»; последнее относится к байдарочникам), путешествий на верховых лошадях и собачьих упряжках. Вошли в моду странствия одиночек, даже путешествия в одиночку в «Белое безмолвие» по зимней Аляске.

Около полумиллиона туристов ежегодно приезжают сюда, и по прогнозам количество их будет увеличиваться с каждым годом примерно на семь процентов.

«Лихорадки», похоже, — неизбежный недуг «Большой страны». Они определяют в ней многое, даже облик здешней природы.

Аляска еще не переболела нефтяной и туристской «лихорадками», а на севере штата уже обнаружены большие запасы природного газа и разрабатываются проекты его перекачки на юг по трубам. Все чаще слышатся разговоры о возрождении добычи золота. Может быть, это начало новых «лихорадок»?

ВЕРНУТЬ ЕЕ
МЕДВЕДЯМ?

Что природа Севера неустойчива и легко ранима, было известно и раньше. История освоения Аляски дала тому множество примеров, и следы неразумного хозяйствования людей видишь в «Большой стране» часто. Особенно запоминаются рукотворные пустыни, возникшие на месте лесов или тундр, обезобразившие речные долины и склоны гор. «Бедленд» — называют американцы участки земли, в которые уже трудно вдохнуть жизнь, на которых трудно или невозможно восстановить почву, растительность, вернуть сюда птиц и зверей. Они не привлекают туристов, а это уже из области не эстетики, а бизнеса: туристы дают штату солидный доход. Около ста миллионов долларов, например, оставили здесь туристы в 1976 году.

Природа Аляски терпит урон и в результате человеческой деятельности за пределами штата. Так, фермеры «нижних» штатов применяли ДДТ и другие химические средства борьбы с вредителями сельского хозяйства, а остатки этих соединений найдены в организме аляскинских тюленей и белых медведей, причем в количествах, представляющих уже опасность для жизни животных (тем более для их размножения). Морские воды приносят к побережьям Аляски нефтяные пятна — следы случившихся вдали крушений танкеров. Но конечно, еще больший урон природе Аляски причиняется здесь, на месте. Особенно это стало ясно с открытием и началом разработки нефтяных месторождений.

Не случайно конец шестидесятых и семидесятые годы стали отправной точкой изменения взаимоотношений человека и природы на Аляске. Были введены в действие новые, более строгие правила и нормы допу-

стимых нагрузок на природные ресурсы. Правила проведения горных работ и строительства, использования транспорта, поведения туристов... Например, в аляскинских тундрах было запрещено ездить летом на тракторах или вездеходах (это здесь главные враги почв и растительности), ограничены полеты самолетов в местах обитания стад оленей и баранов, гнездовый птиц. В семидесятых годах на Аляске резко возросла площадь охраняемых территорий. В те же годы началось советско-американское сотрудничество в области охраны окружающей среды, в том числе северных районов планеты.

«Джентльмены! Эти места слишком велики и слишком прекрасны, чтобы принадлежать кому бы то ни было одному. Они должны быть выделены правительством для пользования и на радость народа на все времена в качестве общенационального парка». Эти слова будто бы произнес 19 сентября 1870 года Корнелиус Хеджс, судья из штата Монтана, когда впервые попал в сказочный мир глубоких каньонов, величественных гейзеров и водопадов, окружающих озеро Йеллоустон («Желтый камень»). Считается, что именно так родилась идея создания в Америке национальных парков. Первым из них и стал Йеллоустонский парк, учрежденный правительством США в 1872 году. Кстати, память о Хеджсе и его исторической фразе оживает каждую осень в представлении, которое разыгрывается перед посетителями парка, якобы на том самом месте, где судья произнес свой монолог.

В середине семидесятых годов нашего века в США насчитывалось тридцать семь национальных парков. Единственный в то время на Аляске парк Маунт Мак-Кинли входил в категорию крупнейших по площади и «пожилых» по возрасту.

У каждого национального парка США свои специфические цели и задачи, но есть и общие. Все они располагают относительно обширными, чем-либо примечательными территориями и дают людям возмож-

ность отдохнуть среди нетронутой природы, полюбоваться пейзажами, увезти на память несколько фотографий (ничего «материального», например ягод или цветов, вывозить отсюда обычно не разрешается).

Как можно меньше вмешиваться в природу, сохранять неизменными естественные ландшафты — таковы основные принципы хозяйствования человека в национальных парках Соединенных Штатов. Здесь поэтому не только не рубят лес, но, как правило, даже не убирают валежник и бурелом, без крайней необходимости не вмешиваются в жизнь животных. Конечно, понятие «крайняя необходимость» весьма неопределенно. На заре организации национальных парков в них истреблялись хищники. Йеллоустон, например, был полностью очищен от пум — самых крупных представителей семейства кошек в Северной Америке — и волков. Привело это к тому, что в парке быстро размножились и достигли невиданно высокой численности олени вапити. Они в свою очередь почти полностью истребили осинники и тем самым сильно изменили исконный облик здешних лесов. Сама собой возникла проблема сокращения числа оленей. За последние несколько десятилетий тысячи вапити были отстреляны или пойманы в самом Йеллоустонском парке и десятки тысяч — за его пределами, на смежной территории. Проблеме удается решить, однако ружейная канонада отнюдь не способствует общению человека с природой, да и вообще противоречит основным принципам деятельности учреждения. Парку Мак-Кинли, как уже говорилось, повезло — там не истребляли хищников, и сейчас там не гремят выстрелы.

В Соединенных Штатах существует более двадцати категорий так или иначе охраняемых заповедных уголков природы или исторических мест. Есть здесь так называемые национальные памятники. На Аляске это Катмай и Ледниковый залив. От национальных парков они отличаются лишь тем, что в них можно увидеть какие-нибудь исторические или археологические реликвии. Но и там, как и в национальном парке, посетители общаются с первозданной природой, и там их встретит лесничий (рэнджер), который не только следит за порядком, но и помогает путешественникам советом, а когда это необходимо, то и делом. В национальных парках и памятниках обычно есть музеи и выставки, гостиницы и кемпинги — места, где можно поставить автомобиль, палатку, разжечь костер. И там и там есть

магазины, рестораны, закусочные, иногда лыжные базы и базы проката лошадей, кинотеатры и даже церкви. Однако сосредоточение здесь предприятий, имеющих косвенное отношение к охране природы, не благо, а одно из бедствий, составляющих издержки популярности заповедных уголков.

Национальным памятником еще в 1910 году была объявлена Ситка со всеми ее реликвиями—остатками старинного форта и другими зданиями времен Русской Америки, глиняными тотемными столбами. А в 1976 году организован пока единственный в штате исторический парк, посвященный «золотой лихорадке»—событиям, происходившим здесь на рубеже прошлого и нынешнего веков. Этот парк вобрал в себя знаменитые Белую и Чилкутскую тропы—пути к Клондайку, часть города Скагуэй с его старинными постройками.

Еще более развита в Соединенных Штатах система национальных заказников («убежищ», «местообитаний», «пастбищ» дичи). Всего в стране их больше трехсот, не Аляске в середине семидесятых годов было восемнадцать. Большинство заказников находится на юго-западе и юго-востоке «Большой страны»—в дельте Юкона и Кускокувима, на островах Берингова моря. Одни из них были организованы еще в начале века. С 1909 года например, существуют «убежища» на островах Св Матвея, Богослов, Св. Лазаря (невдалеке от Ситки) Эти не заселенные человеком участки суши славятся главным образом большими птичьими базарами. Другие учреждены всего лишь десять—двадцать лет назад. Так, в 1960 году организованы Арктический заказник на северо-востоке штата, заказники Айзембек на полуострове Аляска и Кларенс-Род в дельте Юкона и Кускокувима. Первый из них предназначался для охраны всего природного комплекса Арктики, в том числе диких северных оленей и диких баранов и их пастбищ. Два других охраняют водоплавающих птиц на местах их гнездовий (Кларенс-Род) или отдыха во время миграций (Айзембек).

Площади аляскинских заказников неодинаковы. Арктический заказник, например, раскинулся на четырех миллионах гектаров. Алеутский (он охватывает около двухсот островов и был создан в 1913 году для охраны каланов и птичьих базаров)—больше чем на миллионе гектаров. Примерно такой же величины заказник Кларенс-Род. Убежища и пастбища дичи на Кенайском полуострове, островах Кадьяк и Нунивак считаются

средними по величине; их угодья составляют от полу-миллиона до миллиона гектаров. Но есть среди заказников и «карлики». Площадь острова Св. Лазаря, например, меньше тридцати гектаров, а острова Хэзи (этот заказник тоже находится на юго-востоке Аляски и организован для охраны гнездовой морских птиц) — меньше двадцати. Различен и режим заказников. На острове Св. Лазаря и острове Форрестол (он находится на юго-востоке Аляски, и в нем охраняются птичьи базары), в заливе Хазен (здесь на нескольких небольших островах недалеко от дельты Кускоквима охраняются гнездовья водоплавающей дичи) охота и рыбная ловля полностью запрещены, а на некоторых Алеутских островах, а также в Арктических заказнике, в заказниках Айзембек, Кларенс-Род можно и охотиться, и ловить рыбу, правда, с большими ограничениями, чем на остальной территории штата. На острове Нунивак местным жителям разрешается промысел пушных и морских зверей, промысловая добыча рыбы. В Кенайском заказнике допускается не только туризм, спортивная рыбная ловля, охота, но и рубка леса.

Словом, в штате сложилась система различного рода охраняемых территорий, состоящая из национальных парков и памятников, исторического парка, заказников, национальных лесов (в национальных лесах обычно охраняются лишь отдельные участки, на большей же площади допускается заготовка древесины). В середине семидесятых годов общая площадь таких территорий превышала десять миллионов гектаров, что составляет около десяти процентов территории штата. По этому показателю уже тогда Аляска занимала в США первое место. В разгоревшейся в середине семидесятых годов дискуссии о будущем «Большой страны», об отношении к ее природе особенно часто упоминались охраняемые территории.

«Система их в штате должна быть увеличена вдвое», — требовали сторонники консервации природных ресурсов.

«Вы не только возвращаете страну индейцам (имелся в виду «Закон об удовлетворении земельных претензий коренного населения Аляски» — речь о нем пойдет ниже), но и отдаете остальное медведям», — возражали противники дополнительных мер по охране природы.

Победили, однако, первые, и в конце 1977 года общая площадь охраняемых территорий Аляски увеличилась на

двадцать пять миллионов гектаров и составила около четверти территории штата. Организуются десять новых национальных парков и памятников и расширяются три старых, учреждаются девять новых заказников и тридцать три «охраняемые зоны речных долин»: они создаются для сохранения долинных лесов, нерестилищ рыб и чистоты самих рек.

Самой большой из охраняемых территорий станет национальный памятник «Горы Врангель—гора Св. Ильи» площадью больше четырех миллионов гектаров. Он включает в себя высокогорья и ледники, в том числе самый крупный на Аляске ледник Маласпина, горные тундры и морские побережья в северной части залива Аляска. Немногого уступят ему в размерах национальные парки «Ворота в Арктику» (на хребте Брукса) и «Озеро Кларк». Этот парк находится у основания полуострова Аляска; его живописные леса и ледники, вулканические пики, кристальной чистоты озера и горные реки давно уже привлекают туристов. Национальный заповедник «Имурук» организуется на площади более миллиона гектаров на полуострове Сьюард и побережье Берингова пролива. Немногом меньше миллиона гектаров площадь нового национального памятника «Кобук», расположенного на юго-западных склонах хребта Брукса.

Юкон в его среднем течении и приток Юкона Чарли объявлены «национальными реками». Площадь этого заповедного участка тоже немногом меньше миллиона гектаров. Здесь в речных долинах охраняются леса и скалы—местообитания диких баранов и соколов, интересные геологические обнажения, остатки старательских хижин и другие следы «золотой лихорадки».

«Добыча нефти угрожает не только северным оленям, но и нашему существованию»,—нередко говорят аляскинцы.

Когда-то жители здешних отдаленных поселков мечтали о дорогах, которые открыли бы им доступ к большим городам. В середине 1970-х годов дороги в представлении многих обитателей аляскинской глубинки превратились в зло.

«Это несчастье, это конец дичи, конец природе»,—говорят они. И многие американцы, не только обитатели штата, считают, что Аляска—это последняя окраина США, где еще возможна жизнь человека в гармо-

нии с природой, что живописные ландшафты и свежий воздух Аляски—главное ее богатство.

«Охранять природу Аляски—значит вернуть ее людям»,—утверждают сторонники консервации природных ресурсов штата.

«Заповедники дают прибежище медведям, но обрекают на голод людей, поскольку охраняемые территории становятся заслоном на путях развития промышленности»,—возмущаются аляскинские безработные.

«Мы тоже за охрану природы, но где нам пасти оленей?»—спрашивают эскимосы-оленоводы.

«В штате необходимо развивать промышленность, строить автомобильные дороги, мотели, бензиновые колонки»,—требуют бизнесмены.

Так что же, создание охраняемых территорий, сама охрана природы—благо или несчастье для штата?

«В этом трудно разобраться»—так говорят даже сами американцы. Вот, например, что пишет американский социолог Виктор Перло: «Я обсуждал эти вопросы с редактором газеты маленького городка. Какова его позиция? Он признался, что разрывается между двумя точками зрения. С одной стороны, многие, особенно среди коренного населения, безусловно нуждаются в работе и, бесспорно, немало жителей 48 «южных» штатов были бы рады переселиться на Аляску. Но, с другой стороны, возможность такого наплыва внушает ему страх, ибо нынешнее ощущение протора и безмятежности тогда неминуемо исчезло бы. Поэтому он предпочел бы, чтобы Аляска сосредоточивала свои усилия на развитии торговли, связанной с туризмом, а не на развитии производственной экономики.

В таком контексте выступления в защиту окружающей среды превращаются в идеологическое подкрашивание позиции по сути дела консервативной и мелкобуржуазной. Но если я осуждаю «сторонников охраны природы» за их равнодушие к нуждам трудящихся, то к поборникам ускоренного развития промышленности я отношусь не менее критически. Они стремятся к тому, чтобы открыть Аляску для спорадического анархического развития, когда и если это будет достаточно выгодно большому бизнесу»*.

Непросто все здесь, на Аляске!

* Виктор Перло. Аляска: социально-экономические противоречия.—«Международная жизнь», 1979, № 2. Статья специально подготовлена для этого журнала.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Летаргия, которую переживала Аляска в первые годы после покупки ее Соединенными Штатами, давно окончилась. В «Большой стране» развиваются бурные события.

«Нефтяная лихорадка» помогла алеутам, эскимосам, индейцам добиться в 1971 году закона об удовлетворении их земельных претензий. Закон, казалось, предоставлял в распоряжение коренного населения и землю, и денежную компенсацию за участки, отчужденные при строительстве нефтепровода. Но на самом деле все было гораздо сложнее. *«Коренное население,— пишет в уже упомянутой статье Виктор Перло,— выбрало (в соответствии с новым законом) участки территории, но передано ему почти ничего не было, если не считать одной большой полосы, связанной с нефтепроводом. Все акулы американского империализма внешне решили, что отобранная земля совершенно необходима им, и теперь используют все трюки судебной системы США, все тупики вашингтонского бюрократического лабиринта, чтобы лишить коренные народности этой земли».*

Не случайно американцы называют новый закон «самым примечательным и самым непонятным актом, когда-либо принятым правительством». С окончанием постройки нефтепровода на Аляске разразилась безработица, может быть, даже в более острой форме, и особенно трудно стало найти работу алеуту, эскимосу или индейцу.

— Летом еще как-то можно перебиться, а зимой хоть ложись в берлогу, как гризли,— ответил ситу-менеджер Энди Эдж на мой вопрос, легко ли найти работу эскимосу в Бетеле.

Жизненный уровень аляскинских аборигенов занимает в Соединенных Штатах одно из последних мест, а средняя продолжительность их жизни чуть ли не вдвое короче, чем в целом по США. Их серьезными конкурентами становятся туристы, любители — рыбаки и охотники. Например, в дельте Юкона и Кускоквима, на исконных угодьях эскимосов, в 1940 году были проданы разрешения на любительскую рыбную ловлю четырем с половиной тысячам человек, в 1973 году — больше чем восьмидесяти тысячам. В 1940 году было продано приезжим двести разрешений на спортивную охоту, в 1973 году — почти двести тысяч! Организация в

штате системы охраняемых территорий не учитывала интересов коренных жителей. Не удивительно поэтому разочарование и безнадежность, все чаще охватывающие аляскинских эскимосов. И не в этой ли безнадежности кроются причины трагической эпидемии самоубийств среди аляскинских аборигенов?

Однако и до Аляски докатываются отзвуки событий, бушующих в «нижних» штатах: ставших известными на весь мир выступлений индейцев в Вундед-Ни и на острове Алкатрас, маршей протестов американских индейцев и негров против попрания их гражданских прав. У аляскинских эскимосов, алеутов, индейцев «прорезается голос». Он звучит со страниц индейской газеты «Тундра таймс», он слышался на первой в истории конференции инуитов, происходившей в Барроу. Аляска — часть Соединенных Штатов Америки, и ее жители, независимо от того, «цветные» они или «белые», встревожены ростом безработицы, инфляцией, тем что жизнь становится все труднее и дороже.

С тревогой прислушиваются на Аляске к переменам в политике американской администрации. Разное могут они принести. Мужественные и трудолюбивые люди «Большой страны» хотят верить в мирное будущее.

Разрядка в отношениях между СССР и США способствовала росту интереса аляскинцев к Советскому Союзу, развитию контактов между американцами и советскими людьми. Особенно расширились такие связи после заключения в 1972 и 1973 годах соглашений между СССР и США о сотрудничестве в области науки и техники, в области охраны окружающей среды, по сельскому хозяйству, здравоохранению.

Сдвиг к лучшему в эти годы в отношениях между нашими странами позволил начать и эксперимент по реаклиматизации овцебыков на их древней родине, о чем рассказывается на страницах этой книги. В 1974 году, когда состоялось наше знакомство с бородачами, на Алеутских островах в совместной экспедиции работали археологи — советский академик А. П. Окладников и американский профессор В. Лафлин. В следующем году на Таймыр и Чукотку приезжали аляскинские зоологи и лесоводы, чтобы познакомиться с достижениями сибирских специалистов. А американские инженеры изучали советский опыт постройки газопроводов на вечной мерзлоте.

В 1976 году вместе с советскими исследователями изучал миграции гусей на острове Врангеля американ-

ский орнитолог В. Слайден. В следующем году работа продолжалась на Аляске, в дельте Юкона и Кукоквима, и в ней участвовал московский орнитолог А. А. Кищинский. Тогда же совместно с американскими зоологами изучали и метили китов в Ледниковом заливе Аляски советские зоологи В. А. Земский и А. В. Берзин. В том же году на снежной вершине Мак-Кинли заалел советский вымпел—его подняли наши альпинисты. «Русские наверху»,—с восхищением писала о них «Анкоридж таймс». «*Это одно из самых скоростных покорений Мак-Кинли*»,—отмечали многие аляскинские газеты. Несколькими месяцами позже «ходоки» с той стороны Берингова пролива знакомились с работой и жизнью сибирских оленеводов...

Многое могут сделать люди двух соседних континентов, если живут они в одном климате—климате взаимопонимания и мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
АЛЯСКА—	
«БОЛЬШАЯ СТРАНА»	
(из путевых тетрадей)	7
Страна ветров и туманов	9
Красные зори и десять тысяч дымов	24
Вотчина «полярного микроба»	35
Край, омытый дождями	48
Полпред «Большой страны»	56
Подвластна Юкону	66
ПУТЕШЕСТВИЕ	
В РУССКУЮ	
АМЕРИКУ	86
Икогмют—Русская Миссия	—
Окно в Америку	93
Языком географической карты	100
Тени Шелихова и Баранова	103
Апостол Аляски	109
Кассакиак—настоящий казак	112
ИНДЕЙЦЫ,	
АЛЕУТЫ,	
ЭСКИМОСЫ	117
Мост через Берингов пролив	—
Первые встречи	130
«Ходоки» в Сибирь	138
ЗА ОВЦЕБЫКАМИ	
В АЛЯСКИНСКУЮ	
ГЛУБИНКУ	152
В стороне от торных дорог	—
Нунивакские будни	156
Умингмак	168
Как ловят овцебыков	175
Долог ли путь на остров Нунивак?	182
СОРОК	
ДЕВЯТЫЙ	
ШТАТ	186
Большая медведица и незабудки	—
Аляскинские «лихорадки»	189
Вернуть ее медведям?	197
Вместо заключения	204

В книге помещены фотографии: В. А. Борисова, В. А. Земского, А. А. Кищинского, С. Панкратьева, С. М. Успенского, В. Н. Шатаева

Успенский С. М.

У77 К востоку от Берингова пролива (По Аляске).—М.: Мысль, 1980.—207 с., ил., 12 л. ил.—(Рассказы о природе)

1 р. 40 к.

Известный полярный исследователь, побывавший на Аляске, рассказывает о ее суровой природе, особенностях животного мира, об организованной в штате системе охраняемых территорий. В книге есть и отступления в историю, и рассказы об аляскинских эскимосах, чья самобытная культура разрушается под напором образа жизни капиталистической Америки. Книга предназначена для широкого круга читателей.

У $\frac{20901-069}{004(01)-80}$ 181-80

91(И7)

УСПЕНСКИЙ САВВА МИХАЙЛОВИЧ
К ВОСТОКУ
ОТ БЕРИНГОВА
ПРОЛИВА
(ПО АЛЯСКЕ)

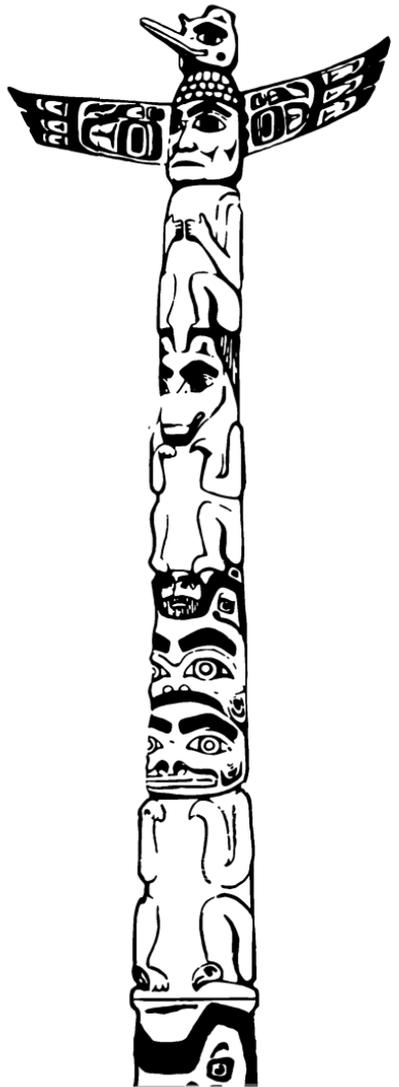
Заведующий редакцией А. П. Воронин
Редактор Т. М. Галицкая
Младший редактор Т. А. Шешина
Редактор карты О. В. Трифонова
Художественный редактор Е. М. Омеляновская
Технический редактор В. Н. Корнилова
Корректор В. А. Макарова

ИБ № 1478

Слано в набор 18.09.79. Подписано в печать 25.04.80. А02039.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарн. таймс.
Высокая печать. Условных печатных листов 12,18 с вкл.
Учетно-издательских листов 12,85 с вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ № 639. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054. Москва, М-54, Воровая, 28.

1 p. 40 к.

